

Альманах
История. Культура. Литература
УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года №3 (22) 2001 год

СОДЕРЖАНИЕ:

КАФЕДРА

Анатолий ГАВРИКОВ, Елена БАРКАНОВА - Университет входит во второй год нового столетия	2
Евгений АНИСИМОВ - Дом варяжского дракона	3
Нинель ДОЙНИКОВА - «О тихий край, опять стремлюсь мечтою...»	5
Юлий ЦИРКИН - Тайна четвертой эклоги Вергилия	7
Павел ФОКИН - На изломе судьбы	10

НОВГОРОД

Людмила СЕКРЕТАРЬ - Георгиевский собор Юрьева монастыря	14
Людмила ПЕТРОВА - «Для вашего преуспеяния в делах духовных...»	22
Владимир ЯДРЫШНИКОВ - Храм Николы на Липне	30
Татьяна ВАСИЛЬЕВА - Иностранцы туристы в Новгороде	37

ЭХО

Сергей ТРОЯНОВСКИЙ - «Не изменять заветам...»	40
Татьяна ДАНЬКО - Документы ГАНО о подготовке к XV археологическому съезду	42
Татьяна РУБАХИНА - Из жизни Новгородской губернии: год 1901	47

АРХИВ

Татьяна ДАНЬКО - «Охранение народного здоровья и общего блага...»	51
Галия НАСУРДИНОВА - Каратели	58

EXLIBRIS

Наталья МОРЫЛЁВА - Две книги о Новгороде	70
Рената МАКЕЙКИНА - Новгородские партизаны	73

ИМЕНА

Ирина САВИНОВА - «Пришла пора быть искренним...»	75
--	----

РОДНИКИ

Алевтина ЯКОВЛЕВА - Слова — народные	84
Ирина ПАВЛОВА - Здравствуй, Груша	85

МАСТЕРА

Владимир ЯРЫШ - Диво да краса — тиснёны твеса	90
Тамара СИГАЛОВА, Дмитрий ЖУРАВЛЁВ - «Для меня главное — доброта в живописи»	98
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО, Тамара СИГАЛОВА - Десять лет радости	102

КОЛОКОЛА

Ирина ПОКРОВСКАЯ - «Среди измен, среди могил он улыбаясь сыпал розы...»	104
--	-----

ПЕРО

Наталья СЫРНИКОВА - Одесса — ты всюду со мной...	106
Владимир ПОПОВ - Стихи	108
Анатолий ОБЪЕДКОВ - Стихи	109
Алексей КОРОТКОВ - Стихи	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Сергей ВИТУШКИН
Анатолий ДОНЧЕНКО
Виктор ДУДКИН
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Геннадий ИГНАТЬЕВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Наталья МОРЫЛЕВА
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Наталья САУКОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Владимир ТЮРИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ

УНИВЕРСИТЕТ ВХОДИТ ВО ВТОРОЙ ГОД НОВОГО СТОЛЕТИЯ

*(Интервью ведущего редактора журнала «Чело»
Елены Баркановой с президентом НовГУ Анатолием Гавриковым)*

— Анатолий Леонидович, новый учебный год в образовательных учреждениях начался в обстановке резко возросшего интереса правительства России и лично президента В.В. Путина к вопросу образования. Какие блага сулит такая политика нашему университету?

— Модернизация образования, как сегодня сказано, даже не реформирование, в большей степени затрагивает среднее общее образование и в меньшей — профессиональное, так уж сложилось. Пока у меня нет ясного представления, каким же образом сегодня будет проходить эта модернизация. Почему? На предыдущих этапах были проработаны значительные документы, программа развития образования; в федеральных программах прописаны многие показатели, которые, в свою очередь, через новые экономические показатели должны существенно изменить положение в сфере образования. С увеличением средств, выделяемых на образование, должна была измениться качественно сама система. Какая сегодня неясность? Как же будут достигаться эти параметры в случае модернизации, как будет меняться программа. С появлением термина «модернизация» полагаем, что программа останется в силе. Будут какие-то изменения, носящие «косметический» характер, внятных документов на этот счёт нет. Несмотря на большую подготовительную работу, результаты которой обсуждались на Совете Федерации, существует ряд противоречий, которые остались не то что не решёнными, но, наверное, даже не обсуждёнными.

В прошлом году правительство предприняло попытку проведения серьёзной модернизации, выработан план первоочередных мер: известные и обсуждаемые всеми 12 пунктов (ЕГЭ и т. д.). В течение года Министерство провело мобилизацию специалистов высшей школы для того, чтобы подготовить решение поставленных задач. Судя по тем постановлением, которые правительство приняло, ничего существенного не предложено. Приходится констатировать, что каких-либо кардинальных изменений не предвидится. Так что и в деятельности Новгородского государственного университета в связи с этими решениями глобального ничего не произойдёт. Не то, что мы пассивны, скорее наоборот — мы за это время столько сделали такого, что выходит за рамки предлагаемых мер. НовГУ готовится к очередной переезде — это актуально. Конечно, нужна поддержка в части финансирования, особенно — инженерного образования. Сегодня город справедливо говорит о проблеме в этой сфере. Можно, конечно, оспаривать количественный показатель данной проблемы, но совершенно очевидно, что нужно повернуться лицом к инженерной подготовке. Если этого не произойдёт в ближайшие годы, то очень скоро подступать к ней будет весьма сложно. Дело в том, что такого рода подготовку нельзя организовывать на пустом месте. Для обеспечения передовых направлений в обучении инженерным специальностям на каждого студента требуется 100–120 тысяч рублей, а сейчас выделяется в среднем 9–12 тысяч. Экономика области на

подъеме, так что, думается, вскоре обозначатся существенные изменения.

— Необходимость существенного изменения содержания и структуры профессионального образования ясна. Как Вы прокомментируете тот факт, что всё чаще в областной и городской прессе уделяют пристальное внимание рабочим специальностям?

— То, что востребованы квалифицированные рабочие, хорошо, без этого невозможно развитие производства и общества в целом. Это только радует. Возможно, вузу стоит сконцентрировать внимание на подготовке к сложным специальностям, дабы в дальнейшем не оказаться неконкурентоспособными на рынке труда. Хотя я не могу сказать, что выпускники нашего вуза сидят без работы: все (за небольшим исключением) трудятся, правда, не всегда по специальности, но это в большей степени связано с их личной мотивацией.

— Вы говорили о проблемах финансирования. Что Вы можете сказать о платном обучении в университете?

— По отношению к бюджетному контингенту в этом году произошло снижение доли студентов-платников, примерно 10–12% их на дневном отделении и 25% на заочном. В будущем году платное образование в процентном отношении, я думаю, останется на том же уровне. Основная часть студентов учится бесплатно. В планах правительства — увеличение бюджетного финансирования, но это в большей степени касается среднего образования. Повышение стоимости платного образования — мера вынужденная. Я, конечно, хочу, чтобы мы в ближайшее время нашли серьёзные источники финансирования; невозможно полагаться только на федеральные деньги.

— Если раньше практиковалось распределение выпускников по окончании института, то как обстоит дело сейчас? Есть ли заказ от предприятий?

— Пока процент небольшой. Сразу скажу, предвидятся изменения с принятием решения о целевом государственном заказе на подготовку специалистов различных квалификаций. Предприятия же работают с биржей занятости. В ходе подготовки и далее мы, безусловно, будем помогать тем, кто приехал из сельской местности. Предприятия на данный момент не готовы оплачивать целевую подготовку требуемых специалистов.

— На рынке труда складывается ситуация, когда молодые специалисты оказываются неконкурентоспособными только по той причине, что у них отсутствует опыт работы, и в то же время предприятия не торопятся предоставить студентам-выпускникам возможность получить его на практике.

— Действительно, ситуация такова, и это основная проблема, которую приходится решать молодым специалистам, выходящим из стен университета. Мы, в свою очередь, делаем всё возможное, чтобы наши выпускники были с работой, отвечали современным требованиям их квалификации.

ДОМ ВАРЯЖСКОГО ДРАКОНА

Это только нам кажется, что мы много знаем о варягах. Варяжский мир ведь повернут к нам только ликом бородатого варяга-викинга в высоком шлеме с широким сверкающим мечом в руке. Это страшный лик беспощадного завоевателя, отчаянного искателя приключений, ненасытного грабителя...

В ЛЕТО И В ИСТОРИЮ

Когда внезапно с криками грозные викинги выпрыгивали на берег из своих изящных кораблей-драккаров с носами, похожими на головы драконов, ужас охватывал прибрежных жителей древней Франции, Италии, Голландии. Викинги казались не просто пиратами, разбойниками, а неуязвимыми выходцами из другого, непонятного, страшного мира... Кто они, викинги, эти «люди моря», которых столетия боялась вся Европа от Британии до Византии, как они жили у себя на родине, в Скандинавии? Можем ли мы хоть на мгновение почувствовать их мир, побывать в нем? Оказывается, да, есть такая машина времени...

Эта «машина времени» — обыкновенный старый автобус, в котором мы, группа туристов, отправились из Петербурга в Норвегию. И вот одним прекрасным ранним утром, немилосердно дымя скатами на серпантине узкой горной дороги, наш автобус медленно начал спускаться вниз с перевала, в зелено-голубую долину Согне-фьорда, что на сотни километров «заползает» из Северного моря в глубь Норвегии. Мы ехали из зимы в лето. Наверху, на перевале, слежавшиеся февральские сугробы тонули в холодном белесом тумане, чуть ниже автобус въехал в мартовскую оттепель с привычным для нее шумом ручейков вдоль дороги, еще ниже, за поворотом, появились уже апрельские тополя с нежными клейкими листочками, затем нас окружило вдруг буйство майского цветения сирени. Еще сотня метров вниз и, кряхтя, наш автобус въехал, наконец, в «календарный» июнь — на обочине цвел, как невеста, куст жасмина, было тепло и тихо. Но мы уже давно не смотрели вокруг и не замечали ни жасмина, ни зеленых крутых «стен» фьорда, с которых неслышно спадали струи водопадов. Перед нами внезапно возникло чудо...

ЧУДО БОРГУНДА

На изумрудном лугу, за низкой каменной оградой тянулась вверх, к бледному небу необыкновенная деревянная церковь, многоярусная, крытая потемневшим коричнево-желтым лемехом — знаменитая церковь в урочище Боргунд. Те, кому довелось впервые увидеть Кижи — волшебное деревянное чудо, тот поймет нас... Но здесь чувство восторга сменяется легким недоумением — неужели в путеводителе нет ошибки: «Церковь построена около 1150 года, здание подлинное, без пристроек и перестроек»? Невероятно! Когда строилась эта церковь, у нас княжил Юрий Долгорукий, только что была основана Москва, в дремучих

Брыньских лесах, на будущей Калужской земле, язычники поклонялись своим идолам... И тут душу охватило непонятное, смутное беспокойство — что-то в этой прелестной церкви не так, что-то непривычно «колет» глаз. Вот оно: на коньках свирепо топорщатся в небо, разевают языкастые пасти... викингские драконы, те самые, которых мы видим на их кораблях, боевом уборе, украшениях, оружии!..

Крупнейшая деревянная церковь XIII века.

И вся церковь с чешуйчатой спиной кажется свернувшимся на берегу фьорда драконом... Как она здесь появилась?

ГОРЕЧЬ СЛАДКОГО ВИНА ВАЛЬХАЛЛА

...С трудом вера в Христа и его искупительную жертву пробивалась в суровый мир скандинавов. Как же иначе: слыша раскаты грома, разве можно было сомневаться, что это страшный бог Один на черном коне в окружении валькирий — волшебных всадниц, скачет на охоту за людьми! И как счастлив погибающий в бою воин, зная, что он сразу попадет в Вальхалл — гигантский чертог для избранных героев. Здесь, в раю викингов, он будет блаженствовать, страшные раны его мгновенно затянутся, тушеное мясо волшебного вепря в неиссякаемом котле будет вкусно, как

и вино, которое поднесут ему валькирии... Но викингов, и живых на земле, и мертвых в Вальхалле, точила одна мысль: не будет пир в Вальхалле вечен, придет страшный день Рагнарёк — конец света, когда войско Одина сразится с великанами и чудовищами бездны. И погибнут все они — герои, волшебники, боги, с Одином во главе, в неравном сражении с исполинским змеем Ёрмунгандом, который стиснет в своих зловонных кольцах маленькую зеленую Землю и погубит всех ее обитателей — и богов, и людей...

ЗНАМЕНИЕ НАДЕЖДЫ

... Слушая эту сагу о неизбежной гибели мира, у жаркого очага, в кругу воинов и домочадцев, грустил конунг-король. За стеной его длинного низкого дома выла метель и порывы ее иногда врывались через прикрытый шкурой вход. И тут поднял голову старый викинг, принявший христианство еще во время похода на Византию. Он сказал конунгу: «Посмотри на вход, видишь: когда ветер приподымает шкуру, к нам влетает маленькая пичужка, и то краткое мгновение, пока шкура снова не закрыла вход, пичужка висит в воздухе, она наслаждается нашим теплом и уютом, чтобы в следующий миг выскочить снова на ветер и холод. Ведь мы живем в этом мире лишь одно мгновение между двумя вечностями холода и страха. А Христос дает надежду на спасение наших душ от вечной гибели. Пойдем за ним!..»

СТАВКИРКЕ, ИЛИ КОРАБЛЬ НА СУШЕ

Может быть так пришло христианство в Норвегию. Ровно тысячу лет назад стали поклоняться викинги новому Богу и начали строить христианские храмы. Но храмы эти выходили у них необычайными, странными. При виде их за голову хватался приплывший из-за моря ирландский монах-миссионер. Церкви эти теперь называют stavkirke (ставкирке) или мачтовыми церквями. В основе их «скелета» — мощные вертикальные столбы-мачты, к которым крепятся другие элементы сооружения. Входя внутрь церкви в Боргунде (а таких церквей в Норвегии сохранилось более 30 из 750, построенных в XI веке!), видишь над головой необыкновенный плавный обвод нефа — будто стоишь под перевернутым кораблем викингов. И это не случайно, ведь влияние на ставкирке древней техники кораблей признается всеми знатоками архитектуры.

Внутри церкви охватывает сумрачная тишина, запах старого дерева, смолы. Суровая простота убранства, белая каменная купель, в которой крестят детей, начиная с XI века, наивная «варварская» живопись с растительным орнаментом, буйно, как плющ, покрывающая грубо обструганные доски внутренней обшивки церкви-«корабля». В алтарной части — высокое и узкое окно, из которого видно кладбище и лес. В древние времена прокаженные, а их в Норвегии было особенно много (проказу порождал особый микроклимат фиордов), подходили к этому окну, чтобы услышать хоть издали слово Божье, чтобы подобрать брошенный доброй рукой кусок хлеба. Уже выходя из церкви, приглядишься — и снова всюду видны драконы: на полке стоит серебряная дарохранительница, и крышка ее

украшена головами драконов, вдоль всего портала с высоким порогом (чтобы злые безногие духи его не переползли!) вьется бесконечный дракон с причудливо переплетенными головами, хвостами, лапами — он охраняет дом нового Бога, который белым своим лицом и светлыми волосами напоминает Одина или Тора — другого бога викингов...

УБЕЖИЩЕ «ЗЛОБНОГО ОСМУНДА»

Может быть, в такую вот церковь в конце XVI века приезжал из долины Сетесдаль молиться неукротимый потомок викингов Осмунд Торлейвсон Рюгнестада. Ему было что замаливать перед кротким Христом — ведь Осмунд провел бурную жизнь и был известен в округе как «Злобный Осмунд»: в молодости убил родственника, бежал в Голландию, потом в Испанию, много воевал на Средиземном море, повидал мир и на пороге старости вернулся на родину. В долине Сетесдаль, у подножья поросшей соснами горы, Осмунд построил из огромных деревьев трехэтажный дом-крепость, с узкими бойницами окон, покрыл крышу берестой, на которую положил дерн, и вот этот дом зеленеет своим непромокаемым «лужком» на крыше уже пятое столетие! Кажется, что этот дом, как ставкирке, будет стоять вечно. Темные, закопченные стены внутри, сизый дым из каменного открытого очага поднимается к отверстию в потолке — все как во времена «Злобного Осмунда». Девушка у очага большой ложкой зачерпывает кашу из подвешенного к балке котла и радушно угощает нас... В доме Осмунда его потомки (девять колен!) жили непрерывно до 1940 года! Удивительно, что в жилах этой девушки, как и старших женщин, сновавших по родному дому — теперь уже ставшему музеем, течет кровь Осмунда! Одна из этих женщин с огромными ключами в руках вышла запираить за нами ворота. На прощанье она привычно встала у изгоро-

Долина Сетесдал

ди на фоне дома предков, под наши приготовленные к съемке фотоаппараты, и улыбнулась... Мужчин в усадьбе и вокруг я не увидел — неужто снова ушли в набег на своих легких драккарах с головами драконов или протестуют против загрязнения окружающей среды на стремительных желтых лодках Гринпис?...

«О ТИХИЙ КРАЙ, ОПЯТЬ СТРЕМЛЮСЬ МЕЧТОЮ...»

(Новгородский период творчества М.А. Кузмина)

Когда Романа Jakobсона, в 50-е годы возвратившегося в СССР после эмиграции, попросили назвать пять имен самых выдающихся русских поэтов XX века, он переспросил: «Пятерых после Блока?» — и далее отвечал так: «В. Хлебников, В. Маяковский, Б. Пастернак, О. Мандельштам и, может быть, Н. Асеев, но если вы замените его на М. Кузмина, я возражать не буду». Несмотря на давние «лефовские» пристрастия, Р. Jakobсон, будучи крупнейшим славистом, не мог не оценить по достоинству значение творчества Кузмина, тесно связанного с петербургской культурой, для всей русской литературы.

В восьмой гимназии, куда родители определили будущего поэта в 1884 году после переезда из Саратова, он встретил Г.В. Чичерина. В сфере общения юных гимназистов сразу оказались философские, литературные, искусствоведческие вопросы. Такая ранняя энциклопедичность интересов и определила духовную биографию молодого Кузмина. В 1904 году его постиг тяжелый удар — смерть матери. Совершенно беспомощный в быту и повседневной жизни, он последующие несколько лет (1906–1909 гг.) провел в семье старшей сестры Варвары Алексеевны Мошковой, в первом браке Ауслендер. С большой теплотой вспоминал поэт о том времени в стихотворении «Целый день»:

*Я посижу немного у Сережи,
Потом с сестрой, в столовой, у себя —
С минутой каждой Вы мне все дороже...*

С племянником Сергеем Ауслендером, прозаиком и критиком, Кузмина связывали не только узы родства, но и общность взглядов на литературу и искусство. Он не без гордости следил за успехами своего питомца, прозванного в литературной среде вундеркиндом, на формирование таланта которого оказал большое влияние:

*Одна звезда тебе над колыбелью
Цвела и над моей цвела весной.
Два языка даны душе одной:
Моя печаль поет твоей свирелью...*
(«Одна звезда тебе над колыбелью...»)

Лето 1907 года и 1908–1909 годы поэт провел в поселке Окуловка (Парахино) Новгородской губернии, где муж его сестры, П.С. Мошков, служил управляющим бумажной фабрикой. Это был период работы над сборниками «Сети» (1908 г.) и «Осенние озера» (1912 г.). Дебют Кузмина как

писателя состоялся в конце 1904 года в «Зеленом сборнике стихов и прозы». «XIII сонетов» сразу были замечены и оценены В.Я. Брюсовым, пригласившим Кузмина к сотрудничеству в журнале «Весы». Там же в 1906 году опубликованы и сразу получили широкое признание «Александрийские песни», ставшие откликом поэта на впечатления от путешествий в Египет и Италию в 1895–1897 годах, а также некогда скандальный роман «Крылья». «Александрийские песни» знакомят читателя с бытом, традициями, обычаями античного города эпохи позднего эллинизма и римского владычества. Этот цикл сразу попал в центр художественных исканий символизма.

Сборник «Сети», вышедший в 1908 году, упрочил литературную известность художника. Как и последующие книги, он состоял из отдельных блоков, или циклов, когда группы стихов, большей частью ранее уже печатавшихся, объединялись в единое целое не столько по хронологической последовательности, сколько по внутренней образности, отражая разные стороны духовной жизни поэта, вследствие чего особую роль приобретало композиционное строение цикла. Сквозная тема первой книги — любовь как дар, платоническая и плотская, обманчивая и настоящая, призрачная и со-

Линогравюра В.В. Воинова

зидающая. Путь к божественной любви указывает Вожа́тый (один из сквозных образов в поэтике Кузмина). Циклы «Ракеты» и «На фабрике», входившие в первый и второй разделы сборника «Сети», создавались в Окуловке (Парахино) Новгородской губернии с 26 мая по 23 августа 1907 года. Туда вместе с семьей сестры В.А. Мошковой уехал на отдых Кузмин. Об этом можно узнать из его дневников (ныне опубликованных), переписки с В.В. Русловым, московским знакомым, и с В.Ф. Нувелем, чиновником царского двора, знатоком литературы и искусства, одним из тех, кто стоял у истоков «Вечеров современной музыки». Именно он впервые привел Кузмина на «башню» Вяч. Иванова, центр интеллектуальной жизни Петербурга начала XX века, а затем познакомил с художниками «Мира искусства»: К. Сомо-

вым, А. Бенуа, Л. Бакстом, М. Добужинским, общение с которыми во многом навело сюжеты «Ракет». В статье, посвященной К. Сомову, М. Кузмин так охарактеризовал содержание его картин: «Беспокойство, ирония, кукольная театральность мира, комедия эротизма, пестрота маскарадных уродцев, неверный свет свечей, фейерверков и радуг — вдруг мрачные провалы в смерть, колдовство... автоматичность любовных поз...». «Свечи, фейерверки, радуги» — слова, характерные для всего первого сборника стихов Кузмина, особенно для цикла «Ракеты»:

*Кем воспета радость лета:
Роща, радуга, ракета,
На лужайке смех и крик?
В пестроте огней и света
Под мотивы менуэта
Стройный фавн главой поник.*

*Запах грядок прян и сладок,
Арлекин на ласки падок,
Коломбина не строга.
Пусть минутны краски радуг,
Милый, хрупкий мир загадок,
Мне горит твоя дуга?*

(«Маскарад»)

Поэт силой творческой фантазии и выдающегося таланта стилизации переносит читателя во Францию галантного XVIII века, с его изяществом, виртуозностью и тяготением к итальянской комедии дель арте, театрализованному маскараду, главными героями которого являются Арлекин, Коломбина, Панталоне и др. О новогодних празднествах, популярных среди петербургской богемы на рубеже двух столетий, в похожих словах вспоминала Анна Ахматова в 1940 году:

*...Но маски в прихожей,
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!...
Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто, Иоканааном,
Самый скромный — северным Гланом
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок...*

(«Поэма без героя»)

(Небезынтересно, что в ахматовской поэме в качестве персонажей выведены также сам М. Кузмин и его давний знакомый, юный поэт-самоубийца Вс. Князев).

И у Кузмина, и у Ахматовой объединяющей темой звучит мотив рока, неизбежной гибели «племени, которому умирать не больно».

Три месяца, проведенные Кузминым в Окуловке, были заполнены напряженной творческой работой. Помимо стихотворений, он писал прозу и драматургию: рассказы «Тень Филлиды», «Похороны мистера Смита», «Кушетка тети

Сони», «Комедию о Мартинияне», «Комедию об Алексее, человеке Божьем». Проза художника носила своеобразный, беллетризованный характер, она одухотворена неподдельным интересом к той исторической жизни, которую писатель воспроизводил в своих произведениях, и проникнута духом изысканного стилизаторства.

Цикл «Осенние озера» дал название одноименному сборнику, создававшемуся в течение августа 1908 года — марта 1909 гт., и связан с Сергеем Позняковым, студентом, которому Кузмин тогда покровительствовал. С письмом 12 ноября 1908 года он выслал «Диалоги» своего друга редактору журнала «Весы» В.Я. Брюсову и дал лестную оценку произведению начинающего литератора-дилетанта. Одновременно в этом же послании выражено желание увидеть четыре-пять стихотворений, которые появились в печати с датировкой «1908, октябрь» в третьем номере «Весов» за 1909 год: «Хрустально небо, видное сквозь лес...», «В тенистой роще безмятежно...», «Не верю солнцу, что идет к закату...», «Снега покрыли гладкие равнины...», «Моей любви никто не может смерить...». К ним примыкают также: «Осенний ветер жалостью дышал...», «Протянуло паутину...», «Одна звезда тебе над колыбелью...», «Умру, умру, благословляя...», «О, тихий край, опять стремлюсь мечтою...», «Когда и как приду к тебе я...», «Что сердце? огород неполютый...». Вышеперечисленные произведения увидели свет ранее, в первом номере «Весов» за 1909 год, в «Золотом руне» (№ 1, 1909 год), а также в «Журнале театра Литературно-художественного общества» за 1908–1909, 1909–1910 гг.

К «Осенним озерам» примыкает поэма «Всадник», написанная в июле 1908 года в Окуловке и посвященная Гансу фон Гюнтеру, немецкому поэту и переводчику, поведавшему Кузмину историю своей влюбленности в двух актрис-подруг, одна из которых жила в Риге, а другая — в Митаве. Для этого произведения характерны утонченная прелесть стихосложения и особенная пластичность образов:

*Покой найдя, встал рыцарь успокоен,
Любовь найдя, поднялся он влюблен,
Свой меч храня, явился чистым воин,
Кольцо храня, любви он обречен...*

Сложность поиска стихотворений новгородского периода творчества Кузмина заключается в том, что при публикации автор чаще всего указывает дату в сокращенном виде — только год, иногда намеренно ее опускает, очень редко присутствуют одновременно год и место написания. Полностью дата проставлена лишь в двух стихотворениях: «Что сердце? огород неполютый...» — Парахино, 25 февраля 1909 года; «Когда и как приду к тебе я...» — декабрь 1908 года. По письмам М. Кузмина к В. Нувелю и В. Брюсову и С. Ауслендера — Г. Чулкову со всей определенностью можно установить, что поэт находился в Окуловке с небольшими перерывами с 29 июня 1908 года по сентябрь 1909 года, то есть как раз в то время, когда вышеназванные стихотворные произведения создавались и появились в печати. Кроме того, общая тональность, эмоциональный настрой, тихие картины новгородской природы заставляют предположить, что «Осенний ветер жалостью дышал...», «Протянуло паутину...», «Одна звезда тебе над колыбелью...», «Умру, умру,

благословляя...», «О тихий край, опять стремлюсь мечтою...», «Не могу я вспомнить без волнения...» были написаны в тот же период на новгородской земле.

В отличие от первой книги Кузмин выступил здесь как мастер интимной лирики. Его стихи искренни, оригинальны, в них ощущается обаяние чуткой и нежной души. Значительная часть цикла «Осенние озера» относится к пейзажной лирике. Особенно заметна национальная стихия, созвучная пушкинской («едва замечен санок первый след», «и песня льется, песня прошлых бед...»). Стихи дышат морозной свежестью, бодростью и радостным мировосприятием:

Снега покрыли гладкие равнины,
Едва заметен санок первый след,
Румянец нежный льет закатный свет,
Окрася розою холмов вершины.
Ездок плетется в дальние путины,
И песня летится, песня прошлых бед...

Стихотворное произведение «Хрустально небо, видное сквозь лес...» содержит ключевые слова цикла: *озера* и *осенняя тишь*. Оно удивительно точным выбором эпитетов и зрительных образов, замечательной живописностью, передающей вечное очарование русской осени: хрустальное небо, парчовый ковер, желтые листья, золотые дали, желтые и красные иконостасы леса. В цикле доминирует желтый цвет, цвет увядания и измены, соответствующий грустному настрою автора, понимающего неизбежность прощания как с летом, так и с прежним другом, — таков, увы, закон жизни.

*..Душа внимает голосам недольным,
Осенней тишью странно пленена, —
Знакомым пленом!
И легким тленом
Земля дохнёт, в багрец облечена.
Как четки облака! стоят, не тая;
Спустилась ясность и печаль святая!*

Церковная лексика отражает внутреннюю связь автора со старообрядческой традицией, в которой поэт воспитывался в детстве (скрытые скиты, иконостасы, лампада, смиренные мысли, богомольное сердце, грехи смертные, голоса недольные).

Второй сборник стихов поэта был положительно оценен критикой и читателями, хотя сам автор в конце своего творческого пути поставил за него себе только оценку «три». «Осенние озера» углубляли и продолжали образы «Сетей», отличаясь поисками свободы форм, изяществом, многообразием тембров поэтического голоса. Не случайно Александр Блок воскликнул в письме к Михаилу Кузмину: «Господи, какой вы поэт!.. Я во все влюблен, каждую строчку, каждую букву понимаю...». Кузмин — несомненный классик «серебряного века» русской литературы, занимающий только ему одному уготованное место. Личность его и творчество связаны между собой на редкость тесно и гармонично даже для той эпохи, в которую он жил и которая настаивала на безусловном единстве жизни и поэзии.

Юлий ЦИРКИН

ТАЙНА ЧЕТВЕРТОЙ ЭКЛОГИ ВЕРГИЛИЯ

40 г. до н. э. великий римский поэт Нублий Вергилий Марон написал свое самое загадочное произведение — четвертую эклогу. Это было страшное время. Четыре года назад был убит диктатор Гай Юлий Цезарь. И вскоре Рим снова погрузился в пучину ожесточенных гражданских войн. В 42 г. до н. э. около города Филиппы были разбиты республиканцы, возглавляемые убийцами Цезаря — Брутом и Кассием. Это была последняя битва, в которой одна из сторон сражалась за свои идеалы. А затем борьба шла уже только за единоличную власть. В этой борьбе схватились приемный сын Цезаря Октавиан и способный цезаревский командир Марк Антоний. В 40 г. до н. э. под давлением солдат, не желавших сражаться друг с другом, Октавиан и Антоний в итальяском городе Брундизии заключили мир и снова разделили Римскую республику. Переговоры сначала шли через посредников, и одним из них был Азиний Поллион, друг и покровитель Вергилия, который был одним из консулов республики. Брундизийский договор был лишь передышкой, он предвещал новые схватки, но тогда многим показалось, что забрезжила заря мира. Вот в этом-то году Вергилий и написал четвертую эклогу.

Эта эклога входит в сборник, называемый «Буколики» («Пастушеские песни»). Жанр этот не был изобретен Вергилием, он уже существовал по крайней мере два века и появился в крупнейшем культурном центре того времени Александрии. В «буколиках» поэты воспевали безмятежную жизнь пастухов, предающихся любовным утехам на фоне прекрасного и умиротворяющего пейзажа. Таково и большинство эклог, т. е. избранных стихов, которые входят в «Буколики» Вергилия. Но четвертая эклога резко выпадает из всего сборника, как по форме, так и, главным образом, по содержанию. Чтобы понять, о чем идет речь, стоит привести хотя бы начало этого произведения в переводе С. Шервинского:

Круг последний настал по вещанью
 пророчицы Кумской,
 Сызнова ныне времен начинается
 строй величавый,
 Дева грядет к нам опять, грядет
 Сатурново царство.
 К новорожденному будь благосклонна,
 с которым на смену
 Роду железному род золотой на земле расселится,
 Дева Луцина? Уже Аполлон твой
 над миром владыка.

При консулате твоём тот век

благодатный настанет,

О Поллион! — и пойдут чередой великие годы.

Сатурново царство — это золотой век, когда на земле царит мир и счастье, нет никаких раздоров, и все люди — свободные. А Луцина — римская богиня, помогающая рождению ребенка. Итак, вот-вот родится младенец, с которым наступит золотой век. И произойдет это еще до конца года, пока консулом является Поллион. И вот здесь-то и возникают вопросы. И самые главные два: Где истоки этих чаяний поэта? Кто этот младенец?

Истоки вергилиевского пророчества искали в самых разнообразных философских и религиозных учениях и представлениях. Довольно широко распространена мысль о связи идейного содержания этой эклоги с иудейскими мессианистическими представлениями, особенно с проповедью Исайи. Находят в этих двух произведениях даже буквальные соответствия. Думается, что такое сближение все же едва ли верно. Римляне, даже весьма образованные, практически не знали библейскую литературу, и их отношение к евреям всегда было довольно презрительное, как к варварам с непонятными нравами. Правда, почти во времена Вергилия или немногим позже историк Трог в главе, посвященной иудейской истории, явно использовал библейские сведения, хотя и через некоторое количество посредников. Но его труд оставался на периферии интересов его современников. Поллион, к которому обращена эклога, как подчеркивают ученые, был знаком с представителями эллинизированного иудейского общества в Александрии, но едва ли он успел передать свои сведения Вергилию, ибо большую часть своего консульского года он провел с Антонием вне Италии. Уже существовала Септуагинта, т. е. греческий перевод Ветхого Завета, но ее едва ли знали римляне и греки: иначе вряд ли было нужно в конце I в. н. э. иудейскому историку Иосифу Флавию писать на греческом языке для римлян и греков «Иудейские древности» и опровергать измышления Апиона. И вообще думается, что римскому сознанию едва ли было свойственно такое заимствование. Думается, что, очевидно, не восточно-мессианистические чаяния отразились в эклоге. Их истоки в конечном итоге надо все-таки искать в религиозных представлениях самой Италии.

Вергилий родился в 70 г. до н. э. в Мантуе в провинции Цизальпинской Галлии, которая позже будет присоединена непосредственно к Италии, и он никогда не забывал свое мантианское происхождение. Мантуя же была древним этрусским городом. Ее основание приписывалось различным персонажам этрусской мифологии, в том числе Тархону, бывшему главным персонажем этрусских мифов. В Мантуе явно сохранялись какие-то этрусские сказания. Недаром позже Вергилий сделает Тархона верным союзником предка римлян Энея в войне против тирана Мезенция. Среди союзников Энея поэт упоминает и Кулавона, также персонажа этрусской мифологии. О происхождении Вергилия говорить трудно, т. к., хотя само его имя считается этрусским, все же, учитывая этническое разнообразие

мантианского населения и распространение этрусских имен в латинской среде, утверждать, что поэт был именно этрусском, нельзя. Но детское окружение будущего поэта, конечно, оставило след в его сознании. К сказанному нужно добавить еще одно соображение. В начале эклоги имеется ссылка на кумское пророчество, так что сама эпоха называется последним веком кумского пророчества (*ultima Cumaei venit iam carminis aetas*). Кумская пророчица, как это признано почти всеми исследователями, — это Кумская сивилла, та, которая в свое время, по преданию, пришла к последнему римскому царю Тарквинию Гордому и продала тому свиток предсказаний. Кумы были греческой колонией, но располагались они в непосредственной близости к этрусским городам Кампании. Еще важнее то, что покупателем книги стал последний царь «этрусской династии» в Риме. Мы вновь оказываемся перед связью пророчества с этрусским миром. На этрусских корнях пророчества следует остановиться несколько подробнее.

Этруски представляли историю не как единый непрерывный процесс, а как смену нескольких веков, причем каждый век начинался с «золотого времени», когда люди были счастливы, мирно трудились и почитали богов. Но затем нравы начинали все более портиться, люди становились нечестивыми, и в конце концов век кончался в общей катастрофе. Боги в это время подавали людям разные знамения, в том числе различные стихийные бедствия, и если люди внимали им, то они могли отсрочить катастрофу, хотя и не избежать ее полностью. А после этой катастрофы с «золотого времени» опять же начинался новый век. При этом длительность веков была неравной; так, первые четыре века истории Этрурии насчитывали по 100 лет каждый, пятый — 123, а шестой и седьмой — по 119 лет. Начала и концы веков для разных народов могли не совпадать. На долю разных народов выпадало и разное количество таких веков. Так, этрусская история должна была продолжаться 10 веков, а римская — 12. В каждом новом веке повторяются основные события прежних. Конечно, действуют уже иные люди с иными именами в иных обстоятельствах. Но смысл их деяний и самих событий остается тем же самым. И недаром Вергилий в этой же эклоге говорит о грядущем новом плавании аргонавтов, Троянской войне и явлении Ахилла, т. е. об известных сюжетах античной мифологии.

В римском обществе было известно так называемое пророчество Вегейи, «обретенное» через Аррунта Вельтумна: «Знай, что море было отделено от земли. Когда же Юпитер потребовал себе землю Этрурии, он постановил и приказал, чтобы были измерены поля и обозначены земли. Зная алчность людей и жадность смертных, он хотел, чтобы все было отмечено межевыми знаками. Их при приближении конца восьмого века люди из-за алчности коварно нарушат, захватят, передвинут. Но тот, кто их захватит и передвинет, увеличив свое владение и уменьшив владение другого, тот будет из-за этого преступления осужден богами. Если это будут рабы, то им будет еще хуже. Но если это будет сделано с согласия господина, то еще быстрее господин будет уничтожен, а его род полностью погибнет.

Охватят его печальные болезни, нанесены ему будут раны и члены его будут разорваны. Тогда земля большей частью будет охвачена бурями или вихрями, или провалами, часто будут портиться фрукты и сбрасываться с ветвей ливнями и градом, собаками уничтожаться, от ржавчины гибнуть. Произойдут большие раздоры в народе. Знай же, что так произойдет, когда столь великие преступления совершатся. И знай, что ни плутовство, ни двуязычие не успокоят твое сердце (не наведут порядок в твоём сердце)». Точная дата появления этого пророчества неизвестна, но наиболее приемлемым можно считать ту, которую после тщательного исследования предложил французский ученый Ф. Гренье — 91 г. до н. э. И концом восьмого века этрусской истории считался 88 г. до н. э., когда началась первая гражданская война в Римской республике. Девятый век продолжался всего 44 года и кончился с убийством Цезаря, когда в небе появилась новая звезда, т. е. комета. И наступил, по мнению этрусков, последний век истории Этрурии. Его конец и, следовательно, конец вообще этрусской истории, связывался с гибелью Перузии. Хотя этот город и находился не в самой Этрурии, а в Умбрии, он, по преданию, был основан этрусками, братьями Авлетом и Окном (или Авкном), и играл значительную роль среди этруских городов. Римский историк Ливий называет его одним из глав народов Этрурии. И более поздний историк Аппиан называет ее среди первых городов Италии. Поэт Пропорций, сам происходивший из этих мест, позже оплакивал гибель Перузии как вообще разгром очагов старинного рода этрусков. И в других своих элегиях этот поэт неоднократно скорбел по поводу гибели Этрурии. Теперь первенство в мире окончательно переходило к римлянам. Так называемая Перузинская война происходила в 41–40 гг. до н. э. Город пал зимой 40 г. и был практически уничтожен. И в том же году в Брундинии между Октавианом и Антонием был заключен договор, возбудивший надежду на приход мира. И часто именно с заключением брундинийского договора связывают создание четвертой эклоги, которую Вергилий написал осенью 40 г. до н. э. Вергилий имел и личные основания воспевания Поллиона, поскольку тот был среди тех влиятельных римлян, которые спасли поэта от конфискации его отцовского имения. Но, пожалуй, еще важнее было впечатление от событий 40 г. до н. э., года консульства Азиния Поллиона. Его первая половина была отмечена жестокой войной и гибелью одного из важнейших этруских городов, воспринимаемой как гибель Этрурии вообще, а вторая, наоборот, миром, который, казалось, положил конец всем братоубийственным распрям. И это очень подходило для установления рубежа, за которым оставался катастрофический конец предшествующего века и который открывал наступление нового века, начинающегося с прихода «золотого рода».

В том же направлении, как кажется, можно решить и загадку младенца, упоминаемого Вергилием. Разнос толкований этого загадочного места весьма широк. Сын Поллиона позже говорил, что здесь поэт говорит о его рождении. И многие ученые с этим согласны. Христиане утверждали, что Вергилий пророчествует о грядущем рождении Христа, и поэтому относились к нему с гораздо большим почтением, чем к какому-либо другому языческому поэту. Недаром именно Вергилий сопровождает Данте в его путешествии по аду и чистилищу, и только в рай язычнику нет доступа. Но если исток вергилиевских представлений о новом веке видеть в этруском учении, то можно вспомнить о Таге. Согласно этрускому мифу, Тархон, который в этом случае был уже не царем, а землепашцем, во время пахоты обнаружил под одной из глыб земли улыбающегося младенца Тага, который быстро вырос, а став юношей, начал излагать изумленному Тархону то, что после записи составило «этрusскую дисциплину» — изложение этруского религиозного учения и ритуалов. В течение дня он возмужал, состарился и умер. Таким образом, у истоков этруского учения, в том числе об истории и ее членении на века, стоял Таг, явившийся на свет чудесным младенцем. Вполне возможно, что рождение нового века и рождение божественного младенца, этот век возвещающего, в мысли этрусков совпадали.

Предсказания этруских жрецов-гаруспиков были известны в Риме. Ими, по-видимому, были навеяны отчаянные строки Горация, написанные приблизительно в то же время, что и эклога Вергилия, где тот предсказывал разгром Рима варварами. Много позже зловещее этруское предсказание несколько более раннего времени передал римский поэт Лукан в поэме «Фарсалия». Но Вергилий, как справедливо отмечает итальянский ученый М. Сорди, был более близок к этрускому миру и знал, что, по этруским поверьям, вслед за катастрофическим концом одного века наступает прекрасное начало следующего. А Брундинийский договор еще более утверждал его в этой мысли.

Разумеется, этруские корни вергилиевского представления о наступлении нового века не были единственным источником идейного содержания четвертой эклоги. На них наслонились и чисто римские представления: недаром поэт упоминает и Луцину, которую призывает быть благосклонной к рождающемуся младенцу, и солнечного Аполлона, который уже правит миром, в котором наступает новый век. Да и картина идеального будущего, рисуемая затем Вергилием, не совпадает точно с той, которую рисовало воображение этрусков, по крайней мере, как оно отразилось в пророчестве Вегейи. Но думается, что именно этруское представление об ужасном конце одного века и благостном наступлении нового лежит в основе этой загадочной эклоги.

Павел ФОКИН

НА ИЗЛОМЕ СУДЬБЫ

(О стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»)

Памяти ученика и друга
Вадима Стрюка

Стихотворение «Пророк» Пушкин создаёт в 1826 году, в последние дни Михайловской ссылки — на изломе судьбы.

Самодержец, наказавший вольнолюбивого поэта изгнанием, скончался. Новое царствование, по установившейся традиции, сулит амнистию и возвращение к полноценной жизни. Однако восшествие на престол нового монарха омрачено бунтом. Главные заговорщики — близкие друзья поэта. В их бумагах — списки его запрещенных к печати стихов. Приговор суда — страшен: пятеро казнены, иные сосланы на каторгу и в солдаты. Что ждет поэта? Прощение? Продолжение ссылки? Усугубление наказания? Будущее, как никогда, туманно и тревожно. Ясно лишь одно, перемена участи — неизбежна.

Такова лирическая основа стихотворения. Но при всей значимости автобиографического начала, оно — лишь импульс к творчеству. Результат значительно объёмнее, чем просто метафорическая рефлексия на тему дальнейшей судьбы поэта. Почти сразу, должно быть, уже под пером Пушкина, «Пророк» отделился от реальных жизненных переживаний и обстоятельств и существует самоценно и самоцельно. Вне контекста пушкинской биографии. Вне контекста творческого пути поэта. И более — вне контекста творчества Пушкина. Самостоятельно. В пространстве русской духовной культуры.

Поэтика «Пророка» проста и аскетична. Образная система ограничена несколькими персонажами. Описаний нет. Практически отсутствуют различного рода тропы. Повествование ведётся последовательно. Композиция состоит из шести, расположенных друг за другом эпизодов. В них — история рождения пророка. Каждый эпизод — самостоятельная, синтаксически выделенная картина, оснащенная продуманным набором деталей символического характера. Сюжет каждого эпизода — лаконичный рассказ о чуде. Все шесть подобны *клеймам житийной иконы*.

Клеймо первое. «Встреча с серафимом».
*Духовной жаждой томим,
В пустыне мрачной я влачилсЯ,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...*

О какой *пустыне* он говорит? Имеет ли она какие-нибудь географические приметы? Что это — голые камни, мёртвые груды песка, непролазный бор или окутанные

мутью тумана болотные кочки? Ни то, ни другое, ни третье. Ни что-либо вообще. Это — абсолютная пустыня.

Ничто.

Голое место, без каких-либо признаков бытия. «Да будет свет!» — здесь ещё не прозвучало. *Пустыня мрачная*.

И лишь он, покинутое всеми *я*, безвольно и бессмысленно влачится в этом Богом оставленном месте. Он ничего о себе не знает, кроме того, что он — *я*. Ни звания, ни роду, ни племени. Ни облика, ни пола, ни возраста. Ни имени.

Он — никто и ничто.

Пустыня. Такая же, как и кругом — мрачная и глухая.

Не столько отсутствие воды и снеди, муки телесные терзают его, сколько отсутствие смысла и цели, *духовная жажда*. И только смутное предчувствие, невнятное ожидание спасения заставляет двигаться. *Томление*. Неясное, беспокойное, неопределённое желание. Зыбкая возможность.

Таким, измученным духовно и физически, опустошённым, лицом к лицу с пустыней мира, он оказывается там, где сомнения и тревоги обретают плоть безжалостной реальности выбора — *на перепутье*. В месте полной оставленности. В нулевой точке пути: отовсюду ушёл и не пришёл никуда.

По фольклорному поверью, на перепутье бесы окружают странника со всех сторон, норовя сбить его с пути истинного. Здесь нет защиты от искуса. Это не просто место выбора, это — место битвы злых демонов за душу человеческую. Перепутье — точка концентрации бесовских сил, их повышенной агрессивности и злобы. Тут не обыкновенный перекрёсток, где в плоскости земного горизонта сходятся разные дороги. Через точку их скрещения проходит мистическая вертикаль, направляющая пути человеческие к небу или к аду.

Оказавшись на перепутье, он замкнул цепь, связующую миры, и взметнулась искра: «огненный», «пламенный» — *серафим* — явился ему.

Шесть крыл серафима — воплощённая метафора духовного перепутья. Языками исполинского костра колышутся они во мраке пустыни, гонят тьму бесовскую, освещают окрестную страну. С визгом и воем покидает озарённую местность нечисть.

Невозможно вообразить в полной мере тот ужас, каким наполнилась душа ослепленного мраком путника, когда предстало перед ним полыхающее зарево серафимовых крыл. Так потрясает и приводит в трепет Откровение.

За скупостью слов — грозная сила очевидности.

Клеймо второе. «Преображение зрения».

*Перстами лёгкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

Береги, как зеницу ока, — гласит народная поговорка. Зеница, зрачок — самый нежный и чувствительный орган человеческого организма. Невидимая соринка в глаз попадёт, и то — боль нестерпимая, слёзы градом. А тут не глаз (око), а зрачок (зеницу) — *перстами* (пальцами). Пусть даже — *лёгкими, как сон*. Но не забудем ещё, у серафима, и — огненными.

Обретение нового взгляда проходит через смертельную муку. Прежние глаза — выжжены.

Но только так *отверзается* *вещее*, всепоглощающее, всепроникающее, всевидящее зрение. И из мрака пустыни возникает целый мир — возносятся горы, блещут на их вершинах снега, зеленеют склоны, сияет небесная лазурь. Он чувствует себя на краю орлиного гнезда — *орлицей*. Странное, на первый взгляд, сравнение. Но, если вдуматься, оправданное — острота зрения нечеловеческая. По преданию, орёл — самая зоркая птица на земле, но орлица, стерегущая своих птенцов, во много раз зорче. Когда же гнезду грозит опасность... *Как у испуганной орлицы* — запредельная степень зоркости. Невыносимая.

Бездна бытия во всём многообразии жизни *отверзлась* перед ним. «*Перстами лёгкими, как сон, моих зениц коснулся он*» — на самом деле, это взрыв, по интенсивности во много раз превосходящий энергетику ядерного. Человек пережить этого не может. Он должен погибнуть. И только чудо даёт силы выносить это одновременное созерцание всего.

Клеймо третье. «Преображение слуха».

*Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Своим новым, *вещим* взором видит он ангелов, парящих в горних высях, и — ток воздуха, под их крылами, *неба содроганье*.

Видит — чудищ, свершающих свой тайный путь в пучине морской, и — струение воды под их плавниками, *подводный ход*.

Видит, как растет трава и — как взрыхливается почва, раздвигаемая ростком, пробивающим путь к свету, *дольней лозы прозябанье*.

Видит, а через мгновение и — слышит. Обретение мира продолжается. Немое кино наполняется звуком.

Можно ли слышать — *горний ангелов полёт*?

Или — как плавают рыбы?

И — как семя в земле движется?

Этих звуков нет в природе. Они не существуют.

Но он их слышит. И они, несуществующие, — *шум и звон* для него. Но как же тогда все остальные, действительные звуки мира: голоса людей (их молитвы, проклятия, смех, рыдания, стоны и вопли восторга), пение птиц, рёв хищников, грохот вулканов и водопадов?

Серафим наделил его запредельной остротой слуха, погрузив в вечный кошмар вселенской какофонии. «*Моих ушей коснулся он*» — это тоже, по сути дела, взрыв, той же мощи и воздействия, что и при обретении нового зрения. Для человека он так же невыносим и смертелен. И только чудо даёт силы.

Клеймо четвёртое. «Преображение речи».

*И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.*

Вырывание языка — мучительнейшее наказание средневекового правосудия. Мы не знаем, как и когда *согрешил* он словом, но ясно, что то, что *отверзлось* его вещему взору, что наполнило *шумом и звоном* его вещей слух, не может быть выражено смертными словами.

Даже самое мудрое из них будет *праздным*, пустым.

Даже самое искреннее — *лукавым*, двусмысленным.

Человеческий язык не предназначен для изъяснения сверхъестественных истин. И — более того: для *вещих* слов, для огненных *глаголов* нужно другое устройство речевого аппарата — *жало мудрыя змеи*. То жало, которое поведало первочеловеку Адаму и жене его Еве невыразимую тайну Древа познания Добра и Зла. Жало многотрудности и — многотрудности печали.

Вынести эти муки ни физически, ни духовно простой смертный не способен. Без помощи чуда.

Клеймо пятое. «Преображение сердца».

*И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.*

То, что началось как *сон*, завершилось казнью. *Лёгкие персты* обратились в *меч*. Под его ударом отверзлась грудь, и стало видно всё ещё живое, *трепетное*, человеческое сердце. Ему не место в теле нечеловека, сверхчеловека, пророка. *И угль, пылающий огнем*, озаряет светом пустыню внутреннюю, как озарил своим светом пустыню внешнюю серафим. Сердце человеческое — *перепутье* физических и духовных сил наших, «поле битвы, где дьявол с Богом борется», по словам Достоевского, источник жизни и смерти. Пылающим углем входит в его тело сам серафим. Отныне они — одно целое. Грозные и неизбежные посланники небес.

Клеймо шестое. «Рождение пророка».
Как труп в пустыне я лежал.
И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Посланник небес...

С выжженными глазницами, с *замершими*, помертвевшими от боли, отверстыми безумной мукой устами, с змеиным жалом, вываливающимся из кровавого отверстия рта, разрубленный пополам — *как труп лежал*.

Трупом и был.

Опять в пустыне. Но это другая пустыня. Мрак её рассеян пылающим углем-сердцем. Перепутья нет. Есть путь — *Бога глас*.

Путь вверх.

Встань. Из мертвых. Поднимись. Воскресни.

Распятый на кресте дорог, рождается он в жизнь вечную.

Наделённому вещим слухом, каково ему, даже трупу, слышать *Бога глас*? Ведь то — сотрясение всего организма, каждой клетки, каждого атома.

Прежняя плоть разрушена, изжита, изничтожена. И — восстановлена. *Исполнена волей* Божьей. В новом теле поселён Дух.

Жажда — утолена.

Он более не анонимное *я*. Словом Божиим наречён и сотворён — *Пророк*.

У Борхеса есть рассказ «Фунес, чудо памяти». История Фунеса очень похожа на историю *я* до его божественного определения. Девятнадцатилетним юношей «упав с коня, он потерял сознание; когда же пришёл в себя, восприятие окружающего было почти невыносимым — настолько оно стало богатым и отчётливым, но также ожили самые давние и самые незначительные воспоминания». «До того дождливого вечера, когда его сбросил белый жеребец, он был таким же, как все смертные: слепым, глухим, пустоголовым, беспамятным». «Мы с одного взгляда видим три рюмки на столе, Фунес видел все лозы, листья и ягоды на виноградном кусте. Он знал формы южных облаков на рассвете тридцатого апреля тысяча восемьсот восемьдесят второго года и мог мысленно сравнить их с прожилками на книжных листах из испанской бумажной массы, на которые взглянул один раз, и с узором пены под веслом на Рио-Негро в канун сражения под Кебрачо. Воспоминания эти были непростыми — каждый зрительный образ сопровождался ощущениями мускульными, тепловыми и т. п.» «Окружность на аспидной доске, прямоугольный треугольник, ромб — все эти формы мы вполне можем вообразить; так же мог вообразить Иренео спутанную гриву жеребца, стадо скота на горном склоне, меняющиеся оттенки огня и несметные частицы пепла, перемены, происходящие с лицом покойника в течение долгого траурного бдения». Но «он был не способен мыслить. Мыслить — значит забывать о различиях, обобщать, абстрагировать. В загромож-

дённом предметами мире Фунеса были только подробности, к тому же лишь непосредственно данные». Ужасна участь непризванного. Чудесный талант его остаётся втуне. Тяготит и удручает.

Рассказ Борхеса демонстрирует бессилие человека перед лицом Истины, если он смотрит на неё механическим взглядом. «Моя память, приятель, — признаётся Фунес рассказчику, — всё равно что сточная канава»*. Не достаточно быть вооружённым самым лучшим прибором, нужно ещё — воодушевление, вдохновение, призвание.

Бога глас.

Виждь: дарованным тебе вещим взором постигни разумность, силу и красоту Божьего мира, в хаосе форм и движений разгляди космос Творения.

Внемли: вещим слухом своим собери в симфонию весь шум и звон Бытия.

Исполнись волею Моей: жар угля, пылающего огнем, обрати в жар сердца твоего, горящего во Имя Господне.

Глаголом жги сердца людей: словом живым, подвижным воспламеняй сердца других, возжигай в их груди пламя, которым светит твое сердце — пламя Любви, Надежды и Веры.

Велики слава и подвиг пророка. Словом Божиим возже-на в нём новая жизнь — высшим велением уготован ему путь сквозь суету сует земную. Одолевая сопротивление повседневных забот, тревог и тягот людских, пророческим *глаголом жечь сердца*.

Жечь.

Да кто же откликнется? Кто захочет, чтобы жгли его сердце? Кто позволит? Замечание мельчайшее раздражение вызывает. Критика самая справедливая за навет и обиду принимается. Обличение — вражду распаляет. Гнев, ненависть, плевки и камни ждут пророка. Вечная неприязнь, отчуждение и настороженность будут окружать его во всех *землях*, на всех *морях*.

По форме стихотворение представляет собой монолог. Слово пророка уже *после того*, как он восстал и был призван к своему подвигу. Это те горящие глаголы, которым суждено жечь сердца людей. Или точнее, это — предыстория, предисловие, преддверие. Ещё — на человеческом языке, пусть даже поэтически возвышенном и торжественном. Следом зазвучит нечто невероятное и невыразимое смертными словами, неподвластное грамматике и письму — *пророческое*.

И полетят камни...

Так возникает *средник*, центральная, «портретная» часть созданной Пушкиным стихотворной житийной иконы.

Один — но не одинокий. Под сенью крыл серафимовых, в лучах божественной благодати. Пророк.

Среди многоцветия и праздника жизни земной: ангелы парят в высях, в рощах птицы снуют, звери в тени укрылись, на полях скот бродит, рыбы под водой скользят, из

* Пер. с исп. Е. Лысенко. Цит. по: Борхес Хорхе Луис. Вымышленные истории. СПб., 1999. С. 130, 135, 136, 140.

мрачных дыр бесы рыла корчат.

В окружении толпы людской: властителей и рабов, мужей и жён, старых и малых, эллинов и иудеев.

Лик его очищен страданием, сух и строг. Мужественной решимостью и печалью исполнен взгляд, сияет светом истины. Уста пламенеют огненным Словом.

Люди слушают. С напряжённым вниманием. В безразличии. Презрительно ухмыляясь и негодуя.

Взоры одних устремлены к нему и — к небу. Взоры других потуплены долу — в землю.

Тянутся за благословением.

Сгибаются за камнями.

Земля и небо, правда и истина, ненависть и любовь — перекладыны креста, на котором распят.

Пророк —

Посредник между будним и вечным.

Перепутье страстей человеческих.

Сретение плоти и духа.

Сердце мира сего.

Художественный мир «Пророка» — мир крайностей и полюсов, мир экзистенциального порога. Пророк изображен в критический момент своей жизни — *на изломе судьбы*. Этот скрытый драматизм ситуации наполняет текст произведения необыкновенным электричеством. По сути дела — это не лирическое стихотворение, а *сцена из трагедии*. (Название — ремарка.) Каждый читатель — её участник. Ибо невыраженные слова пророка — звучат. Не слух, а душа внимает им. И каждый читатель либо принимает их, либо отвергает.

«Пророк» находится в непрерывном диалоге с читате-

лем, в состоянии постоянной духовной активности. Эпос, лирика, драма сплелись в единое целое и составляют живую плоть пушкинского стихотворения. Наполненные духовным содержанием литературные формы находятся в сложном динамическом равновесии.

Крайний аскетизм поэтики «Пророка» — результат осознанного эстетического максимализма. Всё подчинено единому замыслу. Избегая метафорических излишеств, Пушкин каждый образ стихотворения нагнетает предельной полнотой смысла. Даже невозможный с точки зрения классической риторики анафорический повтор из двенадцати союзов «и» (!) выстраивается в строгую *вертикаль* — *главный поэтический образ произведения*:

Пророк —

Нить, связующая небо и землю.

Струна, поющая Славу Небесную.

Жало, язвящее грехи людские.

Стрела, пронзающая чрево ада.

В «Пророке» Пушкин обратился к ветхозаветной истории пророка Исайи, но придал ей евангельскую трактовку. У пророка Исайи в центре рассказа — тема очищения; у Пушкина — *тема воскресения*. За библейской основой сюжета явственно проступают черты евангельской Притчи о сеятеле. Пушкинский пророк — это то самое зерно, которое, умерев, даст много плода.

В 1826 году, на изломе исторической судьбы России Пушкин, прозревая трагический путь духовных мытарств русской интеллигенции, создаёт величайшее в отечественной литературе христианское произведение — столп и утверждение Истины.

ГЕОРГИЕВСКИЙ СОБОР ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ

На берегу Волхова, у истока его из озера Ильмень, в начале XII века возник Юрьев монастырь. Основанный князем Всеволодом Мстиславовичем не без участия отца, великого князя Мстислава Владимировича, он занимал особое положение среди новгородских монастырей и в самый ранний период своей истории, когда ему особо покровительствовали князья, и в республиканское время, когда Юрьевский архимандрит являлся главой черного духовенства, вторым лицом после архиепископа, и гораздо позднее — XIX — нач. XX веков, когда вошел в число наиболее «знатных» и богатых монастырей России. Монастырский ансамбль не раз перестраивался и менял архитектурный облик: одни постройки разбирались, другие — возводились вновь, но неизменно и неколебимо в центре его продолжал стоять Георгиевский собор — одна из замечательнейших христианских святынь.

Красиво поставленный на вершине холма Георгиевский собор на протяжении многих столетий являлся архитектурной доминантой ансамбля Юрьева монастыря. Он завораживал и восхищал всех, кто когда-либо видел его. Сын Антиохийского патриарха Макария, архидиакон Павел Алеппский, посетив Новгород в XVII веке, написал восторженные строки о монастыре и его главном храме: «Монастырь св. Георгия — величественный, красивый, и церковь его — благолепная, большая, просторная, радующая душу. Наверху ея — катихумена — хоры с двумя церквами во имя св. Духа и Благовещения. Отсюда мы поднялись на верх крыши, откуда открывается вид на все окрестности. Купол храма громадный»¹.

Особое чувство собор вызывает и у людей, живущих в XXI столетии. Это и преклонение перед его древностью, сопричастностью к важнейшим историческим событиям, к судьбе Новгорода, и ощущение духовного величия и красоты христианского искусства.

Георгиевский собор был заложен в 1119 году князем Всеволодом Мстиславовичем — старшим сыном Мстислава Владимировича. Третья новгородская летопись сохранила для потомков имя строителя этого храма — мастера Петра². Петр, по мнению исследователей, возглавлял княжескую артель, приглашенную из Киева³.

Собор входит в круг новгородских памятников княжеского периода начала XII века, включающий соборы Рождества Богородицы в Антониеве монастыре, Николая Чудотворца на Ярославовом дворище, Благовещения на Городище. Основания последнего храма раскопаны под руководством М.К. Каргера в 1932 и 1960–1970-е годы⁴. В этих постройках сплелись киевско-византийские традиции и особенности, зародившиеся в первом каменном храме Новгорода — св. Софии, который во многом послужил образцом для новгородского зодчества последующего времени⁵. Софию новгородскую от киевских и византийских образцов отличают стремление к

высотности в построении архитектурных форм, строительная техника с широким использованием местного волховского известняка, повышенные подпружные арки, высоко поднятые хоры в решении внутреннего пространства. Отсюда мощь, сила, немногословность и целостность архитектурного образа.

Георгиевский собор. Восточный фасад

Стилистическая близость трех сохранившихся памятников начала XII века и одного, раскрытого в процессе раскопок, позволила М.К. Каргеру высказать предположение о принадлежности их одному мастеру — Петру⁶. Но впоследствии он вывел храм Рождества Богородицы Антониева монастыря из круга работ мастера Петра, признав за ним авторство Николодворищенского и Благовещенского соборов⁷.

Георгиевский собор является наиболее совершенным и законченным произведением новгородской архитектуры княжеского периода. Монументальный, кубический, четырехстолпный с тремя алтарными выступами и квадратной в плане лестничной башней, завершенный тремя главами, он поражает продуманностью и законченностью архитектурного образа.

Несмотря на перестройки последующего времени, хорошо сохраняется его первоначальная конструктивная основа. Требуется лишь немного воображения и знания о памятнике, чтобы представить его облик в XII веке.

Храм построен из чередующихся рядов волховского известняка и глины (плоского широкого кирпича, который употреблялся только в домонгольское время), скрепленных прочным цемяночным раствором.

Тонкий слой розовой цемянки (известь с добавлением толченого кирпича) скрывал кладку, сохраняя неровность стены и делая ее рукотворно-пластичной. По вертикали фасады разделены на прясла лопатками, стянутыми в верхней части закомарными арками. Ритм вертикальных членений по горизонтали уравновешен четкими линиями окон и ниш с арочным завершением. Ниши украшала фресковая роспись, к настоящему времени утраченная. При реставрации собора в 1930-е годы обнаружили сохранившиеся к тому времени в нишах апсид две композиции: Богоматерь с младенцем и Спас на убресе, а в нише южной стены — изображение Вседержителя⁸. Первоначальное покрытие храма было позакомарным и соответствовало коробовым (полусферическим) сводам, которые перекрывали ее внутреннее пространство⁹. Декоративные бровки над окнами световых барабанов и венчающие их кокошники повторяли очертания закомарных арок и создавали ощущение цельности и гармонии архитектурных форм. Собор завершали выложенные из кирпича полусферические главы. Они хорошо сохранились под поздними луковичными куполами и видны на фотографиях, сделанных после разрушений военного времени, когда от куполов XIX века уцелели лишь каркасы¹⁰.

В храм вели три портала, обрамленные красно-коричневой отгранкой, которая отчетливо выявляла их форму. Следы ее обнаружены реставраторами. Южный портал, в отличие от других, имел стрельчатые очертания¹¹.

Внутри собора все было подчинено главной идее — устремленности вверх, к небесным сферам, к Богу. Удивительно тонкие крещатые столбы несли высоко поднятые своды¹². В XIX веке столбы были значительно утолщены прикладками, и это не позволяет сейчас в полной мере оценить талант зодчего, который так блестяще для своего времени решил сложные инженерные проблемы, создав ощущение свободы и незатесненности пространства. Как и в других княжеских соборах, в Георгиевском существуют высокие полаты, или хоры,

на которые ведет винтовая лестница в башне. Оттуда наблюдали за службой князя со своей свитой. Стены собора в XII веке были сплошь украшены фресковой росписью. От первоначального ансамбля на южной стене в откосах окон уцелели раскрытые в 1930-е, под руководством М.К. Каргера, орнаментальные росписи в виде переплетающихся побегов виноградной лозы¹³. Превращенные в 1820-е годы в груды строительного мусора, сбитые со стен основного объема, фрески частично остались лежать внутри — под новым полом. При раскопках в 1930-е годы под чутунным полом были обнаружены фрагменты фресок, в том числе с личным письмом¹⁴. Основной массив фрагментов фресковой росписи находится к востоку от собора, между его апсидами и Орловским корпусом. При реставрации Орловского корпуса была собрана небольшая часть фрагментов, среди них два — с личным письмом. По мнению московского реставратора В.Д. Сарабьянова, фрески основного объема отличались высоким уровнем мастерства и принадлежали к киевско-византийской традиции¹⁵. Ближайшей аналогией данной росписи являются фрески собора Рождества Богородицы Антониева монастыря.

Живопись XII века сохранилась также в куполе башни. Она была обнаружена в 1930-е годы. На склонах купольного свода изображены четыре евангелиста. В верхнем регистре 17 фигур: Богоматерь Оранта, Пророк и 15 Преподобных, в нижнем — поясные изображения Богоматери и Христа Спасителя¹⁶, а также фигуры святых в рост.

Интересные рисунки XII века раскрыты на стенах лестничной башни. Рисунки выполнены красной киноварью с использованием желтой, зеленой и коричневой красок. Из-за плохой сохранности росписей не удалось полностью разгадать размещенные здесь сюжеты. Внизу изображены сцены деяний праотца Самсона, выше — орнаментальные композиции, символические рисунки зверей и аллегории месяцев. В верхней части башни — изображения зверей в райском саду. Фрески исполнены в графической манере и по стилю напоминают миниатюры Юрьевского евангелия XII века¹⁷. На стенах башни и в других местах в разное время обнаружены граффити — надписи, процарапанные стилем (орудие письма в древней Руси) или другим заостренным предметом. Известный исследователь древнерусской письменности И.А. Шляпкин в лестничной башне обнаружил и опубликовал в начале XX века надпись XII века, свидетельствующую о посещении собора Мстиславом Владимировичем — «конязь были на Федорово день Мьстислав(о)»¹⁸.

Драгоценным украшением интерьера храма являлись иконы. Известно, что в 1561 году по приказу Ивана Грозного из Георгиевского собора была увезена в Москву икона Благовещение, которая находилась в Успенском соборе Московского кремля, а в настоящее время хранится в Государственной Третьяковской галерее¹⁹. Она известна под названием Устюжское Благовещение. Это одна из древнейших русских икон, созданных в традициях византийского искусства. Фигуры Богоматери и архангела Гавриила монументальны и статичны. Необыкновенно выразительны лики: большие удлинённые глаза под дугами бровей, тонкий удлинённый нос, красиво очерченные губы. Написанные плавно, т. е. путем многослойного наложения красок, лики поражают одухотворенностью

и внутренней сосредоточенностью²⁰. Сохранился храмовый образ св. Георгия Победоносца, написанный в рост, с копьем и мечом в руках. До поступления в 1927 году в Центральные государственные реставрационные мастерские он находился в местном ряду иконостаса Георгиевского собора. Икона была закрыта серебряным окладом XIX века. К сожалению, первоначальная живопись сохранилась плохо, и потому реставраторы оставили слои разновременных записей, главным образом XIV века²¹. Иконная доска с ковчегом, равная по величине Устюжскому Благовещению, композиционный строй иконы, уцелевшие драгоценные фрагменты живописи XII века выдают древность храмового образа.

При игумене Кириаке, т. е. до 1128 года, Федор Угрюнец написал евангелие, которое получило название «Юрьевское» по имени новгородского монастыря. Палеографические особенности выдают русское происхождение рукописи, которая хранится в Москве — в Государственном историческом музее²².

Исполненные киноварью начальные буквы отдельных глав текста (их всего 65) являются прекрасным образцом рукописного орнамента Древней Руси. Тератологический орнамент — стилизованные изображения зверей и птиц — находит аналоги в ювелирном искусстве. Буквицы предстают в виде двугорбого верблюда, коня, барса, фазана, рыбы и т. д. Они выполнены с неподражаемым изяществом и мастерством²³.

Архитектура, фрески, иконы, рукописные книги — все было исполнено в XII веке с одинаковым блеском и мастерством. Жаль, что время сохранило для нас лишь часть этого высокохудожественного гармоничного ансамбля.

Многовековая история Георгиевского собора наполнена различными событиями. Он не раз страдал от пожаров и других бедствий, его ремонтировали, перестраивали, украшали в соответствии с изменяющимися вкусами и новыми требованиями.

Известно, что в 1345 году при очередном «поновлении» заменили свинцовую кровлю²⁴. После пожара 1551 года, когда сгорели кровли и кресты, появилось, вероятно, палаточное завершение, которое изображено на иконе «Видение пономаря Тарасия»²⁵. После того, как в 1611 году монастырь был захвачен войсками шведского военачальника Самуила Коброна, храм стоял без крыши. Шведы сняли и увезли оклады с икон и книг. Собор был вновь восстановлен.

Несколько перестроек он пережил в XVIII столетии. В 1706 году при митрополите Иове устроили новую резную раму иконостаса взамен расписных тябел, на которые крепились иконы в древности. Известны имена двух резчиков, которые занимались изготовлением иконостаса. Это были приплы-

мастера Петр Казанец и Иван Петров²⁶. Тогда же с запада к собору пристроили каменную паперть со сводчатым перекрытием. Собор был «подкреплен» контрфорсами, или быками, как их называли на Руси, а в стенах устроены многочисленные круглые оконницы, освещавшие лестничную башню. В 1745 году с юга пристроили каменную ризницу²⁷.

Ремонтные работы, произведенные в 1802–1807 годах, были связаны с появлением в стенах и сводах трещин и необходимостью замены кровли. Смету на эти работы составил губернский архитектор И. Дмитриев²⁸. Трещины заделали, устроили железную крышу, исправили покрытие из белого железа на главах. В 1807 году из-за угрожающих трещин пришлось опустить своды в паперти и сделать бревенчатое перекрытие²⁹.

Наиболее значительной была реконструкция собора в 1825–1827 годах. Она привела к существенным изменениям его архитектурного облика и внутреннего убранства. Субсидировала работы графиня Анна Орлова-Чесменская, духовная дочь архимандрита Юрьева монастыря Фотия. В описи монастыря, написанной рукой самого Фотия, о состоянии храма до начала ремонтных работ говорится следующее: «В оной церкви святого Великомученика Георгия после нескольких пожаров от неприятелей связи дубовые в ней выгорели, а по сему несколько веков стояла церковь без всяких связей, а иногда была не покрыта долгое время, отчего трещины были в восточной, западной, южной и северной стенах от верха и до низа... В арках и сводах замки везде почти были расклинены деревянными клиньями, а инде весьма опасны были замки и плеча у арок и сводов. Вне церкви ни карнизов на ней, ни стен до сводов не было, и своды гораздо выше были самих стен»³⁰.

В рукописи этого же времени с пометами Фотия отмечается, что несмотря на отсутствие связей, «сами по себе стены и своды были весьма крепки, и так, что как бы были литыя из одного металла»³¹. Таков был запас прочности, заложенный при строительстве храма. Его обеспечивали качественные фундаменты, кладка и мастерство зодчего. Трещины в стенах вновь заделали, заложили металлические связи³². В соответствии с разработанным проектом стены собора надложили, устроили карниз, сделали новую железную кровлю, фасады закрыли толстым слоем штукатурки, которая скрывала скульптурную пластику стеной поверхности. При этом была заложена часть ниш и окон, а часть оконных проёмов растесана.

Появившиеся в XVIII веке притвор и ризницу разобрали и к основному объёму вновь пристроили: ризницу с юга, придел св. Феоктиста с севера, притвор и паперть с запада. Паперть была решена как колонная лоджия с тремя главками в духе классицизма. В таком виде храм предстаёт на многочис-

Храмовая икона XIV–XVI вв.
Св. Георгий в рост

ленных фотографиях и гравюрах, выполненных до 1930-х годов.

В 1825–1827 годах обновился интерьер собора. Крестящие столбы были усилены кирпичными прикладками, сбита штукатурка с фресковой росписью XII века, положен чугунный пол поверх плитного. Для живописных работ — росписи стен, написания и поновления икон — монастырские власти пригласили мастеров из Ростовского уезда Ярославский губернии Ивана и Владимира Сапожниковых — крестьян вотчины графа Орлова. Они оказались, как выяснилось впоследствии, не лучшими подрядчиками. Иван Сапожников вообще не появлялся в монастыре, а двенадцать нанятых братьями работников и «лица не умели писать». Кроме того, и Владимир Сапожников, который, по всей вероятности, больше занимался иконописью, в достаточной степени не овладел секретами стеновых росписей. Как он признался сам: «во все продолжение своего мастерства не дошел до того, чтобы его водяные краски не отставали от извести». И в написании икон Сапожников «совестно не показал... чистой и непорочной...»³³. Это мнение монастырских властей, недовольных тем, что художник потребовал дополнительную плату за свою работу. Сапожниковы принадлежали к семье известных иконописцев, которые основали в Москве собственную мастерскую по изготовлению икон. По предположению А.Н. Трифионовой, Владимир Сапожников расписывал церковь Рождества Богородицы в Перынском скиту. Часть этого живописного ансамбля, созданного в 1828 году, сохранилась. По уцелевшим композициям можно судить о характере стеновых росписей Георгиевского собора, уничтоженных в начале XX века³⁴.

К 1827 году относится сооружение нового каркаса иконостаса с полукруглой триумфальной аркой. При монтаже рамы были использованы резные колонны и кронштейны прежнего иконостаса 1706 года, выполненные в технике сквозной резьбы в виде вьющихся стеблей, листьев и гроздьев винограда³⁵. Витые колонны местного ряда вырезали вновь. Надпись на литых из металла царских вратах гласила, что сделаны они при императоре Николае Павловиче, митрополите Серафиме, архимандрите Фотии «иживением графини» 30 июня 1827 года³⁶.

Иконы местного ряда: Господь Вседержитель, Богоматерь Неопалимая Купина, св. Феоктист и св. Георгий были закрыты дорогими серебряными чеканными окладами, весом более трёх пудов каждая. Оклады изукрашены драгоценными камнями: бриллиантами, рубинами, аметистами, бразильскими топазами, жемчугом. Стоимость этих риз была по тем временам фантастической. К примеру, только серебро и работа, не считая золотого венца, бриллиантов, гиацинтов и других камней оклада к иконе Господь Вседержитель, оценивалась тогда

в 20590 рублей³⁷. Икону Богоматерь Неопалимая Купина украшал изумрудный образок Знамения Божьей Матери, оправленный в золото с бриллиантами и рубинами, который был подарен Анной Орловой-Чесменской великой княжне Александре Николаевне в день бракосочетания и после ее кончины возвращен графине³⁸.

В те же годы в алтаре был устроен новый мраморный престол и установлена подаренная графиней семейная реликвия — стальное кресло Петра I³⁹.

После завершения работ, в 1827 году, губернский архитектор Максим Праве, который, вероятно, являлся автором проекта перестройки храма, выполнил обмерные чертежи: планы и фасады собора и иконостаса. На плане собора все пристройки показаны как возведенные вновь⁴⁰.

Церемония освящения храма в 1827 году происходила весьма торжественно. С семи часов утра солдаты лейб-гвардии конно-егерского полка под командованием капитана Корфа «заняли караул» в соборе, чтобы следить за порядком, так как ожидалось прибытие большого количества приглашенных, места для которых были определены заранее, а также простого люда⁴¹.

Уже после смерти архимандрита Фотия при его преемнике в 1845 году главы собора покрыли медными позолоченными листами, а в 1847 году над мощами святителя Феоктиста установили новую серебряную раку. Проект гробницы с чеканным изображением святителя составил известный московский архитектор М.Д. Быковский. В двух ковчежцах, установленных на раке, были помещены частицы святых мощей св. Феоктиста.

В дореволюционный период последний ремонт собора был осуществлен в 1898–1902 годы. Приглашенный в 1898 году академик М.П. Боткин, ос-

мотрев состояние живописи в соборе, заключил: «Я, нижеподписавшийся академик и действительный член Академии художеств Михаил Боткин нашел, что стенопись вся произведена в 30-х годах, (дата названа ошибочно — Л.С.) по новой штукатурке, и нигде не мог я заметить каких-либо следов старой штукатурки. Произведенная живопись очень плохого стиля, местами карикатурна, изображения отдельных фигур очень коротки и в настоящее время портятся от сырости». По рекомендации Боткина для живописных работ была приглашена артель мастеров из Владимира, во главе с М.Н. Сафоновым, которая в это время занималась росписью Софийского собора⁴³. Они и расписали Георгиевский собор масляными красками по новой штукатурке.

Росписи владимирских мастеров, ориентированные на древние образцы, но лишенные подлинной духовности и совершенства, сохранились до настоящего времени. Монументальные, развернутые фронтально фигуры святых

Икона «Спас Вседержитель» в серебряном окладе. XIX в.

неподвижно застыли в сиянии золотых фонов.

В 1920 году Юрьев монастырь, как и все другие новгородские обители, был упразднен⁴⁴. И сразу же началось расхищение монастырской ризницы. В башне Георгиевского собора хранились наиболее ценные предметы церковного культа. Были сняты дорогие оклады с икон местного ряда соборного иконостаса. Вozами увозили накопленные веками ценности: серебряные оклады икон, книг, древнее оружие, церковную утварь, облачения и т. д.⁴⁵ Была создана специальная Комиссия по изъятию церковных ценностей из Юрьева монастыря под председательством Пакуна, которая действовала самовольно, игнорируя музей, отбирала вещи для вывоза без фиксации и экспертизы⁴⁶. После «ликвидации» монастыря Георгиевский собор еще некоторое время оставался действующим. Вскоре после передачи его в ведение музея, в 1931 году, здесь начались исследовательские и реставрационные работы. Ими руководил известный исследователь древнерусской архитектуры Михаил Константинович Каргер. В 1931 году был заложен небольшой разведочный шурф в южном нефе собора⁴⁷. Основной комплекс работ был осуществлен Институтом истории материальной культуры под руководством Каргера в 1933–1935 годах, после разборки музеем окружавших собор пристроек XIX века. Как писал Каргер, «одним из больших достоинств Георгиевского собора как архитектурного памятника является прекрасная сохранность наружной поверхности его стен, позволившая провести большую реставрационную работу почти без всяких «доделок», работая исключительно методом расчистки»⁴⁸.

Оказалось, что гладкие стены, круглые окна, которые считались особенностями древнего памятника, на самом деле, являлись результатом поздних перестроек. В процессе работ все поздние окна были заделаны, а древние окна, ниши и порталы, заложенные или перестроенные в XIX веке, раскрыты. Выявились четкие горизонтальные ряды ниш и окон XII века, имеющих арочное завершение и уступчатый профиль⁴⁹. Сохранились все три древних портала, испорченных при перестройке XIX века. Они представляли собой широкие проёмы, два — с полукруглым двухступчатым верхом, один — слабо выраженной стрельчатой формы⁵⁰.

Выяснилось, что смешанная кладка собора XII века была укреплена системой деревянных связей, уложенных в толще стен⁵¹.

Исследования внутри храма показали, что первоначальные столбы имели крещатую форму, что древний пол представлял собой сплошную известковую заливку, поверх которой были уложены плиты⁵².

В 1930-е годы по разным причинам не удалось произвести полную реставрацию собора: не были восстановлены ниши верхнего яруса, закомарное покрытие, декор барабанов и форма глав⁵³.

Исследовательские и реставрационные работы позволили М.К. Каргеру по-новому взглянуть на памятник, вплотную подойти к реконструкции его архитектурного облика на XII век, восстановить, хотя и не полностью, первоначальные архитектурные формы.

К сожалению, в 1930-е годы был разобран иконостас с прекрасными резными колоннами и кронштейнами начала

XVIII века в стиле петровского барокко. Тогда же было снято золоченое покрытие глав, так называемая «золоченка», Георгиевского и Спасского соборов. Вагонами ее отправляли в Москву⁵⁴.

В те же годы под руководством Каргера внутри Георгиевского собора были произведены раскопки, результатом которых явилось раскрытие девяти погребений XII–XIII веков.

На протяжении многих столетий собор являлся некрополем. Здесь хоронили князей, настоятелей монастыря, посадников.

Из летописных источников известно о погребении в 1198 году малолетних сыновей князя Ярослава Владимировича — Изяслава и Ростислава. Один из них умер в Великих Луках⁵⁵.

В 1233 году в храме нашел последний приют юный князь Федор, брат Александра Невского, умерший неожиданно накануне свадьбы. Летописный текст, сообщающий о его трагической смерти, подобно народному плачу, отличается удивительной поэтичностью и горестным сопереживанием: «И кто не пожалуеть сего: сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны; и бысть в веселия место плач и сетование за грехи наша...»⁵⁶.

Спустя 11 лет рядом с сыном похоронили мать Федора и Александра Невского, княгиню Ефросинию, которая перед смертью приняла монашеский постриг⁵⁷.

Еще об одном княжеском погребении в соборе извещает летопись Авраамки. В 1453 году на Городище умер галицкий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка⁵⁸. Судьба мятежного князя, который в борьбе за московский престол выступил против своего двоюродного брата Василия Темного и участвовал в его ослеплении, оказалась тесно связанной с Новгородом. Здесь его с почестями встретили после безуспешных попыток стать великим московским князем, здесь же он был отравлен и положен в Юрьевом монастыре. Как пишет летописец, московский князь прислал в Новгород Стефана Брадатого «со смертным зелием уморити князя...» Но не нашел Дмитрий Шемяка упокоения и после смерти, как будто в жизни был недостаточно наказан за содеянное им злодейство.

О запутанной истории с его останками подробно рассказывал в статье «Посмертная судьба Дмитрия Шемяки» В.Л. Янин⁵⁹.

В начале XVII века, когда шведы завладели Новгородом, хозяйничавшие в монастыре солдаты вскрыли гробницу и «...обрели человека целого и неразрушенного в княжеском одеянии и, вынявъ из гробницы, яко живого, поставили у церковной стены». Митрополит Исидор, испросив разрешение у шведского военачальника Якоба Делагарди, повелел перенести останки в Софийский собор, где они почитались за мощи князя Фёдора. Обследование мумифицированных останков, произведенное в 1930-е годы известным антропологом В.В. Гинзбургом, подтвердило, что возраст умершего человека — 40 лет. Таким образом, шведы вскрыли гробницу Дмитрия Шемяки. Федор, как известно, умер в юношеском возрасте. Кроме скелета молодого мужчины при вскрытии был обнаружен позвонок подростка 15–16 лет, о чем написал в своем заключении Гинзбург. В.Л. Янин предположил, что позвонок принадлежал умершей в молодом возрасте, в 1456, году и похороненной в притворе Георгиевского собора Марии Черторыйской, жене

князя Александра Черторыйского и дочери Дмитрия Шемяки.

XIII веком датируются летописные сообщения о погребении в соборе трёх новгородских посадников: Мирошки Незденича, его сына Дмитра Мирошкинича и Семёна Борисовича.

Мирошка, представитель Людина конца города, умер в 1203 году, приняв в монастыре постриг⁶⁰. Он являлся сторонником объединения боярства в борьбе за ограничение власти князя в Новгороде. В 1195 году Мирошка возглавил посольство, которое отправилось в Новый Торг к князю Всеволоду III с целью добиться замены неугодного новгородцам князя Ярослава Владимировича. Всеволод удерживал посольство в течение двух лет. А когда оно вернулось в Новгород, то радовались этому все «от мала до велика». Летописец замечает, что посадник пострадал за Новгород⁶¹.

Дмитра Мирошкинича привезли мертвым из Владимира и похоронили рядом с отцом в 1207 году. Его правление в Новгороде отмечено обострением борьбы боярских группировок за власть и стремлением к семейной олигархии. Дмитр Мирошкинич осуществил непопулярную финансовую реформу, которая привела к обогащению семейного клана и явилась причиной восстания в 1207 году⁶². На вече посадника обвинили в том, что он «повелеша на новгородыцхъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, все зло...»⁶³. Восставшие разграбили и сожгли усадьбы Мирошки и Дмитра Мирошкинича. Села и челядь, принадлежавшие посадникам, были распроданы, имущество разделено между новгородцами. Когда в том же году из Владимира привезли тело убитого в битве под Пронском Дмитра (он выступал на стороне владимирского князя в борьбе с рязанским князем), то новгородцы хотели сбросить его в Волхов, так ненавистно было его правление. И только вмешательство архиепископа Митрофана остановило возмущенных новгородцев.

Летописи называют имя еще одного посадника, погребенного в соборе. Это Семён Борисович, убитый во время восстания в Новгороде в 1230 году. Его усадьба и имущество также подверглись разграблению. Этот период в новгородской истории отмечен ожесточенным противостоянием двух боярских группировок. Одна выступала на стороне владимиро-суздальских князей, другая — черниговских. Черниговскую партию возглавлял посадник Внесд Водовик. На его стороне выступал Семён Борисович. Борьба окончилась восстанием 1230 года и полным разгромом сторонников Внесда Водовика. К власти пришел Степан Твердиславович — представитель боярства Прусской улицы Софийской стороны города⁶⁴.

О захоронении в соборе первых игуменов монастыря Кириака и Исайи летописи не сообщают, но об этом известно из надписи на мраморной плите, вделанной в окно западной стены. О ней упоминает архимандрит Макарий⁶⁵. По его же данным, в 1663 году в северной паперти был похоронен новгородский митрополит Макарий, а в XVIII веке — епископы Маркел Родышевский (1742 г.) и Иоасаф Хотунцевский (1758 г.)⁶⁶. В летописи дата захоронения митрополита Макария более ранняя — 1652 год⁶⁷.

Маркел Родышевский (в миру Николай Романов) начал свою деятельность как сподвижник Феофана Прокоповича и Петра I. Но затем он перешел в лагерь противников Феофана, критикуя его за «лютеранство» и отход от истинной православной веры. Маркел написал обвинительную книгу о жизни Феофана Прокоповича. В следственном деле житие названо «тетрадами». Вот одно из высказываний Маркела о новгородском архиепископе: «Как прежде имел, так и ныне имею на новгородского архиепископа подозрение, что он истинный еретик...»⁶⁸. Маркел критиковал «Духовный регламент», созданный под руководством Феофана, выступал против учреждения Синода, надеясь на восстановление патриаршего правления. Резкой критике он подверг и указ Петра I о монастырях и монашестве, обосновывая необходимость и важность монастырей в укреплении христианской веры. Следственное дело, начатое по доносу, в котором Маркел Родышевский, архимандрит Юрьева монастыря и судья архиерейского дома, обвинялся в хищении церковного серебра и жемчуга, велось долго. Оно перешло в разряд политических, и к нему были привлечены многие церковные деятели. В 1740 году Маркел Родышевский был освобожден. Новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич назначил его по-прежнему архимандритом Юрьева монастыря и ректором духовной семинарии. В 1742 году юрьевский архимандрит получил должность епископа Карельского и викария новгородской епархии и в том же году умер⁶⁹.

При архиепископе Гаврииле в 1786 году из Благовещенского Мячинского монастыря в Георгиевский собор были перенесены мощи архиепископа Феоктиса и положены под спудом у северной стены храма. Игумен Благовещенского монастыря Феоктис, избранный архиепископом, умер в 1310 году. Перед смертью он вел затворническую жизнь, приняв обет молчания. Прославление мощей святителя Феоктиса началось при Алексее Михайловиче, после исцеления Иулиании — супруги царского дьяка Зиновьева⁷⁰.

В 1832 году, по желанию графини Орловой-Чесменской, в Юрьев монастырь были перевезены запаянные медные гробы с останками её отца, Алексея Орлова-Чесменского, и двух

Икона «Св. Феоктис — архиепископ новгородский» в серебряном окладе. XIX в.

дядей — Григория и Федора Орловых. Они находились в часовне — усыпальнице, построенной в усадьбе Отрада Серпуховского уезда Московской губернии младшим братом Владимиром, позднее похороненным здесь же, рядом с братьями в семейном склепе.

В паперти Георгиевского собора, пристроенной в 1820-е годы, под полом был устроен склеп, в который можно было спуститься по лестнице⁷¹. В конце XIX века останки Орловых вернули на прежнее место, в село Отрада.

При раскопках 1930-х годов была вскрыта лишь часть известных по различным источникам захоронений. Из девяти погребений Каргер атрибутировал семь: в южном нефе — князя Федора, княгини Ефросинии и двух малолетних княжичей, в северо-западном углу — Мирошки и Дмитра Мирошкинича. Погребение у юго-западного столба было определено им как посадника Семена Борисовича. Костяк находился в кирпичном склепе⁷². Эта атрибуция вызвала серьезные возражения В.Л. Янина, который по характеру находок, в частности, кожаному поясу с тисненными изображениями праздников, архангелов и херувимов, справедливо считает данное захоронение монашеским. Обрывки цепей у ног, которыми, по мнению Каргера, был закован посадник, являлись не чем иным как веригами. По предположению Янина, это могло быть захоронение архимандрита монастыря Савватия, умершего в 1226 году. В располагавшихся рядом с кирпичным склепом в западной части центрального нефа двух деревянных колодах, возможно, были похоронены Кириак и Исая — первые игумены Юрьева монастыря⁷³.

Обнаруженные в 1930-е годы останки представителей разных социальных групп новгородского общества, а также находки, связанные с обрядом погребения (кожаная обувь, кожаные пояса, фрагменты льняных и шелковых тканей, украшений) были утрачены в годы Великой Отечественной войны. Из всего многообразного материала, обнаруженного во время раскопок, сохранились лишь фрагменты фресок, кожаный плетёный крест XII–XIII веков, фрагмент кожи с тисненым орнаментом⁷⁴.

С 1941 по 1944 год Юрьев монастырь находился на линии фронта, проходившей по Волхову. В монастыре располагались части испанской Голубой дивизии. Купол башни Георгиевского собора использовался как наблюдательный пункт. Здесь жгли костры, и древние фрески оказались под слоем копоти и грязи. На стенах купольного пространства еще в 1970-е годы можно было видеть надписи и рисунки солдат. Была повреждена кровля, утрачены купольные покрытия, обрушилась во многих местах штукатурка. Но мощные стены собора остались неповрежденными. После войны храм отремонтировали и оставили в ведении Новгородского музея. А в 1990-е годы Юрьев монастырь был передан в управление Новгородской епархии, и здесь началось постепенное возрождение иноческой жизни.

С 1977 года бригада художников-реставраторов Всесоюзного производственного реставрационного комбината (г. Москва), под руководством Г.С. Батхеля, начала работы в соборе по реставрации монументальной живописи XII века и начала XX века. Комплексная реставрация продолжилась в 1980-е годы под руководством В.Д. Сарабянова. В 1990-е годы новгородские реставраторы (бригада Т.И. Анисимовой) произвели частичное укрепление масляной живописи начала XX века.

Больших работ по архитектурной реставрации собора в этот период не проводилось. В 1970-е годы, в связи с ремонтом, были выполнены обмеры памятника и проведены небольшие исследования⁷⁵. В 1981 году авторский коллектив Новгородской реставрационной мастерской, во главе с Г.М. Штендером, завершил работу над эскизным проектом реставрации монастырского комплекса. Проект предусматривал два варианта реставрации Георгиевского собора. Первый предполагал сохранение венчающих форм храма в облике XIX века, второй предусматривал реставрацию закомарного покрытия, декора барабанов, форм куполов на XII век⁷⁶. Штендер склонялся ко второму варианту, объясняя это высокой степенью научной обоснованности проекта. Можно надеяться, что придет время и появится возможность восстановить первоначальный архитектурный облик уникального памятника XII века.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Поездка патриарха Антиохийского Макария в Новгород по описанию архидакона Павла Алеппского // Новгородские епархиальные ведомости. 1900. №20. С. 1285.

² НЛ. СПб., 1879. С. 189.

³ Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987. С. 299.

⁴ Каргер М.К. Новгородское зодчество // История русского искусства. М., 1954. Т. 2. С. 24; Памятники древнего зодчества // Вестник АН СССР. 1970. №9. С. 79–85.

⁵ Комеч А.И. Древнерусское зодчество С.

305–306.

⁶ Каргер М.К. Новгородское зодчество. С.30.

⁷ Каргер М.К. Новгород Великий. М., 1970. С. 192

⁸ Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Советская археология. 1946. Вып. 8. С. 183, 192–195.

⁹ Всеобщая история архитектуры. Л.–М., 1966. Вып.3. С. 644.

¹⁰ Афанасьев К.Н. О главах Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новго-

роде // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 101–102.

¹¹ Архив УГК ОИПИК. Р–1666. Аблизина И.Б. Отчет о проведении научно-исследовательских и ремонтно-реставрационных работ по памятникам архитектуры в 1982 г. С. 43, 49.

¹² Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы... С. 198.

¹³ Там же. С. 189.

¹⁴ Там же. Табл. I и Табл. II.

¹⁵ Сарабянов В.Д. Фрески XII в. в основном объеме Георгиевского собора Юрь-

- ева монастыря//ПКНО. 1997. М., 1998. С. 232–239.
- ¹⁶ Батхель Г.С. Реставрация стенописи XII в. в верхней части башни Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде//ПКНО. 1990. М., 1992. С. 203–210; Древняя стенопись рассказывает//Памятники отечества. 1983. Вып. 1. С. 34–35.
- ¹⁷ Сарабьянов В.Д. Росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря и их место в новгородском искусстве первой трети XII в.//Искусство Руси и стран Византийского мира. XII в. СПб., 1995. С. 33–35.
- ¹⁸ Рождественская Т.В. Надпись с именем князя Мстислава из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде//Древний Псков. СПб., 1994. С. 77–80.
- ¹⁹ НЛ. С. 93.
- ²⁰ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. XI — начало XVI века. М., 1963. С.54–58.
- ²¹ Там же. С. 47–48; Смирнова Э.Г. Живопись Великого Новгорода. XIII — начало XV века. М., 1976. С. 175–177.
- ²² Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка. (X–XIX веков). СПб., 1863. С. 26.
- ²³ Рыбаков Б.А. Прикладное искусство Киевской Руси IX–XI веков и южно-русских княжеств XII–XIII веков//История русского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 257–259.
- ²⁴ НПЛ. С. 37.
- ²⁵ НЛ. С. 80.
- ²⁶ ОПИ НГОМЗ, № 11188. Л. 84.
- ²⁷ Амвросий. История Российской иерархии. М., 1815. Т. 6. С.742–743.
- ²⁸ РГИА. Ф.796. Оп.83. Д.183. 1802–1809. С. 1–24.
- ²⁹ Амвросий. История Российской иерархии. С. 741.
- ³⁰ ГАНО. Ф.526. Оп.1. Д. 10. 1827. Л. 8–8 об.
- ³¹ РГИА Ф. 834. Оп. 3. Д. 3890. Л. 28 об.
- ³² ГАНО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 10. 1827. Л. 9–11.
- ³³ Там же. Д. 7. 1825–1827. Л. 2–11.
- ³⁴ Трифонова А.Н. Деятельность иконописцев Сапожниковых в Новгороде в 1820-е гг.//Новгородский архивный вестник. Великий Новгород. 2000. Вып. 2. С. 58–70.
- ³⁵ ГАНО. Ф.526. Оп. 1. Д.10. Л. 34об., 35.
- ³⁶ Там же. Л. 36об. 37.
- ³⁷ Там же. Л. 38–52.
- ³⁸ Макарий, архим. Описание новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. СПб., 1862. С. 15.
- ³⁹ ГАНО. Ф.526. Оп. 1. Д.10. Л. 61, 244.
- ⁴⁰ Там же. Д.6. 1827. Л.1–2.
- ⁴¹ Там же. Д.7. 1825–1827. Л.18.
- ⁴² Макарий, архим. Описание Новгородского... С. 17–18.
- ⁴³ М. Кедринский. Реставрация и освящение Георгиевского собора Юрьева Новгородского монастыря//НЕВ. 1902. № 21. С. 1209–1212.
- ⁴⁴ Обследование Юрьева монастыря//Звезда. 1920 г. 19 мая. № 108; Ликвидация монастырей в Новгороде//Звезда. 1920. № 44. 27 февраля.
- ⁴⁵ ГАНО. Ф. Р–269. Оп.1. Д.1319. 1921. Л.18–19.
- ⁴⁶ Архив ИИМК РАН. Ф.51. Д.259. Л.3.
- ⁴⁷ Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. С. 180.
- ⁴⁸ Там же. С.194.
- ⁴⁹ Там же. С.180–195.
- ⁵⁰ Там же. С. 188–190.
- ⁵¹ Там же. С. 196–197.
- ⁵² Там же. С.199–200.
- ⁵³ Там же. С. 200–222.
- ⁵⁴ ГАНО. Ф. Р. 269. Оп.1. Д.1319. Л.72.
- ⁵⁵ НПЛ. С. 39, 41.
- ⁵⁶ НПЛ. С.72, 282.
- ⁵⁷ НПЛ. С. 79.
- ⁵⁸ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. 193.
- ⁵⁹ Янин В.Л. Посмертная судьба Дмитрия Шемяки//ПКНО. 1984. Л., 1986. С. 533–540.
- ⁶⁰ НПЛ. С.45, 246.
- ⁶¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С.113–116.
- ⁶² Там же. С. 116–118.
- ⁶³ НПЛ. С. 50–51.
- ⁶⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 138–139.
- ⁶⁵ Макарий архим. Описание Новгородского общежительного... С. 18.
- ⁶⁶ Там же. С.19, 86, 97.
- ⁶⁷ НЛ. С. 375–376.
- ⁶⁸ Чистович И. Феофан Прокопович и его время//Сборник статей, читанных в отделе русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. 4. С. 331.
- ⁶⁹ Там же. С. 195–334, 674–680.
- ⁷⁰ Никодим, архим. Святые новгородского края и вопрос о церковно-народном их почитании в современной исторической науке//НЕВ. 1903. № 18. С. 1077–1078.
- ⁷¹ Львов А. Историческая справка о причинах перенесения в 1832 г. праха князя и графов Орловых из с. Отрады в Новгородский Юрьев монастырь//Русский архив. 1896. № 6. С. 273–277; Граф А. Орлов-Давыдов. Ещё о перенесении праха князя и графов Орловых//Русский архив. 1898. № 7. С. 453, 454.
- ⁷² Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы... С. 213–222.
- ⁷³ Янин В.Л. Посмертная судьба Дмитрия Шемяки. С. 535.
- ⁷⁴ Фонды НГОМЗ. № 1085, 7167, 7958, 8080.
- ⁷⁵ Архив УТК ОИПИК НО, № 1666.
- ⁷⁶ Там же. Р–1432. Егоров М.Б. Пояснительная записка к проекту реставрации комплекса Юрьева монастыря: Р–1497. Фотоальбом к проекту.

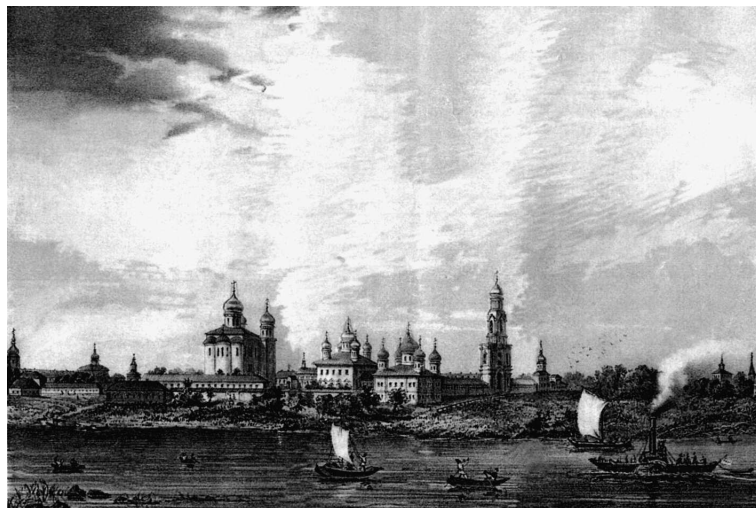
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ГАНО — Государственный архив Новгородской области.
2. ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
3. НЕВ — Новгородские епархиальные ведомости.
4. НЛ — Новгородские летописи. СПб. 1879.
5. НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
6. НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей заповедник.
7. РГИА — Российский государственный исторический архив.
8. ПСРЛ — полное собрание русских летописей.
9. ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия.
10. УТК ОИПИК — Управление государственного контроля, охраны и использования памятников истории и культуры Новгородской области.

«ДЛЯ ВАШЕГО ПРЕУСПЕВАНИЯ В ДЕЛАХ ДУХОВНЫХ...»

(Из истории библиотеки Юрьева монастыря)

На протяжении нескольких веков основными центрами литературного творчества, переписки и распространения книг в Древней Руси были монастыри. История монастырских библиотек в связи с этим обстоятельством является неотъемлемой частью истории духовной культуры, прежде всего, книжной культуры Руси. Библиотеки крупных монастырей смогли донести до нас книжное наследие XI–XIII веков. Книжные фонды в монастырях, достигавшие сотен томов, превращали их в местные центры просвещения и культуры Русского государства. Само слово «библиотека» в Древней Руси почти не употреблялось. Впервые оно встречается в знаменитой Геннадиевской Библии, переведенной и переписанной в Новгороде в самом конце XV века (1499 г.). Термин «библиотека» для русских людей в то время был непривычен и малопонятен, поэтому переводчик этого термина вынужден был прибегнуть к его пояснению на полях и написать «книжный дом»¹. В разных городах Руси помещения для

Вид новгородского Юрьева монастыря
с северо-восточной стороны из-за реки Волхов

книг имели самые разные названия, чаще всего их называли «книгохранилищницами». Этот термин продержался в различных вариантах чуть ли не до Отечественной войны 1812 года. Иногда употреблялось слово «палата»².

Студийский монашеский устав (пункт 26), принятый монахами Киево-Печерского монастыря в XI веке и позаимствованный у одного из знаменитых греческих монастырей, предписывал иметь в монастырях библиотеки, а для хранения книг рекомендовалось выделять специального человека — библиотекаря³. Братия по его распоряжению должна была являться в определенные часы для чтения книг: «Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны от телесных дел, ударяет книгохранитель однажды в дерево, и собираются братия в книгохранительную комнату, и берет каждый книгу и читает до вечера. Перед клепанием же к светильничному ударяет

опять однажды книжный приставник, и все приходят и возвращают книги по записи, кто же умедлит возвратить книгу, да подвергнется епитимии», — гласил Студийский устав. В том же Уставе имелись специальные разделы, определявшие права и обязанности «книгохранителей» и читателей⁴.

Самое раннее упоминание о наличии монастырской библиотеки относится к Киево-Печерскому монастырю, основанному в середине XI века Антонием и Феодосием. Здесь уже в XI веке, после смерти греческих иконописцев, расписывавших здание монастыря, «на полатах (полати, хоры)...

книги их греческая блудомы»⁵.

Начиная с XI века монастыри играли основную роль в накоплении книжных сокровищ и организации библиотек. Одним из каналов пополнения библиотек являлось копирование.

Раннее упоминание о книгописании связывается также со Студийским монашеским уставом. Переписыванию книг придавался зачастую характер духовного, личного подвига. Имена

представителей рукописного затворнического труда можно отыскать в житиях, на страницах летописей и самих книг. Перед началом работы монастырский писец обычно получал «благословение» у игумена и лишь тогда приступал к «послушанию», т.е. переписыванию книги.

Первое известное на Руси имя книжного писца — новгородский поп Упирь Лихый, переписавший в 1047 году «Книги пророческие» с толкованиями для князя Владимира Ярославича⁶.

Труд переписчика был утомительным и сложным. В библиотеке Кириллова монастыря под Новгородом хранилось Евангелие, писанное в начале XVII века нетвердым полууставом с надписью на первом листе: «Господи Владыко, помози ми многогрешному рабу своему Потопишьку писати гораздо без описи. Сверши, Господи, книгу сию Свое святое Евангелие»⁷.

Крупная книгописная мастерская была, например, в новгородском Лисицком Рождества Богородицы монастыре, разрушенном в годы Великой Отечественной войны. Занимался перепискою книг и один из древнейших и крупнейших русских монастырей — Юрьев монастырь.

В библиотеке известного русского историка, академика Петербургской Академии наук и коллекционера рукописей Михаила Петровича Погодина хранился «Сборник», писанный в Юрьевом монастыре во второй половине XIV века на пергамене* полууставом в два столбца и содержащий жития Саввы Освященного, Иллариона Великого, Сильвестра, папы Римского, Антония Великого и других. Рукой писца на листе 154, оборот, сделана надпись: «В лето [1129 г.] при благоверном и великом князе Мъстиславе Владимировиче, сыне Мономахове, и при архиепископе великаго Новаграда Нифонте писана книга сия: святых отец житъя, по благословению отца нашего игумена Ефимия Юрьева монастыря, писал многогрешный и смиренный инок Антоний. Аще в чем погрешил, исправте. Бога ради, понеже мало и не твердо обучихся погречески чтению божественного писания, оных светых отец жития нигде не видех, по усердию моему и благословением настоятеля нашего потрудихся по силе моей, с греческаго языка писал книгу [сию]; а ничтоже прибавил от своего ума или отменил, разве по недоумению, и молю вы, братия и отцы, е[г]да прочитайте книгу сию, помяните мя вы в молитвах ваших, да аз получу оставление грехов в будущие веки, аминь»⁸.

Система заказов монастырям на переписывание книг соблюдалась в течение всего периода феодализма. Однако книг в Древней Руси было немного, они были дороги, так как переписка их шла медленно, поскольку требовала много времени. От древнего периода русской истории о библиотеках сохранилось очень мало сведений, число их возрастает лишь с конца XV века, с началом централизации Русского государства, увеличением числа монастырей, возникновением книгопечатания.

Монастырские библиотеки являлись и служебными, и просветительскими центрами. Они служили определенным религиозно-политическим целям. Создание монастырских библиотек тесным образом связано с историей монастырей, которые в период средневековья были политическими, экономическими и культурными центрами. Размеры, состав, организация книгописного и библиотечного дела в монастырях находились в прямой зависимости от экономического и общественного значения монастыря как феодального собственника. Численный состав книжных фондов монастырских библиотек колебался от 27 книг в маленьких монастырях до полутора тысяч в крупнейших⁹. В некоторых новгородских монастырях (например, Николо-Липенском) книг не было совсем, и в случае надобности он брал книги в соседнем Юрьевом монастыре. Основа монастырского книжного фонда с XV века стала определяться Иерусалимским уставом.

Анализ книжных фондов крупнейших монастырских библиотек позволяет выделить в них три основных раздела:

1. Книги литургические (преобладающая часть).

2. Книги для коллективного обязательного чтения;

3. Книги келейные, для личного чтения, среди которых находились также и светские произведения¹⁰.

Когда появилась библиотека в Юрьевом монастыре, нам неизвестно, но, по всей видимости, сразу после его основания, о чем свидетельствует и переписка книг, которые вкладывались и в сам монастырь. Первоначально, на наш взгляд, библиотека располагалась в лестничной башне Георгиевского собора¹¹.

В 1822 году настоятелем монастыря стал архимандрит Фотий. При нем на средства его духовной дочери графини А.А. Орловой-Чесменской в 30-е годы XIX века велось строительство западного настоятельского корпуса.

В монастыре вновь было введено общежитие, как необходимое к устройству обителей. Фотием был составлен и введен в действие «Устав Новгородского первоклассного Юрьева общежительного монастыря» (напечатан впервые в московской Синодальной типографии в 1830 году)¹². После смерти Фотия в южной половине его келий была размещена библиотека Юрьева монастыря; вход в нее был с паперти церкви Всех Святых. Паперть отделяла церковь от книгохранилища. При перенесении сюда книг кельи сохранили свой прежний вид: на месте были оставлены иконы и другие вещи, бывшие здесь при Фотии. Для размещения книг сделаны и поставлены восемь шкафов, из которых пять — больших березовых, а три — небольших красного дерева.

В главе четвертой Устава «О книгохранильнице и о келейном чтении книг» говорилось о значении книги в жизни инока: *«Для вашего преуспеяния в делах духовных иноку не довольно заниматься одним церковным богослужением, не менее нужно и келейное чтение Слова Божия и других душевспасительных книг, православною нашею церковью принятых: ибо как то, так и сие похоти телесные угашает, всякий грех изгоняет, союз любви содрожает, душу величит, уста очищает, сердце веселит и чувство отверзает»*. Далее давались советы, как читать книгу, и излагались правила пользования книгохранильницей: «читать неспешно, без всяких пропусков, со вниманием, с рассуждением, с замечанием, с приложением к образу своих мыслей и своей жизни», «в случае сомнений спрашивать разрешения от Отца духовного, или настоятеля, листов из ветхих книг Священного писания и поучений святых Отцов на обертки и другие подобные надобности отнюдь не употреблять: но предавать оные огню как предписано в ветхих церковных вещах; всякую книгу, взятую из книгохранилища хранить у себя в целости, в чистоте и опрятности, не делая в ней никаких замечаний на полях, оберегая от сырости, жара и всякого повреждения, не передавать ее другому иноку без благословения и от других не принимать без ведома настоятеля»¹³.

Во второй части Устава Юрьева монастыря была глава «О должности книгохранителя». В его обязанности входило выдавать книги в церковь к службам, выдавать любую книгу только с благословения настоятеля, или Отца духовного, записать выданную книгу в реестре, а читателю расписаться в получении книги, по выходе братии из монастыря рекомендовалось отбирать все книги, исправлять ветхие книги починкою, а вновь поступившие «записывать обстоятельно в реестр», о недостающих книгах докладывать настоятелю. В конце сделана при-

* Термин, характерный для специальных научных изданий. Лат. Pergamena.

писка: «Должность книгохранителя, в случае нужды, может исправлять ризничий».¹⁴

Наиболее ценные рукописные документы библиотеки вместе с казной и монастырскими драгоценностями хранились в лестничной башне Георгиевского собора. Среди них подлинные грамоты и письма некоторых важных особ.

Из грамот Юрьева монастыря наиболее древняя жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и сына его Всеволода, написанная уставом на пергамене и данная ими монастырю около 1130 года; в ней перечислялись земли, пожалованные монастырю. Документ скреплен серебряной позолоченной печатью. Эта грамота — древнейший памятник деловой письменности Древней Руси, сохранившийся в подлиннике.

Подлинной сохранившейся грамотой, писанной на пергамене, является грамота архиепископа новгородского Ионы, данная в XV веке Юрьеву монастырю о вотчинных крестьянах Робичинской волости.

Хранились также в библиотеке Юрьева монастыря две подлинные грамоты в сафьяновом переплете, данные Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому: первая — на графское достоинство и утверждение герба фамилии Орловых (1764 г.), вторая — о внесении в герб генерал-аншефа графа А.Г. Орлова-Чесменского Кейзер-флага за истребление им турецкого флота при Чесме, подписанная императрицей Екатериной II в 1773 году. Всего в монастыре хранилось более 50 грамот.

Здесь же хранились письма св. Дмитрия Ростовского к преосвященному Ефрему, митрополиту сербскому, императора Александра I к архимандриту Фотию (1825 г.) и другие рукописи. Второй отдел рукописей, хранившихся в лестничной башне, составляли документы хозяйственные, учредительные и распорядительные¹⁵.

Особого внимания из книг заслуживает знаменитое Евангелие XII века, происхождение которого связано с Юрьевым монастырем. Оно входит в первый десяток древнейших датированных славянских рукописных книг и остается вторым, после «Мстиславова Евангелия», по древности и значению среди памятников XII века. Это Евангелие является аналогичной «Мстиславова Евангелию» книгой, заказанной или изготовленной собственными силами примерно в 1119–1128 годах Юрьевым монастырем для новгородского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха. Оно было написано в церкви Благовещения на Городище. На обороте последнего листа Юрьевского Евангелия сделана следующая надпись: «Аз грешный Феодор напсах евангелие се рукою грешною святому мученику Георгию в монастырь Новуграду при Куриаце игумене и Саве икономе утриныйц псал»¹⁶. Скорее

всего Федор был заказчиком, а исполнителем некий «утриныйц» — венгр. Об этом свидетельствует наличие «романских мотивов» в оформлении книги: фронтиспис Юрьевского Евангелия изображен в форме храма, его окружают павлины и гепарды, как в Изборнике Святослава 1076 года, а также птицы в нимбах с ветками в клювах. В «Истории русского искусства» отмечается: «...все 65 инициалов выполнены в одном стиле... но в то же время каждая буква совершенно индивидуальна»; «богатая фантазия автора расцветила богослужебную книгу целым зверинцем»¹⁷.

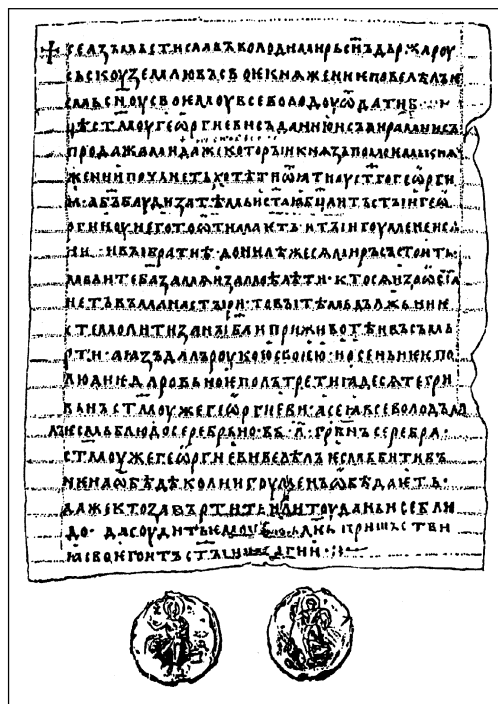
В XVII веке патриархом Никоном Юрьевское Евангелие, в числе других раритетов, было вывезено в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь (г. Истра Московской области), а оттуда попало в Государственную публичную историческую библиотеку в Москве.

В числе книг, хранящихся в Юрьевом монастыре, было немало редких изданий, которые в разное время и по разным причинам оказались в крупнейших хранилищах страны. Среди древнейших, хранящихся теперь в Российской национальной библиотеке (РНБ) в Санкт-Петербурге, отрывки из двух житий XI века: «Житие Кондрата» и «Житие Феклы», писанные на пергамене уставом в два столбца. Картонный переплет появился в XIX веке. Тексты местами сильно потерты и повреждены грызунами. Эти рукописи были обнаружены новгородским архиепископом Евгением (Болховитиновым) в монастыре и подарены Михаилу Петровичу Погодину.

Тогда же была найдена и подарена М.П. Погодину «Псалтирь толковая» («Евгеньевская псалтирь») из Юрьева монастыря, сохранившаяся в отрывках на пергамене, написанная уставом в два столбца, инициалы глаголические. Переплет картонный XIX века.

В 1852 году его собрание рукописей и старопечатных книг поступило в Императорскую Публичную библиотеку¹⁸.

К концу XII века относятся и такие рукописные книги Юрьева монастыря как «Жития Констанцкого и Феодора Студита» («Выголексинский сборник»). Они писаны на пергамене уставом двумя почерками конца XII века (вторым написано менее одного листа), переплет (поздний) — доски в коже с тиснением. На листе 171 завещательная (вкладная) запись (уставом XIII в.) монаха («калогера») Феофила, «стяжавшего» рукопись, о передаче ее после его смерти [святому] Георгию (новгородскому Юрьеву монастырю) и с просьбой поминать его в молитвах. На листе 1 владельческая запись (скорописью XVII в.) Юрьева монастыря. В рукописи помещены житие Нифонта — епископа г. Констанции на Кипре (в краткой редакции), отрывок (начало) поучения (?) апокрифического характера (XII–XIV вв.) и «Житие Феодора Студита». Сборник

Грамота князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю (около 1130 г.)

украшен двумя заставками: одна в виде полуциркулярной арки, орнамент старовизантийского типа, но с элементами плетения; все на черном фоне; в верхней части композиции два павлина и четырехконечный крест; вторая заставка — чернофонная композиция с плетенкой в прямоугольнике с обрамлением и фантастическими животными (грифонами) старовизантийского типа. Эта рукопись в 1878 году поступила в Румянцевский музей (ныне Российская государственная библиотека) в Москве от Д.В. Поленова, который получил ее из библиотеки Выголексинского женского монастыря (Заонежье, основан в конце XVII в.) в 1862 году, после закрытия монастыря в 1857 году. Однако, судя по записям XIII–XVII веков, рукопись в это время находилась в Юрьевом монастыре¹⁹.

Очень мало памятников древнерусской культуры, в том числе и книжной, дошло до нас от тревожного XIII века. Среди них — Евангелие апракос полный («Симоновское евангелие», или «Симоново евангелие», возможно — «Евангелие Лотыша»), хранящееся ныне в Румянцевской коллекции Российской государственной библиотеки (РГБ). Евангелие писано на пергамене уставом, двумя почерками (второй почерк лишь в виде небольших «вкраплений»). Переплет — доски в коже, второй половины XVII века. На листе 167 запись писца Георгия, сына попа, «глаголемаго Лотыша», «съ Городища» (под Новгородом) об окончании написания рукописи 23 марта 6778 года (1270 г.) с указанием, что в день этот было затмение солнца, и что рукопись писана по заказу Симона, чернеца Юрьева монастыря под Новгородом. Вся иллюминация рукописи — работа новгородских мастеров.

Четыре миниатюры — изображения евангелистов в рост, размером в лист, в повороте в три четверти, под арками, на красных (Иоанн и Лука) и зеленых (Матфей и Марк) фонах; на листе 1 оборот — Иоанн со св. Симоном (патроном заказчика) — уникальная иконография. Украшено двумя заставками тератологического орнамента, инициалами новгородского тератологического стиля с тремястами антропоморфическими элементами. Рукопись была приобретена в 1825 году для графа Н.П. Румянцева, русского государственного деятеля, дипломата, К.Ф. Калайдовичем у зарайского купца К.И. Аверина, который купил ее в Старице²⁰.

Еще одна рукопись, относящаяся к этому времени, «Псалтырь» («Симоновская псалтырь») последней четверти XIII века. Писана также на пергамене уставом, переплет — доски в коже. Рукопись украшена миниатюрами с изображением Голиафа — в образе западного рыцаря, «агиоса Симона Зилота» — верховного патрона предполагаемого заказчика книги Симона. Заставки и инициалы тератологического типа. Сохрани-

лась местами стертая запись скорописью XVIII века о принадлежности книги Суздальскому Спасо-Евфимьевскому монастырю уже в первой половине XVII века. Исследователи предполагают, что вероятнее всего эта рукопись была вывезена Иваном Грозным из Новгорода в 1571 году и после реставрации положена в Суздальский Евфимьев монастырь, а оттуда она попала в Государственный исторический музей в Москве²¹.

Из рукописных книг в монастыре в середине XIX века хранились: Евангелие напрестольное в лист на 285 листах, в малый лист на 311 листах (оба писаны полууставом в XVI веке); Служба великомученика, победоносца и чудотворца Георгия, с описанием 13 чудес его и похвальным ему словом на 163 листах. Во второй половине книги, на 99 листах, служба

св. благоверного князя Всеволода, во крещении Гавриила, с описанием жизни и 20 чудес его. Книга в лист, писана полууставом «в лето от Р.Х. [Рождества Христова] 7719, по благословиению преосвященного Аарона, епископа Карельского и Ладожского, в храме Юрьева монастыря великомученика Георгия. Писавый раб Божий крылошанин Филипп Феодоров, сын Попов, по реклу Пагаченской».

В числе рукописей монастырской книгохранилищницы значились Ирмологий (сборник церковных песнопений) крюковой старинный на 113 листах. На первой доске на обороте надпись: «Сия книга, глаголемая Ирмосы, Шелонския пятины, Бурижского погоста, Николаевского дьячка Фетки Алексеева, а ценою дана рубль».

В Москве хранится Патерик Печерский (житийные сборники) с прибавлениями XVI века, с надписями в начале: «Юрьева мона-

стыря домовная, да никоже ся восхитить насилством»; а в конце: «7132 (1624) февраля в 8 день, дал сию книгу Патерик Печерский в Юрьев монастырь Вяжицкой игумен Геннадий по своей души и по родителях своих»²².

Из Юрьева монастыря ведет свое происхождение Евангелие, которое И.И. Срезневский, русский филолог-славист и этнограф, относит ко времени до 1359 года. Он приводит запись в конце этой рукописи: «Господи, спаси, помилуй архиепископа Новгородского Моисея стяжавшего Евангелие се в здравие и в спасение в отпущение грехов. А писал многогрешный Андреан. Аминь!». Далее идет еще одна запись, современная самому тексту, как и первая: «Се аз владыка Моисей дал есмь се евангелие святому Георгию, а кто восхощет отнять от святого Георгия, будет проклят Богом и святым Георгием, а который поп или дьякон чет, а не застегает всех застезек, буди проклят». Это Евангелие — дар владыки новгородского Моисея в Юрьев монастырь. Моисей дважды занимал владычный престол в Новгороде: в 1325–1330 и 1352–1359 го-

Инициалы Юрьевского Евангелия.
XII век

дах. До своего архипастырства он был некоторое время архимандритом Юрьева монастыря. Исследователи предполагают, что это Евангелие писано было во время первого его пребывания на владычном престоле.

Несмотря на запрет не брать Евангелие из монастыря, в XV–XVI веках оно находилось уже в церкви 12 апостолов, как видно из записи, сделанной поздним уставным письмом: «Сие евангелие из Великого Новгорода церкви святые мученицы Анастасии с Каменного города». Из этой церкви в 1677 году были «куплены три харатейные книги в большую десть Великого Новгорода церкви преподобной мученицы Анастасии у священника Никиты, в тех книгах 65 тетрадей». Среди этих рукописей было и Евангелие, поступившее в Типографскую библиотеку в Москве²³.

В начале XX века в Патриаршей библиотеке в Москве хранилась «Книга Григория Богослова четья». На верхнем листе подпись XVII века: «книга четья Григория Богослова, а купил ее Юрьевский архимандрит Герасим в торгу». Ниже другою рукою подписано: «патриарха Иева». Книга написана в лист, полууставом XVI века, объемом 407 листов²⁴.

В 1679 годах из Типографской библиотеки в Книгохранительную палату в Москве книгохранителю и чтецу, старцу Мардарию, в числе других рукописей был передан и «Пролог, с сентября, харатейной, в десть, из Новаграда Юрьева монастыря»²⁵.

В Новгородском государственном музее-заповеднике (НГМ) сохранились некоторые рукописи с пометкой на корешке «Библиотека Юрьева монастыря». Среди них: «Каноны Спасу, праздникам и святым из Юрьева монастыря» (первая четв. XIX в.); «Опись Новгородского первоклассного Юрьева монастыря церковному строению, имуществу, вещам и прочим вещам, сочиненная при возобновлении оного по всем частям в бытность настоятеля священного архимандрита Фотия» (1823 г.); «Служба и житие Феоктиста, архиепископа новгородского» (XIX в.); «Подлинник (иконописный), составленный Фотием, настоятелем, архимандритом Новгородского Юрьева монастыря» (1869 г.) и другие.

В «Описи Новгородского первоклассного Юрьева монастыря церковному строению, имуществу и прочим вещам, сочиненной при возобновлении оного по всем частям в бытность настоятеля священного архимандрита Фотия 1823 года» есть раздел «Церковная библиотека», в котором без выходных данных перечислены книги, на тот момент находившиеся в ней. Всего 141 запись, но многие книги числятся в нескольких экземплярах. Например, Псалтирь следовательная — 3, Апостол — 4, Минеи общие — 2, Октоих — 8, Требник — 3, Ирмологи — 12, Служебники старонареченные — 8 книг и т.п.²⁶

Среди книг встречаются интересные издания, например: Требник и два Катехизиса Петра Могила, Книга славянского наречия Кирилла Транквиллина, Псалтирь и служебник киевской крупной печати с толкованием. Описание о погребении Петра 1, Брашно духовное, 4 каноника киевской мелкой печати в 1/8 листа в бумажных футлярчиках и др.²⁷

В ней значатся различные издания Библии и Нового Завета, труды и беседы отцов церкви, различные службы, устав монастыря. Минеи, из них 4 книги подарены Фотием, Прологи, Псалтирь, житийная литература, «История Российской

иерархии» Амвросия и многое другое.

При Фотии библиотека значительно пополнилась и была приведена в относительный порядок. В Государственном архиве Новгородской области (ГАО) сохранилась «Опись церковного имущества обители Юрьева монастыря» 1827 года, содержащая в себе и «Опись церковной библиотеки», выполненная при архимандрите Фотии книгохранителем, рясофорным монахом Иоанном. Опись включает в себя, в основном, богослужебную литературу. Все книги систематизированы по разделам.

В «Богословии» выделены 13 разделов:

Священное писание: разные издания Библии, Евангелия, Псалтири XVI–XIX веков. В разделе есть Евангелие в малый лист, изданное в Вильне в 1574 году при польском короле Генрихе, литовском князе, и при митрополите киевском Ионе; Евангелие страстное в лист 1745 года — вклад обер-прокурора Синода князя Якова Шаховского в 1750 году; Псалтирь царя и пророка Давида в стихах Симеона Полоцкого 1680 года; Псалтирь следованная со службою Божией Матери Неопалимой Купины, изданная при патриархе Иосифе в 1657 году, и другие издания²⁸. Отпечатаны все книги, в основном, в Москве, Санкт-Петербурге и Киево-Печерской Лавре.

Толкование Священного Писания: в этот раздел включены беседы Иоанна Златоуста, Василия Великого, а также толкования на Псалтирь и другие издания. Самая древняя книга — «Благовестник» Феофилакта Болгарского в лист, в кожаном переплете, изданный в Москве в 1698 году.

Сводь Священного Писания и введения в оное: здесь помещены «Руководство к чтению книг Ветхого и Нового Завета» митрополита Амвросия (М., 1803), «Симфония на Псалтирь» (СПб., 1721).

Соборы вселенские и поместные: в раздел включены кормчие (сборники правил вселенских соборов иерархов православной церкви) и скрижали (сборники памятных дат, имен и т.п.) разных лет издания. Одна Кормчая в лист и Скрижаль в 3-х экземплярах в 1/4 листа — древние, печатные, в досках.

С пятого по десятый разделы содержат книги различных видов богословия — догматическое, полемическое, нравоучительное и т. п.

Богословие догматическое: Самая древняя книга раздела — «Православное исповедание веры» (М., 1696). В раздел включены «Богословие митрополита Платона» (СПб., 1791) и «Избранное св. Кирилла Иерусалимского» (СПб., 1803).

Богословие полемическое, или состязательное: «Наставление состязаться с раскольниками» в кожаном переплете, изданное в Москве в 1815 году. Самая древняя книга «Устав духовный» в 3-х экземплярах, в 1/4 листа, изданный в Москве в 1682 году.

Богословие нравоучительное, проповедное: Выделены подразделы — поучения о таинствах, а также беседы и проповеди, послания и увещания пастырские: «Маргарит» св. Иоанна Златоуста (направлена против «еретиков») — издана в 1698 году и в 1640 году при царе Михаиле Федоровиче в Москве; «Меч духовный» Лазаря Барановича (Киево-Печерская Лавра, 1666); сочинения Дм. Ростовского; Тихона, епископа Воронежского и Елецкого; Михаила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского; архимандрита Гедона и других иерархов церкви.

Богословие созерцательное (рассуждения о добродетелях христианских, размышление о благочестии): Лествица Иоанна Лествичника, письменная, писана полууставом, в досках; Беседы и слова Макария Египетского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого и других. Выделен также подраздел «Молитвенники, или молитвенные сочинения», в котором помещены различные издания акафистов, молебных пений, каноников, триоди постная и цветная, службы различным святым и праздникам, служебники.

Богословие историческое: Священная, или церковная история — «Деяния церковные и гражданские» Дм. Кедрина (М., 1820), «История Российской иерархии» Амвросия в 7-ми книгах (М., 1807), «История церковная» преосвящ. Иннокентия в 2-х частях (СПб., 1823). Биографии, или жизнеописания — различные издания «Четых-Миней» Макария; «Житие Никона, патриарха», «писанное по-старинному»; Патерик Киево-Печерский (собрание биографий наиболее видных монахов монастыря) (1661 г.) и Патерик Скитский, писанный полууставом, в кожаном переплете, с золотым обрезом.

Правоведение: Право Российской церкви: «Духовный регламент» Петра I (СПб., 1829); Устав церковный — самое древнее издание 1785 года, в кожаном переплете; Устав общежительный Саровской пустыни, писанный полууставом, и Устав великомученика Георгия Новгородского первоклассного Юрьева монастыря; Церковное чинопочитание: книги служебные всего церковного круга — Часослов (М., 1825), Евангелия поучительные толковые воскресенья утренников (1724 и 1762 гг.); три экземпляра Прологов (сборник кратких житий святых и поучений отцов церкви на каждый день) в 4-х книгах на 12 месяцев (М., 1675), в кожаном переплете; Чин пострижения в монашество, писанный полууставом, в сафьяновом переплете и др. издания.

История: раздел включает лишь «Летопись» в 2-х книгах (М., 1817), а также «Описание Киево-Печерской Лавры с присовокуплением разных грамот» (Киев, 1826) и «Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии» (Киев, 1825).

Нотные церковные книги: четыре «Ирмология нотные», каждая в 2-х книгах (М., 1816); «Октоих нотный» с золотым обрезом, в кожаном переплете (М., 1806), «Праздники нотного пения» (М., 1800) и др. книги.

Завершают эту «Опись» «Сочинения священо-архимандрита Фотия, первоначальника общежития, настоятеля обители Новгородского первоклассного Юрьева общежительного монастыря» в 24-х книгах и тетрадях. В них помещены поучительные слова, письма и послания к графине А.А. Орловой-Чесменской, разные благочестивые повествования. Здесь «Спасительное богословие веры католические и восточные», писанная скорописью «лучшим и чистым почерком», в бумажном переплете, «Поучительные слова» — рукопись в сафьяновом переплете²⁹.

После смерти в 1838 году настоятеля монастыря Фотия в монастырскую библиотеку поступило немало редких книг из его личного собрания, среди которых: Библия на греческом языке, изданная во Франкфурте в 1597 году; Священные книги Ветхого Завета (Лондон, 1580); «Требник» Петра Могилы 1646 года; «Лествица» Иоанна Лествичника (Киево-Печерская Лавра, 1623); Лимонарь, сиречь цветник, изданный там же в 1628 году; Еврейская Библия (Лейпциг, 1793); Библия Вульга-

ты на латинском языке с комментариями (1715 и 1751 гг.) и другие издания³⁰.

По подсчетам архимандрита Макария, к 60-м годам XIX века в монастырской библиотеке хранилось до 1146 книг, из них 441 — приобретена в разное время монастырем, 243 — поступили по воле покойного архимандрита Фотия из его домашней библиотеки, 137 — по духовному завещанию графини А.А. Орловой-Чесменской, дочери известного флотоводца и покровительницы монастыря, большей частью полученные ею в дар от авторов, и 298 — от иеромонаха Аникиты (в миру князь С.А. Ширинский-Шихматов), первого начальника Перынского скита, приписанного в 1827 году к Юрьеву монастырю. Братом князя переданы: «Брашно духовное», псалмы, молитвы, пения, каноны и другие, напечатанные в 1661 году в типографии Иверского монастыря на Валдае при Никоне. Типография просуществовала недолго, и книги, вышедшие из нее, практически сразу стали библиографической редкостью. В библиотеке Аникиты много было книг на иностранных языках: на французском — 25, латинском — 30, английском — 5, немецком — 6, греческом — 21 книга³¹.

В Юрьевом монастыре хранились рукописи отца Платона, в миру Петра Петровича Шишкина, из новгородских дворян Устюженского уезда. Родился в 1787 году, закончил в Петербурге институт (вероятно, педагогический), недолго служил. Объехал всю Новгородскую губернию и в начале XIX века постригся в монахи Юрьева монастыря, где и скончался в сане иеромонаха в 1852 году. После его смерти осталась рукопись, около 1000 листов, по истории и археологии Новгородской земли. В 1859 году из монастыря она частично была выдана протоиерею П.И. Тихомирову, составлявшему биографии новгородских епископов к празднованию 1000-летия России. Материалы рукописи были использованы П.И. Тихомировым в его многотомной работе «Кафедра новгородских святителей».

История Новгорода о. Платона охватывает период с 1033 по 1478 год, утрачены лишь две первые главы. В рукописи «Описание новгородских святынь» о. Платон использовал многочисленные русские и иностранные источники³².

Книги в дорожных окладах хранились в монастырской ризнице, причем каждый храм Юрьева монастыря имел собственное напрестольное Евангелие: «Евангелие Свято-Георгиевское» — большого формата, на белой александрийской бумаге с золотым обрезом, в серебряном с позолотой окладе, украшенном драгоценными камнями и застежками. Напечатано оно при императрице Елизавете Петровне в Москве в 1759 году и повторно Евангелие напечатано при императоре Александре I в 1826 году; Евангелия Спасо-Преображенского и Крестовоздвиженского соборов — в серебряных золоченых окладах, на простой бумаге с золотым обрезом; Евангелие старинное в серебряном окладе — дар стольника Федора Грибоедова и др. Немало здесь хранилось служебников и апостолов XVIII века в дорожных переплетах³³.

Неизвестно, однако, сколько денег тратилось в разные годы на приобретение литературы и содержание монастырской библиотеки. Сохранились только сведения конца 1895 года, когда Новгородской Духовной консисторией проводилась ревизия монастыря. Из ревизионных справок явствует, что в 1893 году на библиотеку израсходовано 185 рублей 30

копеек; в 1894 году — на газеты израсходовано 31 рубль 69 копеек, на газеты для библиотеки — 4 рубля 69 копеек, а на ее содержание — 16 рублей 78 копеек; в 1895 году на поддержание библиотеки израсходовано 2000 рублей из средств монастыря, вложенных в Государственные процентные бумаги и составлявших 791200 рублей³⁴.

Судьба библиотеки Юрьева монастыря, в основном, повторяет судьбу многих других монастырских книжных сокровищниц. Пожары, опустошавшие деревянные кварталы русских городов, приводили к массовой гибели книг. С 1045 года до XIX века в Новгороде летописями было зафиксировано 108 пожаров, во время которых сгорело не менее 816 церквей³⁵. Сильные пожары были и в Юрьевом монастыре, например, в 1810 и 1823 годах³⁶. Много драгоценных манускриптов, в том числе из Юрьева монастыря, было вывезено Иваном III и Иваном Грозным во время походов на Новгород, в XV и XVI веках.

После присоединения Казанского ханства к Московскому государству, в середине XVI века, большая задача по освоению его территории была возложена на миссионерство во главе с архиепископом Казанским Гурием. Из-за отсутствия свободного книжного фонда духовной литературы богослужебные книги изымались в большом количестве из русских библиотек и передавались во вновь открываемые Гурием церкви и монастыри. В Новгородской второй летописи под 7063 годом (1555 г.) записано: «Того лета по всем монастырем новгородским собирали денги на владыку казанского на Гурья, да и книги певчие имали по монастырем, апостолы и еуагелиа и четьи в Казань»³⁷.

Еще больше оскудело книжное собрание при патриархе Никоне. По его указу многие рукописи отправлялись в Москву для исправления ошибок, допущенных переписчиками. Многие из них потом осели в крупнейших московских книгохранилищах, музеях и частных коллекциях: М.П. Погодина, Н.П. Румянцев и других. А сколько рукописных и старопечатных книг сгорело на кострах...

Много ценных манускриптов погибло из-за невежественности самих монахов. При первом же своем посещении Юрьева монастыря митрополит Евгений (Болховитинов), занимавший новгородскую архиепископскую кафедру с 1804 по 1808 год, встретил у ворот воз в сопровождении монаха. Монах объяснил, что в монастыре решили к приезду высокого гостя прибраться и потому он везет в реку «разный сор и хлам». Заметив же на возу писанные листы, митрополит велел монаху повернуть назад. Среди вывозимого из монастыря «хлама» были обнаружены отрывки книг XI века: «Псалтирь», «Житие св. Кондрата» и «Житие св. Феклы».

Вмешательство просвещенного иерарха не изменило по-

ложения. В том же монастыре прежняя картина наблюдалась и позже. В.С. Передольский, новгородский краевед, основатель Новгородского общества любителей древности, вспоминал, что в 80-е годы XIX века при разборе старых бумаг юрьевские монахи, не желая «рыться в пыли да в птичьей помете», утопили в Волхове 5 кулей книг — «хлама», по их мнению. Отец Сисой, соборный иеромонах, того только и боялся, как бы кули не всплыли. «Вам наука, а мне мука», — приговаривал он и сокрушался, что не настоял на более верном способе «разборки»: «На костер — и аминь»³⁸.

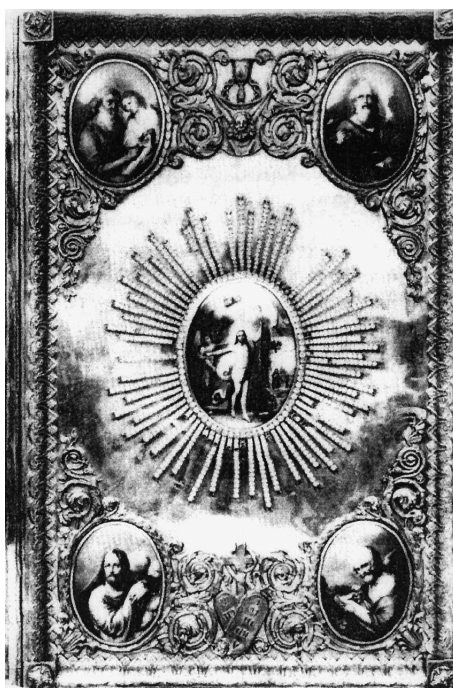
В XIX веке Юрьеву монастырю принадлежали 15 приписных монастырей: Арсениев, Клопский, Шилов, Благовещенский, Аркажский, Нередицкий, Вологов и другие³⁹. Им передавались книги из библиотеки Юрьева монастыря и длительное время оставались там.

В 1913 году в Новгороде по инициативе архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения был открыт Епархиальный дом, в котором разместилось Церковно-археологическое общество (НЦАО). Его целью было сбережение и изучение исторического и культурного наследия Новгородской земли. При Обществе находились архив, древлехранилище и библиотека, в которые из церквей и монастырей различных уголков Новгородской губернии поступали вещественные памятники, рукописи, старопечатные книги, храмозданные и ставленные грамоты и многие другие ценные вещи, не использовавшиеся при богослужении.

Из Юрьева монастыря в разные годы поступили в НЦАО 15 писем Фотия, архимандрита Юрьева монастыря; Устав Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря; Библия, напечатанная в 1581 г. первым печатником Иваном Федоровым Московским в г. Остроге; три старинных книги древнего письма XVI–XVII веков и многие другие издания⁴⁰.

В 1924 году Юрьев монастырь был закрыт, капиталы его аннулированы, вывезено 11 ящиков ценностей, в том числе и Евангелия в серебряных окладах, украшенные драгоценными камнями⁴¹.

В 1930-е годы ряд рукописей и книг поступил в Новгородский государственный музей: Евангелие московской печати 1753 года в серебряном золоченом окладе с чеканным орнаментом и пятью позолоченными дробницами работы петербургского мастера Захария Дейхмана; Евангелие в серебряном золоченом окладе, выполненном фирмой П. Сазикова в 1835 году⁴². В НГМ перешли «Книга новоуказанных статей к Уложению и сборник грамот и наказов, относящихся к Юрьеву новгородскому монастырю» (скорпись XVII в.), «Копийная книга грамот Юрьева монастыря и приписных к нему монастырей» на 798 листах, написанная скорписью

Оклад Евангелия из ризницы Юрьева монастыря. Фирма П.В. Сазикова. 1835 год (НГМ)

XVIII века, еще две «Копийные книги грамот Юрьева монастыря» XVII века и другие⁴³.

В НГМ хранятся печатные книги и более позднего времени: Амвросий «История Российской иерархии»; различные издания Устава монастыря; «Описание града Божия Иерусалима» (М.: Университ. тип., 1836); «Памятник трудов различных православных благовестников русских с 1793 до 1853 года» (М.: Тип. В. Готье, 1857); «Памятники древней христианской церкви или христианских древностей» / Сост. И. Ветринский. Т. 1, 3 (СПб., 1829 и 1844); «50-летний юбилей Киевской духовной академии 28 сентября 1869 года» (Киев, 1869); Свод законов Российской империи: Свод уставов казенного управления. Ч. 4; «Свод уставов о повинностях рекрутских и земских» (СПб., 1832); Труды Киевской духовной Академии раз-

ных лет издания; «Сочинения Иннокентия, епископа Харьковского и Ахтырского» (М., 1843); Церковная летопись Духовной беседы; месяцесловы на разные годы и другие издания⁴⁴.

Ничего нельзя сказать о светской части библиотеки Юрьева монастыря. Книги такие, безусловно, были, но они не включены в сохранившиеся описи.

История библиотеки Юрьева монастыря убеждает, в каких трудных условиях создавал русский народ свою культуру, просвещение, литературу. Можно считать чудом, что из далекого времени до нас дошли некоторые книги, в том числе рукописные и старопечатные, позволяющие получить представление об одной из монастырских библиотек Новгородской земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Глухов А.Г. ...Звучат лишь письмена: Судьбы древних библиотек. М., 1981. С. 158.

² Слуховской М.И. Русская библиотека XVI–XVII вв. М., 1973. С. 6–7.

³ Сапунов Б.В. Книга в России XI–XIII вв. / Под ред. С.П. Луппова. Л., 1978. С. 136.

⁴ Сапунов Б.В. Указ. соч. С. 136–137.

⁵ Слуховской М.И. Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968. С. 58.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 229.

⁸ Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Вып. 1. Л., 1988. С. 61–62.

⁹ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л., 1977. С. 11.

¹⁰ Слуховской М.И. Русская библиотека... С. 33–34.

¹¹ Макарий, архим. Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. М., 1858. С. 12.

¹² Там же. С. 28, 50, 80.

¹³ ГАНО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 12. Л. 13 об., 14.

¹⁴ Там же. Л. 27 об.

¹⁵ Макарий, архим. Указ. соч. С. 50–51, 54–55, 57; История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием (А.А. Орнатским): В 6-ти ч. М., 1815. Ч. 4. Кн. 2. С. 772–804.

¹⁶ Розов Н.Н. Книга Древней Руси XI–XIV

вв. М., 1977. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 64; История русского искусства / Под общ. ред. И.Э. Грабаря [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 257.

¹⁸ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 61–62, 72. (АН СССР. Отдел истории. Археограф. комиссия).

¹⁹ Там же. С. 146–147.

²⁰ Там же. С. 203–204.

²¹ Там же. С. 318–319.

²² Макарий, архим. Указ. соч. С. 57–59.

²³ Покровский А.А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 52–53. (По новгородским летописям, церковь 12 апостолов первоначально была построена в 1418 году по случаю морового поветрия, в один день. При архиепископе Макарии в 1540 году на месте деревянной построили каменную церковь, сгоревшую в 1551 году. Затем уже на Владычном дворе заложили новую церковь).

²⁴ Там же. С. 106.

²⁵ Там же. С. 204.

²⁶ НГМ. ОПИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 8. Л. 65 об., 66, 66 об.

²⁷ Там же. Л. 65 об., 66, 66 об., 67, 68.

²⁸ ГАНО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 10. Л. 249, 250 об.; Макарий, архим. Указ. соч. С. 59–60.

²⁹ Там же. Л. 249, 250 об., 251, 252, 252 об., 253, 254 об., 255, 255 об., 256 об., 257, 257 об., 258 об., 259, 259 об., 260 об., 261, 262, 262 об., 263 об., 265, 265 об., 266, 267; Ма-

карий, архим. Указ. соч. С. 59.

³⁰ Макарий, архим. Указ. соч. С. 61.

³¹ Там же. С. 50, 61–62.

³² Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 3 / Под ред. М.В. Муравьева. Новгород, 1910. С. 17–18.

³³ ГАНО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 10. Л. 124, 126 об., 127, 128, 128 об., 129, 129 об.

³⁴ Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3495. Л. 30, 36, 41.

³⁵ Сапунов Б.Л. Указ. соч. С. 18.

³⁶ Макарий, архим. Указ. соч. С. 7.

³⁷ Слуховской М.И. Русская библиотека... С. 56.

³⁸ Слуховской М.И. Библиотечное дело... С. 149; Передольский В.С. Записки о состоянии Велико-Новгородской старины (1889 г.) // Сборник НОЛД. Вып. 3. С. 3.

³⁹ Макарий, архим. Указ. соч. С. 65.

⁴⁰ Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 27. С. 903; НГМ. ОПИ. Ф. 11670. Л. 62 об.; Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 88 об.

⁴¹ Петров М.Н. Изъятие церковных ценностей в Новгородской губернии в 1920–1930-е гг. // Материалы научной конференции: 125 лет Новгородскому музею. Новгород, 1991. С. 216.

⁴² Петров М.Н. Крест под молотом. Великий Новгород, 2000. С. 253–254.

⁴³ Тихомиров М.Н. Рукописи Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 / Под общ. ред. Б.Д. Грекова. Новгород, 1939. С. 19, 28.

⁴⁴ НГМ. Опись 41799.

ХРАМ НИКОЛЫ НА ЛИПНЕ

Каждого гостя, приближающегося к Новгороду водным путем с юга, по озеру Ильмень (а в древности это был, пожалуй, основной маршрут), уже издалека встречают своеобразные «Пропили» выразительных храмов. Сначала следуют «Малые Пропили» — церкви Рождества Богородицы на Перыни с левой стороны и Николы на Липне с правой. Затем возникают «Большие Пропили», образуемые княжескими соборами — Георгиевским Юрьева монастыря и Благовещенским на Городище (последний памятник дошел до нас в перестроенном и руинированном виде). Обратимся к «Малым Пропилям» и, в частности, к храму Николы на Липне, тем более, что не каждый горожанин может полюбоваться им вблизи, поскольку местность эта ныне труднодоступна. Церковь находится в дельте реки Мсты и добраться до нее можно лишь на лодке.

Для исследователей русского зодчества это один из наи-

более любимых объектов, библиография по памятнику насчитывает многие десятки публикаций. Однако, до широкого читателя эта литература вряд ли доходит. Попробуем разобраться, почему о храме написано так много, каковы важнейшие проблемы, в чем суть спорных вопросов.

Датировка памятника не вызывает никаких сомнений. Все новгородские летописи зафиксировали строительство каменной церкви. В новгородской Первой летописи, самой ранней и достоверной, сообщается: «того же лета (1292 год — **В.Я.**) заложи архиепископ новгородчкыи Климент церковь камену святого Николу на Липне»¹. С данной датировкой согласуются и архитектура храма, и строительная техника, и освящение в интерьере придела Климента, патрона заказчика. В литературе обычно считается, что одновременно с возведением каменной церкви основан монастырь. Однако источники не дают оснований для столь однозначного вывода. Из шести

основных новгородских летописей только в одной, причем самой поздней и наименее надежной, говорится о монастыре². Нет о нем упоминания и в подробной поясняющей надписи на знаменитой храмовой иконе «Никола Липный»³. Фресковая живопись церкви также не имеет никаких особенностей, присущих монастырскому зданию. Липенский монастырь не упоминается в летописном списке 24-х пригородных обителей, сожженных новгородцами в 1386 году в ожидании осады города московским князем Дмитрием Ивановичем (Донским), хотя соседний Сковородский монастырь в нем имеется⁴. Самые ранние достоверные сведения о существовании Липенского монастыря относятся к концу XV — началу XVI веков (писцовая книга, акты, летописи). Таким образом, хронологическими рамками основания обители на Липне можно считать 1386 и 1495 годы. В пределах же этого периода наиболее вероятным временем является, по нашему мнению, правление архиепископа Евфимия II (1429–1458 гг.), известного своей деятельностью по возрождению новгородской культуры, «святости», религиозности. Здесь уместно коснуться события, в память которого воздвигнут храм. Согласно легенде, на этом месте в начале XII века была обретена круглая икона с изображением Николая Мирликийского, от которой чудесным образом исцелился новгородский князь Мстислав Владимирович, в благодарность построивший Никольский собор на Ярославовом дворце (1113 г.)⁵. Не будем рассматривать здесь сложную проблему о реальности чуда от иконы (име-

Церковь Николы на Липне. 1292 г.
Вид с юго-востока. Фото 1969 г.

ются аргументы и в пользу ее достоверности), заметим лишь, что ученые датируют запись этой легенды XV–XVI вв., не ранее середины XV века⁶. Нижняя хронологическая граница как раз соответствует времени Евфимия II; именно при нем кодифицируются легенды и предания, составляются жития местных святых, на почитаемых местах ставятся храмы и обители. Подмечена и его особая забота о храмах в честь Николая Чудотворца.

Дальнейшая история церкви и монастыря крайне бедна событиями, поэтому они редко упоминаются в письменных источниках.

Вплоть до XVI в. все постройки обители, кроме главной, были деревянными. Вероятно, в 1530-х годах здесь сооружено второе каменное здание — трапезная с церковью Сергия Радонежского; она впервые упоминается в связи с пожаром 1553 года⁷. К сожалению, это здание не сохранилось и мы не знаем, как оно выглядело. После пожара трапезная восстановлена, а церковь Николая, видимо, перестроена: к этому времени можно отнести переделку покрытия (устройство восьмискатной кровли вместо древней трехлопастной) и появление деревянного междуэтажного перекрытия, разделившего здание на собственно храм и подцерковье.

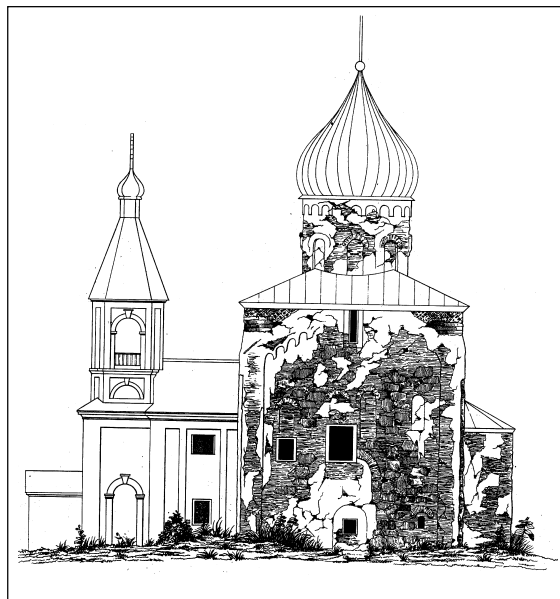
В период шведской оккупации обитель жестоко пострадала. Опись 1617 года, составленная после ухода шведов, рисует страшную картину разорения: «Монастырь Никольской Лепенской, а в нем церковь и трапеза каменные. А кровля на церкви и на трапезы и маковиц нет, толки стоят стены церковные, и те испроломаны все. А келей в монастыре, иных никаких хором и ограды около монастыря нет, все пусто... А старцев и слуг того Липенского монастыря нет ни одного человека...»⁸. Восстановление шло долго и трудно, с перерывами, и закончено только к середине XVII века⁹. При возобновлении Никольской церкви появилась деревянная паперть с крыльцом (или двумя крыльцами), вместо деревянного сделано сводчатое междуэтажное перекрытие, просуществовавшее до 1950-х годов.

Пригородные монастыри страдали не только от вражеских нашествий, но и от стихии. В 1677 году храм Николы на Липне сгорел от молнии, погиб весь монастырский архив¹⁰. Не успели его отремонтировать, как в 1680 году во время паводка затопило соседний Коломецкий монастырь, стоявший в двух верстах на берегу Ильменя. Как это часто бывало, церковные власти приписали пострадавшую обитель к соседней более благополучной. Все, что осталось от Коломецкого монастыря (а там стояла каменная церковь Троицы и комплекс деревянных строений), перевезли на Липно и использовали для ремонта местных построек¹¹. При этом, видимо, в память об утраченном Троицком Коломецком монастыре трапезная церковь переименована в честь Троицы (с приделом Сергия Радонежского).

Как ни печально, спустя век такая же судьба постигла и Николо-Липенскую обитель. Судя по документам, в 1780-х годах она упразднена, главный храм обращен в приходский, а ненужные теперь монастырские постройки начали разбирать и перевозить для возобновления зданий соседнего Сковородского монастыря¹². Таким образом, к началу XIX века Липенский монастырь как архитектурно-функциональный

комплекс перестал существовать.

После этого приходская церковь на Липно практически не играла никакой роли в жизни новгородской епархии. Наиболее чтимые, древние иконы и святыни (в том числе храмовая икона «Никола Липный») перевезены в Сковородский монастырь. Служба в храме проходила один–два раза в год, остальное время он, видимо, был закрыт. Как указывается в документе начала XIX века, «при оной церкви (находится только) дьячок с семьей... приходских дворов и душ не имеется»¹³. Тем не менее, после упразднения обители храм был капитально отремонтирован, причем работы сопровождались су-

Церковь Николы на Липне. Южный фасад.
Чертеж-рисунок из книги Г. Филимонова 1859 г.

щественными перестройками: углы четверика надложены брусом и устроена типовая четырехскатная железная кровля; мало того, что эта кровля до неузнаваемости исказила пропорции памятника, она к тому же закрыла окна барабана и они были, как и большинство древних проемов на фасадах, заложены. Взамен пробито несколько новых прямоугольных окон, но в целом освещение интерьера ухудшилось; с западной стороны к церкви пристроены каменные паперть и невысокая двухъярусная колокольня, выдержанные в стиле позднего классицизма. Эти работы можно датировать началом XIX века. Именно в таком виде здание зафиксировано на самых ранних чертежах 1859 года¹⁴.

Авторы первых публикаций о памятнике (середина XIX века) отмечают его запустение и плохое состояние: «сейчас отсутствуют окна и двери, фрески в значительной степени утрачены или повреждены, юго-западный угол перекрытия (междуэтажного — **В.Я.**) обвалился, внутри и снаружи многочисленные ямы кладонисателей...»¹⁵. В 1877–1881 гг. и в 1914 г. проводились «возобновления», но они свелись к полумерам, в основном к косметическому ремонту и грубой прописи древней живописи, были выполнены некачественно.

В годы Великой Отечественной войны памятник был вар-

варски разрушен немецкой авиацией и артиллерией. При его осмотре после освобождения Новгорода установлено, что паперты и колокольня уничтожены полностью, превращена в руины западная половина здания, обрушились некоторые арки и своды, часть барабана с куполом. В целом сохрани-

Фото начала XX века

лось примерно 65% кладки, которая находилась в аварийном состоянии. В 1945 и 1946 годах храм обследован группой сотрудников Института истории и теории архитектуры АН СССР под руководством одного из крупнейших исследователей русского зодчества П.Н. Максимова. Эти материалы легли в основу проектных предложений по реставрации церкви. Реставрационные работы проведены в 1954–1956 годах под руководством архитектора Л.М. Шуляк, при участии и консультациях П.Н. Максимова и Ю.Н. Дмитриева. К сожалению, проектная документация в полном объеме не выполнялась, работы велись в основном «по месту», «по следам». В архивах имеется лишь несколько чертежей, текстовые материалы практически отсутствуют. По этой причине сделать вывод о качестве, научной достоверности реставрационных мероприятий весьма не-

просто. Реставрация проведена на первоначальную дату. Как известно, подобное решение для сильно разрушенных памятников всегда вызывает споры и критику специалистов. В данном случае критика не последовала, реставрация признается выполненной на довольно высоком уровне. Этого удалось достигнуть благодаря относительно неплохой сохранности нашего памятника по сравнению с другими (Нередица, Ковалево, Волоотово, Городище), наличию значительного иконографического материала (чертежи XIX и начала XX веков, довоенные фотографии), тщательности натурных исследований и высокой квалификации специалистов. Несмотря на большие утраты кладки установлены форма и конструкция кровли, водостоков, дверных и оконных проемов, найдены даже фрагменты двух древних деревянных окончин. По утверждению П.Н. Максимова, почти все восстановленные элементы памятника обоснованы натурными данными. Некоторые сомнения вызывает лишь реставрация западной части южной стены, северо-западной каморы хор, конструкция лестницы на хоры. На фасадах новые дополнения не выделены, в интерьере подлинная кладка оставлена открытой, новая оштукатурена (на Нередице применен такой же метод).

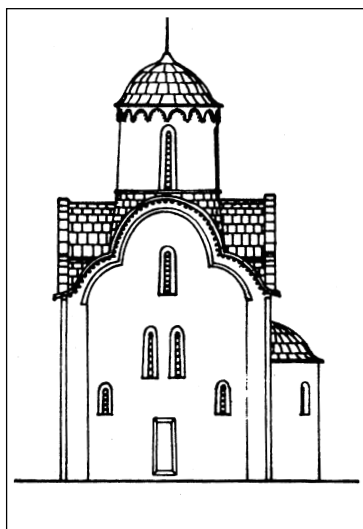
Бегло проследив историю Никольской церкви и монастыря, вернемся к вопросу: в чем причина особого внимания ученых к нашему памятнику? Ему посвящен целый ряд специальных статей, начиная с середины XIX века и вплоть до сегодняшнего дня (о нем подробно писали Г. Филимонов, архим. Макарий, В. Мясоедов, Ю. Дмитриев, П. Максимов, Л. Шуляк, Вл. Седов и др.). Здесь, видимо, несколько причин. Во-первых, появление памятника на переломе, на рубеже эпох, традиций: он является первым каменным зданием на Руси, сооруженным после длительного перерыва в строительстве, вызванном монгольским нашествием. Во-вторых, это место храма в истории новгородского зодчества: именно здесь был намечен путь, по которому будет развиваться местная архитектурная школа. В-третьих, весьма интересен и не совсем обычен характер архитектурных форм: здесь появляется много нового, в том числе западноевропейские заимствования. Обширная литература по памятнику дает также возможность увидеть, как менялись взгляды на русскую архитектуру, накапливались знания, совершенствовались методы исследования. В первых работах середины XIX века авторы даже не пытались делать какие-либо выводы и обобщения. В конце XIX столетия предпринимаются первые робкие и еще неумелые попытки определить место храма в новгородском искусстве, проанализировать некоторые архитектурные формы. Постепенно, шаг за шагом накапливались и углублялись знания, расширялся кругозор. Сейчас каждому исследователю известно, что надежная и полная информация может быть получена лишь при комплексном изучении объекта, т. е. анализе всех источников, главным из которых является сам памятник. Натурные исследования Никольской церкви стали проводить только в предвоенные и послевоенные годы. Именно тогда были получены правильные ответы на большинство вопросов: каковы особенности первоначальной архитектуры, объем, датировка и последовательность перестроек, происхождение

Руины храма. Вид с юга. Фото 1948 г.

отдельных форм, влияние на дальнейшее развитие зодчества. Недавно опубликована обстоятельная статья Вл. Седова, одного из ведущих современных историков архитектуры, в которой на новом уровне знаний анализируется липенский храм. Итак, к каким же выводам пришли ученые в отношении нашего памятника? Уже в конце XIX века стало ясно, что его

непосредственной предшественницей и конкретным образцом послужила церковь Рождества Богородицы на Перыни, последний домонгольский храм, сооруженный в первой трети XIII века и расположенный на противоположном берегу озера в пределах прямой видимости. Действи-

Церковь Рождества Богородицы на Перыни. Южный фасад

тельно, они очень похожи; совпадают почти все типологические особенности, включая такие необычные в то время решения как одна пониженная апсида, отсутствие средних лопаток на фасадах, трехлопастное завершение, восьмигранные западные столбы, полукоробовые («четвертные») своды в углах. Таким образом, уже одно это сопоставление показывает, что наш памятник продолжает

развитие новгородского зодчества с той точки, где оно остановилось, является связующим звеном между домонгольским периодом и архитектурой XIV века.

Церковь Рождества на Перыни — не типичная для Новгорода этого времени постройка, она резко отличается от каноничных культовых зданий «типа Нередицы». Все исследователи единодушны в том, что своими необычными формами перынская церковь обязана храму Параскевы Пятницы на Торгу, возведенному в 1207 году смоленскими мастерами. Это произведение иной строительной традиции произвело очень сильное впечатление на новгородцев, дало мощный импульс творческим поискам. Зодчие Перыни по-новгородски осмыслили и адаптировали смоленские формы церкви Параскевы, по выражению Г.М. Штендера, «блестяще интерпретировали», «остроумно воспроизвели» идею пирамидальности, заложенную в последнем памятнике¹⁶. Параскева Пятница стала, наряду со знаменитыми княжескими соборами (Софийским, Николо-Дворищенским, Рождественским Антониева монастыря и Георгиевским), тем живительным источником архитектурных форм, которым мастера пользовались очень долго. Воспользовались они им и в данном случае. В храме Николы на Липне есть ряд элементов, которые, минуя Перынь, восходят непосредственно к ее прообразу, Пятницкой церкви. Это порталы с полуциркульным завершением, обрамляющие четверти (заглубленные уступчики) окон, нарядные обрамления из «зубцов» на перемычках средних окон южного фасада. В нашем памятнике есть еще несколько архитектурных деталей, которые отсутствуют и в Перынской и в Пятницкой постройках. Это крестообразность столбов в верхней части и плиты-импосты в средней части столбов и в

основании подпружных* арок. Обе эти особенности явно заимствованы у древних соборов: крестообразные столбы имели все ранние княжеские храмы, а плиты-импосты нам известны в двух памятниках — Софии и соборе Антониева монастыря. Да и указанные выше обрамляющие четверти окон впервые появляются не в церкви Параскевы, а раньше, в Никольском соборе. Таким образом, проведенный беглый анализ архитектурных форм дает представление о методе, «теоретическом принципе» работы древнерусских зодчих: мастера прекрасно знали местную (и не только местную) архитектуру, поэтому, явно ориентируясь на один образец, они все же не ограничивались этим, а использовали в творчестве иные, по какой-то причине важные для них памятники (особо почитаемые, идейно близкие, интересные в конструктивном или декоративном решениях). Правда, еще до конца не ясно, какую роль в определении замысла архитектурного произведения играл зодчий, а какую заказчик (в нашем случае — архиепископ).

В храме Николы на Липне можно видеть также целый пласт форм, которые не находят аналогий на Руси. Здесь впервые в Новгороде появляются западноевропейские заимствования. Эта тема настолько важна, сложна и интересна, что требует более подробного рассмотрения. Данная проблема касается таких основополагающих аспектов как взаимоотношение творчества и канона, местной и иноземной традиций, заказчика и мастеров, происхождение и развитие декоративных мотивов, формотворчество.

Известно, что мирное проникновение иной культурной традиции (разумеется, ограниченное определенными рамками) всегда приводит к ярким, впечатляющим результатам, позволяет выйти из привычного круга и сделать скачок в развитии. Наиболее выразительные примеры этому — формирование типа «башнеобразного» храма в Полоцке в середине XII века с сильным участием романского зодчества или строительство итальянских мастеров на Руси в конце XV — начале XVI веков. Новгород и его искусство во все века славились, с одной стороны, своей открытостью для иноземных влияний, с другой, — консерватизмом, приверженностью к своим корням и традициям. Поэтому особенно любопытно проследить этот процесс на новгородском материале.

В домонгольском зодчестве Новгорода имеется целый ряд памятников, в которых происхождение отдельных форм и элементов не вполне ясно и позволяет привлекать зарубежные аналогии, однако последние, как правило, спорны и не очень убедительны (например, лопатки-контрфорсы и некоторые своды Софии, круглые окна Георгиевского собора Юрьева монастыря и Иоанновского собора во Пскове, своды лестничной башни в Антонове). Церковь Николы на Липне является первым памятником, где иноземные элементы присутствуют в открытой, незамаскированной форме и в значительном количестве. На это обращали внимание почти все исследователи, начиная с конца XIX века, однако в атрибуции этих элементов до сих пор нет единого мнения.

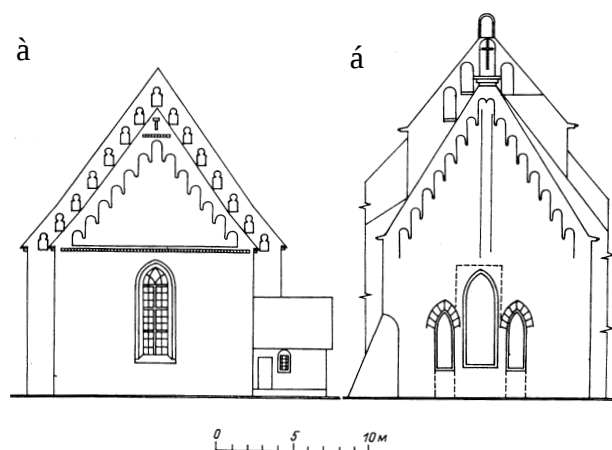
«Ранние» дореволюционные авторы в силу известных

* Арки, поддерживающие барабан.

причин или не замечали иноземных форм нашего памятника или считали их византийскими. Одним из первых их «замечал» и попытался атрибутировать В.В. Сулов в конце XIX века. По его мнению, к «немецко-романскому» стилю относятся такие особенности храма как отсутствие средних лопаток на фасадах, предполагаемое им первоначальное восьмигранное завершение и характер декора фасадов («украшения в виде городков»)¹⁷. В.К. Мясоедов в публикации начала XX века причисляет к романским элементам полукоробовые своды, первоначальное восьмигранное покрытие и «характер орнаментики» (не расшифровывая это понятие)¹⁸. А.И. Некрасов в своих работах 1920–1930-х годов явно переоценивает роль западного влияния, предельно расширяет состав заимствований, причем в значительной степени необоснованно: «одноапсидность храма, его декорация, все эти тяги, отвислые дуги, их расположения по фронту, пересечение кровель..., необыкновенная размеренность плана, крестовые своды угловых пространств, — все это черты, неизвестные дотоле не только в новгородском зодчестве, но и вообще в русском. Зато мы находим то же самое в немецкой архитектуре так называемого «романского стиля»... Перед нами столь германизированное произведение, что оно показалось несколько чуждым даже новгородцам XIII–XIV вв., привыкшим и в области других искусств заимствовать у иноземцев»¹⁹.

Ю.Н. Дмитриев и П.Н. Максимов (1940–1950-е годы), напротив, не придают большого значения западным элементам, видят их только в сводах угловых камер и, возможно, в «ползучей аркатуре» в завершении фасадов. Причем авторы подчеркивают второстепенный, поверхностный, неконструктивный характер этих деталей²⁰. Л. Шуляк в своей работе (1964 г.) вообще не касается данной темы²¹.

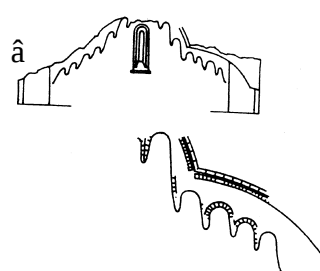
Изучая историографию вопроса, легко заметить колебания и даже крайности в суждениях о западном влиянии в зависимости от конъюнктуры, идеологии. Дореволюционные авторы свободно писали об иноземных заимствованиях, хотя часто ошибались в их атрибуции из-за слабой изученности

памятников. В 1920–1930-х годах эта тенденция даже усиливается (А.И. Некрасов). В предвоенные и первые послевоенные годы в связи с идеологическими установками и патристическим подъемом данная проблематика обходится стороной или сводится к минимуму (А. Строков, В. Богусевич, Ю. Дмитриев, Л. Шуляк, отчасти — П. Максимов и М. Каргер). В 1960–

1970-е годы наступает «стабилизация», «равновесие», когда западные влияния признаются (хотя и не в полном объеме), но при этом справедливо отмечается, что они имеют подчиненное значение, не нарушая общего канонического, православного образа памятника (некоторые работы П. Максимова, М. Каргера). В последние годы в результате «отмены идеологии» (точнее, не отмены, а радикальной прозападной переориентации), интенсивного развития архитектуроведения, ввода в научный оборот большого массива новой информации наблюдается противоположное явление: тема связей с зарубежом активно разрабатывается, иноземные формы находят едва ли не в каждом памятнике, начиная с Софии. Но в работах ведущих исследователей (Вл. Седов, О. Иоаннисян, Ю. Асеев) уже намечается тенденция к более взвешенному подходу, исключению крайностей; проблема ставится шире — развитие древнерусского (и особенно — новгородского) зодчества рассматривается как неотъемлемая часть общеевропейского процесса.

Итак, практически ни один серьезный исследователь не отрицал наличие западных форм в архитектуре нашего памятника. Спор идет лишь о происхождении, количестве и значении, роли этих форм. В настоящее время к иноземным архитектурным заимствованиям относят следующие элементы Никольского храма: «ползучую аркатуру» в завершении фасадов; сомкнутые своды с ложными нервюрами над угловыми камерами хор; крестообразные окна или ниши в угловых частях фасадов второго яруса; семь декоративных крестов на западном и восточном фасадах, выложенных из плиток или высеченных на камне; впервые в Новгороде примененную кладку с использованием брускового кирпича на растворе без цемента. Видимо, сюда же нужно отнести двоящую нишу в юго-восточном углу диаконника, опирающуюся на «романский» кронштейн (эта деталь осталась практически незамеченной исследователями). Западное происхождение некоторых из этих форм спорно. Так, кресты на фасадах Вл. Седов причисляет к романской традиции (не указывая аналогий), а Е. Соленикова, посвятившая им специальную статью, этого не усматривает²². Г.М. Штендер считает западным заимствованием и восьмигранные западные столбы храма, и значительное количество (не менее пяти) типов лекального кирпича²³, с чем другие исследователи не согласны. Нет пока убедительных аналогий и для крестообразных окон и декоративных крестов.

Аналогии к «ползучей аркатуре» (по Вл. Седову):

- а. Церковь в Нью
- б. Церковь Якова в Риге
- в. Церковь Николы на Липне

Зато для аркатуры и сводов аналогий слишком много. Фасады построек с похожей аркатурой распространены в Европе повсеместно от Португалии до Скандинавии, так что трудно указать конкретный источник. До недавнего времени исследователи предлагали аналогии довольно поверхностные и приблизительные, к тому же далекие по времени и

месту (в основном — Центральная и Западная Германия). В научный оборот введена также гипотеза о балканском (точнее — сербском) происхождении романских форм липенского памятника, которая пока не получила широкой поддержки²⁴. В последние годы ученые попытались сузить географический и хронологический ареал аналогий: А. Тиц предлагает в качестве такового Прибалтику, П. Раппопорт — также Прибалтику, и даже конкретнее — Ригу, Вл. Седов — Ливонию, то есть современную территорию Латвии и Южной Эстонии²⁵. Действительно, аналогии, предложенные Вл. Седовым, весьма убедительны: аркатуры на фасадах церкви Якоба в Риге и церкви в Нью (Эстония) очень похожи на липенскую. К тому же, если подобные формы были распространены по всей Европе, то логично, что заимствованы они были у соседей, с которыми поддерживались довольно тесные контакты. Аналогии для сомкнутых сводов не столь показательны. П. Максимов находил их в зданиях XIII–XIV вв. на острове Готланд²⁶, Вл. Седов, «не отрицая решительно этой аналогии», все же склонен считать, что такие формы являются не очень умелым подражанием крестовым сводам с упрощенными нервюрами, распространенным в постройках рижской и тартуской школ XII в.²⁷ Остальные формы, причисляемые к романским (по определению Вл. Седова, к романо-готическим, то есть переходному типу), пока не имеют убедительных аналогий, но, думается, их также можно найти в зодчестве Ливонии. Таким образом, основные романские элементы липенского памятника на современном уровне наших знаний большинство исследователей выводят из Ливонии.

Большинство современных авторов, отметивших западные формы церкви на Липне, тем не менее, полагают, что здесь работала не иноземная артель, а местные мастера, име-

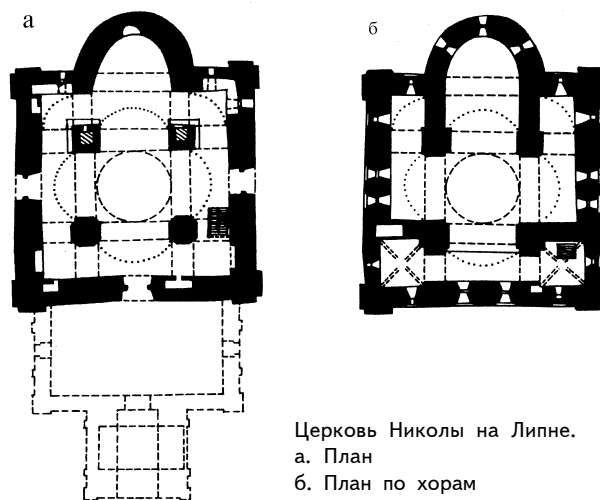
ющие представление об архитектуре своих соседей (Ю. Дмитриев, П. Максимов, Вл. Седов и др.). Лишь некоторые ученые, в частности, Г.М. Штендер, считают наш памятник произведением зарубежных строителей. Е. Соленикова также предполагает, что здесь трудились приезжие мастера, но не из Западной Европы, а из Сербии. Она даже указывает на перерыв в сербском монументальном строительстве, который приходится на

Кресты в нише
на восточном фасаде

1281–1295 годы и который мог быть вызван отъездом артели на Русь. Во всяком случае, гипотеза Е. Солениковой заслуживает более внимательного отношения. Аргументами в пользу русского происхождения зодчего и строителей являются новгородский, традиционный, каноничный образ само-

го храма, подчиненное, второстепенное значение заимствованных элементов, их неконструктивность (своды), не очень умелое использование брускового кирпича. П.А. Раппопорт также говорит «об участии мастеров романо-готической традиции, наиболее вероятно, из Риги», но предполагает при этом

Церковь Николая на Липне.
а. План
б. План по хорам

работу и местных кадров строителей²⁸. Пожалуй, следует вслед за Раппопортом принять компромиссный, «интернациональный» вариант строительства, причем нужно признать, что ливонские мастера были не слишком квалифицированными.

Почти все иноземные формы церкви Николая на Липне в дальнейшем не прижились в Новгороде, их прямого копирования не отмечено. Не востребованными оказались самые яркие, необычные элементы — своды с нервюрами, крестообразные окна, аркатура. Прочно вошла в арсенал строителей только новая техника кладки (брусковый кирпич и раствор без цемянки). Однако можно полагать, что новгородскими мастерами были адаптированы и другие архитектурные западные новшества. Это случилось через значительный промежуток времени и в измененном, переработанном виде, поэтому прямая связь здесь, возможно, и отсутствует. «Получая аркатура», видимо, переосмыслена в многолопастные арки завершения фасадов (церковь Николая Белого 1312–1313 гг. и почти все более поздние постройки), а декоративные кресты разделились на два типа — кирпичные, «выкладные», и каменные, «вкладные». Нам представляется, что принципиальным, поворотным моментом был сам факт широкого привлечения западноевропейских мотивов в структуру православного новгородского храма, существенного обогащения архитектурного языка, возможно, непосредственного участия иноземных строителей. Этот опыт оказался перспективным и в дальнейшем вошел в практику, что демонстрирует уже следующий по времени памятник — церковь Николая Белого, где западные элементы (уже не романские, а готические) можно видеть в значительном количестве; вскоре эти элементы были освоены и вошли в состав фасадной декорации «классического» новгородского храма XIV–XV веков.

Каково же влияние памятника на дальнейшее развитие новгородского зодчества? Он включен во все учебники, энциклопедии, путеводители и обобщающие труды по архитекту-

ре, но не совсем понятно, по какой причине: ввиду его важного места в эволюции искусства или потому, что это единственный в России сохранившийся памятник второй половины XIII века. Почти все авторы отмечают ключевое место его в местной архитектуре, однако пишут об этом как-то неопределенно и обтекаемо, в общих словах. В принципе это объяснимо: доказательств вроде и не требуется, достаточно сравнить архитектурные особенности нашего здания и показательного храма «классического» периода (например, церковей Федора Стратилата на Ручью, Рождества Христова на Красном поле или даже последней сохранившейся постройки новгородской республики церкви Симеона Богоприимца). Мы увидим, что все они принадлежат к одной типологической группе, обладают общими композиционными, плановыми, конструктивными и декоративными решениями, причем кроме крупных форм повторяются и многие детали (порталы, бровки над окнами, кресты на фасадах, открытая лестница на хоры, столбы переменного сечения и т. д.). Церковь Николы на Липне действительно послужила главным источником, образцом при формировании «классического» новгородского храма. Однако, как часто случается в искусстве, произошло это не сразу, а после большой

паузы длительностью в 60–70 лет. Все эти годы в местном зодчестве наблюдается период поисков, экспериментов, когда каждый памятник не похож на предыдущий. И только в 1360 году архитектурные формы Никольской церкви были востребованы мастерами, строившими храм Федора Стратилата, который стал каноничным и в свою очередь вызвал массу подражаний. Таким образом, значение нашего памятника для русского зодчества заключается, во-первых, в сохранении, сбережении домонгольских традиций, во-вторых, в развитии, продолжении этих традиций с использованием новой строительной техники и характерного декора, в-третьих, в обогащении архитектурного языка, в частности, в применении романо-готических форм. Теперь понятен повышенный интерес ученых к липенскому храму. Усилиями нескольких поколений исследователей объяснены многие загадки памятника. Однако немало предстоит сделать и будущим историкам архитектуры: найти аналогии некоторым иноземным заимствованиям, попытаться установить по западным источникам имена работавших здесь мастеров, с помощью археологических раскопок определить локализацию и формы монастырской трапезной XVI века и многое другое.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С.327.

² Новгородские летописи. СПб., 1879. С.209.

³ Смирнова Э.С. Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 82.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т.4. М., 2000. С.346.

⁵ Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С.58–61.

⁶ Азбелев С.Н. 1) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С.92–93; 2) Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII веке // Труды отдела древнерусской литературы. Т.XV. М.–Л., 1958. С.255; Назаренко А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С.72.

⁷ Новгородские летописи. СПб., 1879. С.86.

⁸ Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 119–120.

⁹ Амвросий. История Российской нерархии. Ч.V. М., 1813. С. 14; Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. С. 525.

¹⁰ Макарий, архим. Археологическое описание... С. 526.

¹¹ Там же.

¹² Амвросий. История... Ч.V. С. 16; Макарий. Археологическое описание... С.526.

¹³ ГИО. Ф. 480. Оп.1. Д. 2457.

¹⁴ Филимонов Г. Церковь св. Николая чудотворца на Липне, близ Новгорода... М., 1859. прил.

¹⁵ Там же. С. 7; Макарий. Археологическое описание... С. 528–529.

¹⁶ Штендер Г.М. Архитектура Новгородской земли XI–XIII вв. Автореферат дисс... канд. архитектуры. Л., 1984. С. 14–15.

¹⁷ Суслов В.В. Материалы к истории новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888. С.14.

¹⁸ Мясоедов В. Никола Липный // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 3. Новгород, 1910. С. 3.

¹⁹ Некрасов А. И. Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1924. С. 49–50.

²⁰ Дмитриев Ю.Н. Церковь Николы на Липне в Новгороде // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.–Л., 1948. С.65; Максимов П.Н. Церковь Николы на Липне близ Новгорода // Архитектурное наследство. Вып.2. М., 1952. С.96–97.

²¹ Гладенко Т.В., Красноretchев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований //

Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 214–221.

²² Седов Вл.В. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство. XIII век. М.–Л., 1997. С.404; Соленикова Е.В. Кирпичные кресты в новгородской архитектуре // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппоптовские чтения. СПб., 1999. С.78–81.

²³ Штендер Г.М. Исследования и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. Новые исследования и материалы. М., 1991. С.98.

²⁴ Соленикова Е.В. Новгородско-балканские архитектурные связи XIV в. // Староладожский сборник. СПб.–Ст.Ладога, 1998. С. 100–105; Максимов П.Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI – начала XVI вв. // Архитектурное наследство. Вып. 12. М., 1960. С.34.

²⁵ Седов Вл.В. Церковь Николы на Липне... С.404–406.

²⁶ Максимов П.Н. Церковь Николы на Липне... С. 96.

²⁷ Седов Вл. В. Церковь Николы на Липне... С. 407.

²⁸ Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 134.

ИНОСТРАНЦЫ В НОВГОРОДЕ

(1949—1960-е годы)

Новгород как один из центров древнерусского искусства привлекал внимание иностранцев даже тогда, когда он лежал в руинах после Второй мировой войны.

Первые иностранцы приехали в наш город в 1949–1951 годах. В 1949 году в Новгород приезжал сын американского посла, адмирала Керка. В июле 1950 года город посетила леди Мэри Ноэль Келли. Ее муж, сэр Дэвид Келли, в 1949–1951 годах был послом Великобритании в России. Леди Келли получила специальное разрешение МИД на поездку в Новгород. Она жила здесь три дня в новом, только что построенном отеле «Ильмень» на берегу Волхова. Новгород ей показывал мой дед, Мартынов Павел Александрович, в то время заместитель директора Новгородского музея.

В книге «Зеркало России» леди Келли в предисловии отмечает, что описания русских городов после войны публикуются впервые. Они касаются в основном тех мест, «которые не посещались западными писателями в последние годы, и в большинстве своем значительно изменились с 1930-х годов». Далее она продолжает: «Реставрация памятников архитектуры приобрела свое значение в связи с реабилитацией исторических и культурных объектов советским режимом». Автор рассказывает также о трудностях путешествия по СССР: «Еще несколько лет назад (в 30-е годы) дипломаты имели возможность, при желании и удаче, довольно свободно ездить даже туда, где их присутствие было нежелательно. Но в наше время существует жесткий контроль за перемещениями иностранцев и большие ограничения, особенно в Москве. Так что подобные приключения стали невозможны. После нашего отъезда из страны эти ограничения вновь усилены. Было закрыто еще 22 города, и среди них те, которые мы смогли посетить — Псков, Ярославль, Астрахань, Киев».

О популярности ее книги в Великобритании свидетельствует тот факт, что спустя несколько лет в Новгород приехали две англичанки из высшего света и просили моего деда показать им то, что не смогла увидеть в Новгороде леди Келли. Во время визита в Новгород леди Келли осмотрела все, что было открыто для посещений: Кремль, музей

в Никитском корпусе, Ярославово дворище, церковь Спаса на Ильине улице, Антониев монастырь и дом графини Орловой, находящийся в настоящее время на территории музея деревянного зодчества «Витославицы». Юрьев монастырь тогда был закрыт для посещений. Церковь Спаса Преображения в те годы была еще на реставрации, а всемирно известная фреска Вседержителя в куполе закрыта строительными лесами, и попасть туда было невозможно. Во время визита англичанок наверх, в купол, уже вела высокая строительная лестница без перил. Несмотря на преклонный возраст, обе дамы мужественно начали свое восхождение и смогли рассмотреть фреску вблизи. Их поддерживала мысль о том, что на родине они смогут рассказать о своем мужестве и впечатлении от фрески.

Читая «Зеркало России», ощущаешь глубокое уважение и восхищение автора культурным наследием, историческим прошлым и волей к жизни древнейшего города Руси. Невольно спрашиваешь себя, что послужило

Послевоенный Новгород

ло тому причиной.

Каким увидели Новгород иностранцы в конце 40-х и в 50-х годах?

Новгород в 1949–1951 годах, по воспоминаниям современников и фотографиям тех лет, представлял собою печальную картину. Город только начинали восстанавливать и отстраивать заново. И.И. Кушнир в книге «Архитектура Новгорода» указывает, что на территории города из 2,5 тысяч зданий после войны уцелело около 40, и к 1949 году восстановлено и построено всего 1300 домов. Из памятников архитектуры отреставрированы лишь Кремль, отдельные двухэтажные дома на Московской улице (проспект В.И. Ленина, теперь — ул. Б. Московская) у Ярославова дворища, кордегардия, костел и двухэтажное здание аптеки на улице Ленинградской (теперь — ул. Б. Санкт-Петербургская). Сразу после войны построены Дом Крестьянина, Дом Милиции, педучилище, больница, баня и позднее — стадион у Кремля.

Многие церкви и монастыри в строительных лесах и кое-где огорожены заборами, другие — в руинах. Везде росли бузины. Проводится расчистка территории города

от разрушенных зданий. Жители перебираются из землянок в коробки уцелевших зданий, строят на пустырях первые деревянные бараки, разбирают остатки торговых помещений и других зданий на Ярославовом дворище. На месте улицы К. Маркса проходила железная дорога и стоял барак, служивший вокзалом. От него через пустырь, с несколькими деревянными домами, были видны стены Кремля и Софийский собор. Старый мост разрушен и построен временный деревянный. Через реку жители переправлялись на маленьком пароходике под названием «Экстра».

Хаотичность застройки, деревянные дома, обычно строившиеся новгородцами рядом с коробками сохранившихся зданий, узкие улицы довоенной планировки — все это напоминало леди Келли маленькие сонные английские город-

1949 г. Американские туристы: сын американского посла г-на Керка и другие

ки Уэллса и Дархема «с узкими петляющими улочками».

Современный вид центр города начал приобретать лишь в конце 50-х годов. Первый проект детальной планировки и эскизной застройки центра города был разработан лишь к 1956 году, когда он уж был в основном застроен деревянными домами.

До 1957 года в Новгород приезжали преимущественно дипломаты.

В 1954 году в день святой Троицы город посетил чрезвычайный и полномочный посол Индии Менон с женой и сыном. Первоначально он планировал побыть здесь несколько часов, но остался еще на два дня. В то же время в Новгород приезжал председатель Совмина СССР Г.М. Маленков.

В начале 1955 года город посетил чрезвычайный и полномочный посол Бельгии Артур Уотерс. В благодарственном письме он писал: «Я Вам очень благодарен за то, что Вы дали мне возможность познакомиться с одним из видов художественного наследия России, который я плохо знал... Я бы хотел также, чтобы Вы передали тем молодым людям и девушкам, которые в таких трудных условиях производят раскопки первого Новгорода, мое восхищение их настойчивыми усилиями, направленными на то, чтобы возратить истории России столь драгоценные богатства».

В том же году в Новгород приезжал первый секретарь (военный атташе) американского посольства Натаниэль

Дэвис с друзьями. В следующем году он прислал две панорамы Кремля, первые цветные фотографии Новгорода.

В 1956 году в Новгороде был посол США Чарльз Е. Болен с женой и дочерью. В благодарственном письме Болен по достоинству оценил огромные усилия новгородцев по реставрации памятников архитектуры древнего Новгорода: «Я хотел бы также поздравить Вас с результатами проводимой Вами работы по реставрации исторических памятников Новгорода и особенно музея».

В конце 1956 — начале 1957 года в Новгород приезжал хранитель музея в Лувре г-н Жак Дюпон.

Начиная с 1956 года, город начал приобретать современный облик. В 1953 году было построено новое здание вокзала, в 1954 — новый мост через Волхов. В 1955–1957 годах расширены и заасфальтированы улицы Б. Московская, Горького и Мерецкова, засыпан и заасфальтирован Федоровский ручей, велась также их планомерная застройка. В 1952–1956 годах завершены посадки и сформирован Кремлевский парк, разобраны барачные постройки и благоустроена охранная территория Ярославова дворища и Вечевой площади. К 1957 году заасфальтирована и озеленена площадь Победы, разобран рынок на площади Труда и водонапорная башня.

Таким образом, к 1958 году основные магистрали города были отстроены согласно новой планировке, уцелевшие памятники архитектуры отреставрированы. К своему 1100-летию город приобрел знакомый и любимый каждым новгородцем облик.

В связи со строительством новой автомагистрали Ленинград — Новгород — Москва и изменением политической обстановки

в стране, в Новгород стали приезжать не только сотрудники дипломатических служб, но и обычные туристы.

За первое полугодие 1957 года Новгород и музей посетило 10084 человека, было проведено 282 экскурсии для русских и иностранных гостей, из них 43 обзорных экскурсии провел мой дед. К примеру, с 1 мая по 16 июля 1957 года Новгород посетили:

- 1 мая — американские дипломаты (4 чел.),
- 6 мая — английский искусствовед Рассел,
- 20 мая — французские автотуристы,
- 24 мая — французские автотуристы,
- 30 мая — искусствоведы из ГДР,
- 2–7 июня — французские автотуристы,
- 8 июня — полномочный посол Австрии,
- 15 июня — бургомистр норвежской коммуны г. Харстад г-н М. Хеллебуст,
- 18 июня — американские туристы (автобус),
- 19 июня — жена советника Дании г-жа Дау,
- 21 июня — американский профессор русской истории доктор Эдуард К. Таден,
- 22 июня — автотурист из ФРГ г-н Кларк,
- 25–26 июня — искусствовед Альберт Скира, владелец швейцарского издательства книг по искусству «Скира»,
- 26 июня — немецкие архитекторы,
- 28 июня — американские туристы (автобус),
- 3 июля — английские автотуристы,

4 июля — посол Бельгии г-н Лоридан,

6 июля — сотрудники посольства США,

9–10 июля — профессора и студенты Берлинского Университета им. Гумбольдта (15 чел.),

11–16 июля — бывший сотрудник посольства ФРГ.

В разное время, с 1955 по 1963 год, Новгород также посетили и оставались здесь более двух дней:

американский предприниматель Клайд Вандебург,

Теодора Войнеску, институт истории искусств, Румыния,

второй секретарь посольства США Хейвард Ишем,

проф. Томас Ф. Магнер, Университет Миннесоты,

д-р Мартин Эдуард Малия, асс. проф. истории Гарвардского Университета,

д-р Конрад Онаш, ректор института религиоведения православной церкви Университета им. М. Лютера,

Франко Руссоли, хранитель Пинакотекки ди Брера в Милане, Италия,

антиквар Гуннар Сванстрем, г. Висби, Швеция.

Даже этот неполный список свидетельствует об интересе к историческому и культурному прошлому нашего города людей разных стран мира.

В связи с увеличением числа иностранных туристов в 1957 году был рассмотрен вопрос об экскурсиях для иностранных гостей и обсуждались их тематические планы. В 1958 году совместно с представителями ВАО «Интурист» (П. Баранов) были составлены маршруты экскурсий и их тематические планы. Было разработано три различных маршрута экскурсий:

Обзорная экскурсия продолжительностью три часа для групп массовых интуристов, располагающих ограниченным временем. Цель ее — познакомить в общих чертах с историческим прошлым Новгорода, его важнейшими памятниками: Кремлём, Грановитой палатой, художественным собранием музея; дать представление о реставрации архитектурных памятников. Экскурсия начиналась у стен Кремля и заканчивалась на берегу Волхова у гостиницы «Ильмень». На каждый объект отводилось от 5 до 25 минут, на историко-художественный музей (без экспозиции икон) — 50 минут;

Однодневная обзорная экскурсия с перерывом на обед и отдых для групп массовых интуристов, располагающих временем. Экскурсия подразделялась на два периода с перерывом между ними на обед в ресторане «Ильмень» и непродолжительный отдых. В первой части туристы знакомились с новгородским Кремлем, его памятниками, музеем. После перерыва осматривались исторические места и архитектурные памятники Торговой стороны: Ярославово дворище, церковь Спаса Преображения на Ильине улице, церковь Федора Стратилата на Федоровском ручье, Антониев монастырь. Продолжительность экскурсии без учета перерыва — 5 часов;

Экскурсии продолжительностью два дня и более для историков, археологов, архитекторов, искусствоведов и особо интересующихся лиц (послы и сотрудники посольств). Тематика, маршрут и распределение времени по объектам в каждом отдельном случае устанавливались особо. Помимо объектов, перечисленных в маршруте № 2, могли быть включены дополнительно: ц. Рождества на Красном поле

(на кладбище) XIV века, ц. Благовещения на Мячине (Аркажи) XI века, Георгиевский собор Юрьева монастыря XI века, ц. Спаса на Нередице XI века, а также, по предварительной договоренности с руководителем экспедиции, посещение участка археологических раскопок Академии Наук СССР, производимых в Новгороде. В отдельных случаях, с разрешения дирекции Новгородского историко-художественного музея, для специалистов могли быть предусмотрены работы над материалами фондов исторического и художественного отделов.

Также было разработано описание автомобильного маршрута Выборг — Ленинград — Новгород — Калинин — Москва в помощь переводчикам, сопровождающим автотуристов. Маршрут и его описание были утверждены начальником экскурсионно-методического отдела ВАО «Интурист» Г. Станкевичем в апреле 1958 года. Для удобства проведения экскурсий группы из Ленинграда и Москвы, чтобы избежать их пересечения на отдельных объектах, имели свое расписание и свой маршрут. Это касалось и автобусных экскурсий.

Многие иностранцы сожалели об отсутствии путеводителей по городу на иностранных языках или хотя бы на русском. Еще в 1951 году леди Келли писала:

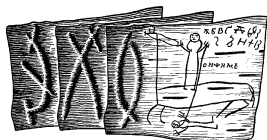
«В Советском Союзе нет путеводителей! Самое позднее издание, которое мне удалось разыскать, насколько я знаю, опубликовано в 1927 году. Мой сын был счастлив, отыскав его в книжном магазине в Лондоне. Также мы использовали великолепный Бедкер 1914 года и книгу Сирила Г. Бунта «Русское искусство от скифов до Советов» 1946 года, но, к сожалению, она написана до войны и не отражает современного состояния памятников истории».

Первые путеводители на иностранных языках появились только к 1959 году, после составления маршрутов экскурсий. До этого времени издавались только карманные популярные брошюры на русском языке.

Иностранцы также выступали с предложениями издать книги по искусству Новгорода, но чаще всего их предложения не находили отклика с нашей стороны.

Швейцарский издатель Альберт Скира посетил наш город в 1957 году. Новгородская архитектура настолько заинтересовала его, что он задержался в Новгороде на два дня, вместо нескольких часов. Он сам захотел издать цветной альбом об архитектуре и монументальной живописи Новгорода, но переговоры с советским правительством зашли в тупик и так ничем и не кончились. С именем Скира связан ещё один характерный для того времени эпизод. Он решил послать на адрес своего издательства телеграмму делового содержания, пришел на телеграф, а телеграфистка отказалась принять ее без печати. Пришлось разыскать председателя горисполкома, в то время т. П.И. Петрова, и попросить его заверить телеграмму. Господин Скира возмущался: «Я ставлю свою подпись — «Скира». Мое имя известно во всем мире, а печать может поставить и любой клерк!»

И только лишь в 1960-е годы Новгород стал городом, открытым как для специалистов по русской истории, культуре и искусству, так и массовых интуристов всех стран и континентов.

«НЕ ИЗМЕНЯТЬ ЗАВЕТАМ...»

(К 90-летию XV археологического съезда в Новгороде)

История проведения Всероссийских археологических съездов, последний из которых обогатил историю провинциального Новгорода в канун великих потрясений, важна для нас не только вкладом в развитие археологических знаний, но и примером общественной инициативы и энтузиазма ученых в деле народного просвещения. Знакомство с сорокалетним «съездовским» периодом в истории российской археологии (1869–1911 гг.)

наглядно показывает высокую организованность научного сообщества того времени и его подвижническое стремление к популяризации исторического наследия страны. Пятнадцатый археологический съезд, проходивший 90 лет назад в Новгороде, стал ярким, но, к сожалению, последним абзацем на одной из самых достойных страниц в летописи отечественной археологической науки.

Идея проведения археологических съездов принадлежала одному из самых известных российских археологов середины XIX века — графу Алексею Сергеевичу Уварову. Сын министра народного просвещения более тридцати лет посвятил изучению древностей России — от каменного века до древнерусской архитектуры. В 1864 году по его инициативе было организовано Московское археологическое общество (МАО), а в 1872 году в Москве им был основан Русский исторический музей, ныне ГИМ (Государственный исторический музей).

Археологические съезды, организацией которых занималось МАО, созывались раз в три года, при этом география их проведения отражала стратегию уваровского замысла, стремившегося к стимуляции научных исследований в различных регионах России и объединению общественных сил в деле охраны памятников старины. От первого съезда в Москве (1869 г.) до XIV в Чернигове (1908 г.) археологическое сообщество выбирало местами проведения своих съездов крупнейшие научные центры страны: Петербург, Киев, Казань, Тифлис, Одессу, Ярославль, Вильно, Ригу, Харьков, Екатеринослав. Обстоятельная, продолжавшаяся на протяжении двух-трех лет, подготовка съездов и их проведение концентрировали внимание историков и археологов на специфике памятников конкретного региона, а также провоцировали всплеск общественного интереса к проблемам археологии. При этом спектр вопросов, рассматривавшихся на съездах, был очень широк и включал в себя доклады и сообщения на филологические, археографические, архивоведческие и общесторические темы.

Выбор Новгорода в качестве места проведения очередного пятнадцатого съезда был определен членами МАО уже в январе 1909 года. К рассмотрению на съезде были намечены 23 доклада и 74 научных вопроса, связанных, главным образом, с историей и археологией новгородских и псковских земель. Новгородский предварительный комитет, взявший на себя основную нагрузку по подготовке форума, сформировался к маю 1909 года. Возглавил его новгородский губернатор П.П. Башилов, а из 63 членов

комитета более трети представляли Новгородское общество любителей древности (НОЛД).

Список мероприятий, проведенных предварительным комитетом до открытия съезда в июле 1911 года, впечатляет своей обширностью. Специально изучавшая историю съезда Н.Н. Жервэ перечисляет в своей публикации восемь основных направлений работы комитета, среди которых: анкетирование настоятелей церквей Новгородской губернии о наличии древностей; обследование членами НОЛД в 1910 году памятников церковной и гражданской старины; организация археологических раскопок в Тихвинском уезде; открытие предварительной историко-археологической выставки в Новгороде; публичные лекции петербургских профессоров Н.В. Покровского, С.Ф. Платонова, В.В. Майкова и др.; выпуск нескольких сборников НОЛД и других публикаций по новгородике¹. Ввиду недостаточности научных сил и средств, не всё из задуманного удалось реализовать. Шумным скандалом, отразившимся на страницах столичных газет и испортившим отношения новгородцев с Н.К. Рерихом, закончилась попытка организации в 1910–1911 годах показательных раскопок к съезду в южной части Новгородского кремля².

Съезд открылся 22 июля 1911 года и продолжался две недели. Прибывшие на съезд 156 депутатов были командированы от всех университетов России (за исключением Томского, Саратовского и Юрьевского), духовных академий, научных обществ и архивных комиссий. Среди иностранных участников съезда были финские и шведские профессора: Айлио, Арне, Хальстрём и Альмгрен. Общее количество участников съезда составляло 407 человек, тогда как на XIV съезде в Чернигове таковых было всего 281. Председателем совета съезда была избрана 71-летняя Прасковья Уварова, продолжавшая после смерти супруга меценатскую деятельность в среде археологов и озвучившая формулу «археология — наука людей богатых». Обязанности секретаря совета исполнял В.К. Трутовский. Ход заседаний, а всего их состоялось 34, подробно освещался в издаваемых ежедневно «Известиях XV археологического съезда», а также в местной и центральной прессе.

Торжественное открытие форума прошло на заседании отделения церковной археологии, под председательством Н.В. Покровского, после чего участники съезда распределились по другим секциям, заседавшим в различных городских зданиях. Названия секций позволяют представить тематический размах докладов: «Первобытная археология», «Памятники юридические, быт домашний, общественный и военный», «Памятники искусства и художеств, нумизматики и сфрагистики», «Древности историко-географические и этнографические», «Язык и письменность», «Архивоведение и археография». Такой диапазон научных интересов участников съезда свидетельствует об условности названия «археологический съезд», поскольку в действительности на нем были представлены почти все исторические дисциплины.

Среди докладов, посвященных непосредственно Новгороду и его памятникам, можно выделить доклады Н.В. Покровского о реликвиях Софийской ризницы, А.И. Анисимова «О реставрации фресок ц. Федора Стратилата», а также сообщение шведского профессора Т.И. Арне, который не только познакомил российских ученых со старинными планами Новгорода из Королевского Военного архива в Стокгольме, но и передал фотокопии трех планов «для приобщения их к коллекции Новгородского общества любителей древности»³.

Значительная часть докладов была посвящена проблемам сохранения памятников новгородской старины, при-

чем многие проблемы поднимались лицами в духовном сане, чему благоприятствовало благосклонное отношение и личное участие в работе съезда новгородского архиепископа Арсения (Стадницкого). Председатель НОД М.В. Муравьев представил обстоятельный доклад «О современном состоянии Новгородских древностей» и лично провел экскурсию по Кремлю. В результате всех этих мероприятий в число десяти постановлений съезда были включены обращения к Новгородскому губернатору, Священному Синоду, Министерству внутренних дел и МАО с различными ходатайствами о спасении новгородских фресок, завершении реставрации Софийского собора, выделении средств на поддержание Новгородского детинца.

Во время работы съезда в городе были открыты несколько выставок предметов гражданской и церковной старины, а также выставки художника Е.К. Псковитинова и фотографа Глазычева⁴. Открытость многих заседаний и проведение экскурсий способствовали привлечению широкого внимания жителей Новгорода к его истории. Среди прозвучавших на съезде выступлений «неизвестных» любителей древностей были и такие слова: «Не священная ли наша обязанность, лиц, изучающих родную старину и преданных ей, по мере сил и возможности предотвращать те причины, которые могут влиять на разрушение и уничтожение памятников старины, в особенности в том случае, когда такие причины создаются искусственно»⁵. Несомненно, проведение съезда имело положительный резонанс для

Участники XV археологического съезда в Новгороде. Пожилая дама в центре снимка — графиня П.С. Уварова. (Государственный исторический музей. Фотоальбом XV археологического съезда.)

общественного понимания ценности культурного наследия. Последствия этого проявились уже в ближайшие годы, когда НОЛД активно выступило против строительства железной дороги рядом с церковью Спаса на Нередице и нашло поддержку среди городских жителей и даже чиновников⁶.

4 августа в два часа дня в актовом зале мужской гимназии состоялось закрытие съезда, на котором графиня Уварова представила отчет о его деятельности. Увеличение числа депутатов и участников съезда Прасковья Сергеевна отнесла на счет интереса «к истории и древностям Великого Новгорода, а может быть, и на увеличение в России числа Ученых Обществ, если и не всегда «Ученых», то по крайней мере Обществ, желающих принести свою лепту на изучение той или иной стороны родного края»⁷. В заключении она призвала молодое поколение археологов «не из-

менять заветам». Это выступление стало эпитафией Всероссийским археологическим съездам, поскольку в 1914 году проведению очередного собрания во Пскове помешала начавшаяся Первая мировая война. В последующие одно-два десятилетия прекратили своё существование большинство научных институтов и «учёных обществ», активно распространявших археологические знания и идеи сохранения памятников. Начинаясь эпоха советского государства, которое практически сразу взяло под законодательную опеку историческое наследие, а со временем возродило и научные археологические институты. К этому времени традиции научной жизни дореволюционной России уже были утрачены и не могли возродиться в новых идеологических условиях. Общественные силы на долгие десятилетия оказались отстранены от участия в изучении и популяризации памятников старины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жервэ Н. Н. Пятнадцатый археологический съезд // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 174–175.

² Трояновский С. В. Раскопка в Новгородском кремле // ЧЕЛО. № 1. 1996. С. 5–9.

³ Арне Т. Новгород во время Шведского владычества по Балтийскому Поморью

(1611–1617 гг.) // Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. Т. I. Ч. I. С. 534–536. Табл. XXVI–XXVIII.

⁴ Жервэ Н. Н. Пятнадцатый археологический съезд. С. 175.

⁵ Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. Т. I, ч. I. С. 176.

⁶ Маркина Г. К. Строительство железно-

рожной магистрали Петроград — Царское Село — Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // Новгородский исторический сборник. № 8(18). СПб., 2000. С. 331–362.

⁷ Отчет о Трдах XV съезда // Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. Т. I. Ч. II. СПб., 1914.

Татьяна ДАНЬКО

ДОКУМЕНТЫ ГАНО О ПОДГОТОВКЕ К XV АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪЕЗДУ

Археографическая обработка документов произведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР». М., 1990.

Для публикации подготовлены документы из архивного дела «О подготовке к предстоящему в Новгороде XV Археологическому съезду в 1911 г.» (Д. 1210) фонда Новгородской городской управы (Ф. 104) Государственного архива Новгородской области (ГАО), поэтому заголовки и легенды к документам даны в сокращении: в заголовках опущены полные названия структурных под-

разделений Новгородского городского управления, а в легенде отмечен только номер листа дела.

Некоторые документы, публикуемые не полностью, начинаются с предлога «из», при этом опущенные части документа отмечаются в тексте отточием.

Сокращенно написанные слова воспроизводятся полностью, за исключением общепринятых. Не прочтенный текст отмечен в тексте отточием.

Текст документов передан с сохранением стилистических и языковых особенностей.

Письмо председателя Новгородского общества любителей древности М. В. Муравьева в городскую управу об изыскании средств на организацию XV Всероссийского археологического съезда в Новгороде и выборе депутатов в подготовительные комитеты.

1 октября 1908 года.

Есть много оснований предполагать, что очередной

археологический съезд в 1911 г. состоится в Новгороде и Пскове, вопрос этот будет окончательно решен в Москве в декабре текущего года на предварительном комитете.

Обилие памятников старины (церковной и гражданской) сохранившихся в древнем Новгороде и его уездах общеизвестно, но для доступности их для научной разработки необходимо возможно широкое сочувствие задачам археологического съезда со стороны местных деятелей и учреждений.

Выражается оно, с одной стороны, в предоставлении собраний памятников старины их владельцами предварительному комитету съезда для устройства выставки, с другой, посильными денежными ассигнованиями на оборудование выставки, научные экскурсии и издание трудов съезда.

Выраженное теперь же общественными учреждениями Новгородской губернии и местными деятелями сочувствие целям Археологического съезда будет вероятно иметь решающее значение при выборе Новгорода местом XV съезда.

Археологические съезды привлекают всех выдающихся представителей русской исторической науки, посвящающих свои знания, во все время съезда, разработке исторических вопросов той области, где съезд собрался. В Новгороде до сих пор не было еще ни одного археологического съезда, а многие памятники нашей старины и некоторые периоды Новгородской земли нуждаются в научном освещении и разработке.

В виду изложенного и будучи убеждены в отзывчивости отношений г.г. гласных. Новгородское Общество Любителей Древности покорнейше просит *Новгородскую Городскую Думу*¹ не отказать внести на обсуждение ближайшего собрания Городской Думы вопрос о посильном ассигновании на устройство в 1911 г. археологического съезда в г. Новгороде, а равно избрать, *если найдет нужным*², своих представителей:

1). В предварительный комитет XV археологического съезда в Москве на коем будет решаться выбор места для XV съезда и 2). Предварительный Новгородский комитет.

Председатель М. Муравьев
Секретарь Левберг

Л. 8–8об.

Подлинник. Машинопись.

Резолюция: В думу 13 ноября.

Помета: Рассмотрено финансовой комиссией 4 ноября 1908 г., которое оставлено открытым до переговоров с М.В. Муравьевым до выяснения суммы, какая требуется от города на это дело.

Из доклада городской управы думе от 11 декабря 1908 года № 2 о подготовке XV Археологического съезда в Новгороде.

Летом текущего года Императорское московское археологическое общество обратилось к местному губернатору с просьбой поддержать ходатайство общества относительно созыва в городе Новгороде XV Археологического съезда, который должен будет состояться в 1911 году.

Со своей стороны г. губернатор совершенно сочувствует мысли устройства съезда археологов в стенах древнего

Детинца — колыбели Русской империи.

Но одного сочувствия для съезда недостаточно, необходимо участие в его организации, как моральное, так и материальное со стороны местных общественных учреждений, и лишь при этом условии возможно будет рассчитывать на открытие съезда в 1911 году в Новгороде.

[...]

Графиня Уварова сообщила, что участие Новгородской думы в деле созыва съезда должно бы было выразиться: а) официальном приглашении съезда в Новгород; б) обещанием отпуска известной суммы в виде денежных субсидий на нужды съезда; в) обещанием принять в 1911 году все необходимые меры для размещения съезда, его выставки и приезжих членов.

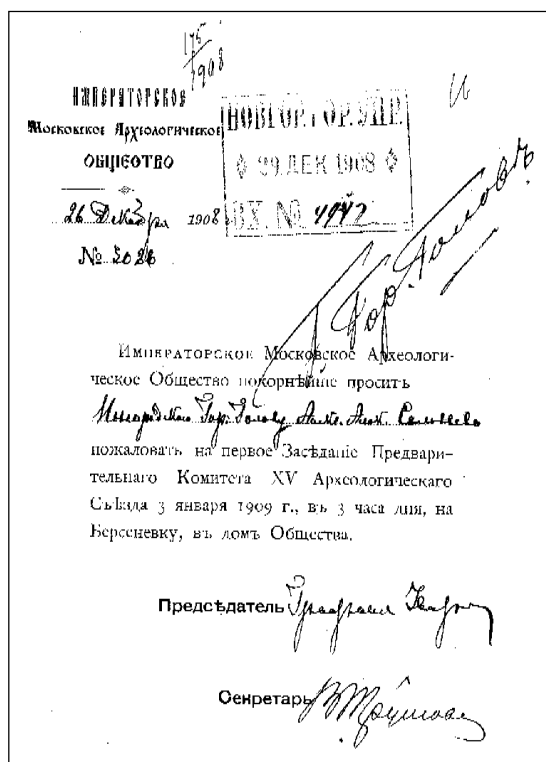
Собранные таким путем сведения по настоящему вопросу предварительно рассматривались в соединенном заседании городской управы и финансовой комиссии при участии председателя местного общества любителей древности М.В. Муравьева.

Вопрос о выборе места для съезда будет окончательно решен в Москве на предварительном комитете.

[...]

Подлинник. Рукопись.

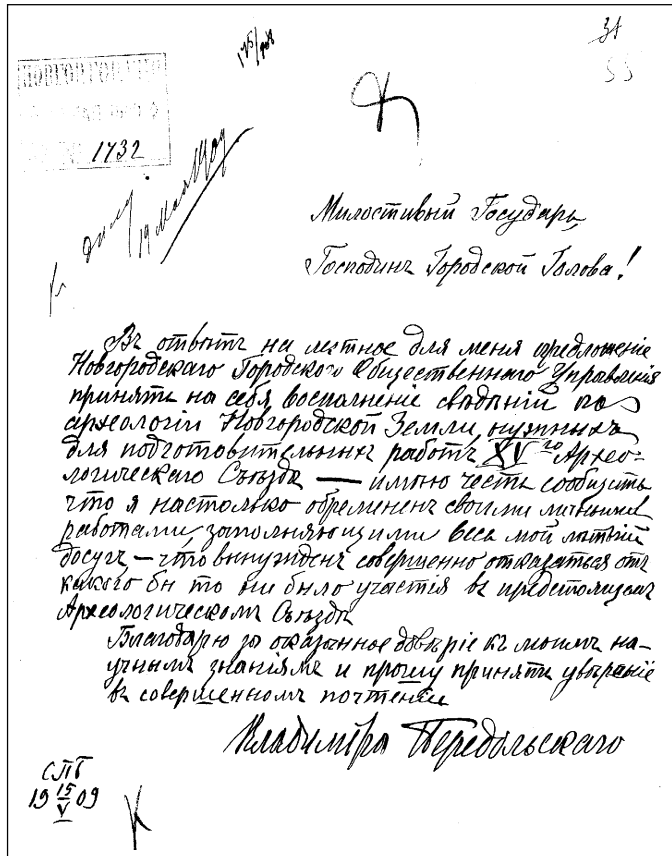
Л. 11–12.

Приглашение председательницы Императорского московского археологического общества графини П.С. Уваровой новгородскому городскому голове А.А. Соловьеву на первое заседание предварительного комитета XV Археологического съезда в Москве. 26 декабря 1908 года Л. 16

¹ В тексте документа подчеркнуто и выделено NB.

² Вписано чернилами.

Письмо В.В. Передольского новгородскому городскому
голове А.А. Соловьеву с отказом участвовать в подготовке
XV Археологического съезда. 15 мая 1909 года Л.55

Из журнала городской думы от 11 декабря 1908 года о проведении XV Археологического съезда в Новгороде.

ст. 2. При рассмотрении вопроса по поводу XV Археологического съезда, который будет созван в 1911 году, в Думе с правом совещательного голоса присутствовал председатель Новгородского общества любителей древности М.В. Муравьев.

Был заслушан доклад Управы за № 2 по этому вопросу. По предложению председателя собрания высказаться по настоящему вопросу М.В. Муравьев высказался в том смысле, что вполне разделя обстоятельный доклад Управы, он может добавить весьма немного. Им было указано, что когда археологи обратили внимание на Ладогу, то ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ³ благоугодно было отпустить на восстановление и реставрацию древностей 25 тыс. рублей. Бесспорно, что в случае съезда в Новгороде, археологи также обратят внимание и на наш Детинец и многие другие исторические сооружения, которые нуждаются в ремонте, но средств на это не имеется, и гор. Новгороду вообще следует ходатайствовать о созыве съезда в Новгороде. Городская дума, по обсуждении всех обстоятельств доложенного Управою дела, ЕДИНОГЛАСНО ПОСТАНОВИЛА³ принять полностью доклад Управы, согласно коего: 1). Признавая весьма желательным, чтобы XV Археологический съезд в 1911

году был созван в Новгороде, сообщить председательнице императорского московского археологического общества графине П.С. Уваровой, что Дума приглашает XV съезд в Новгород и уполномочивает своих представителей ходатайствовать о том же в Москве на предварительном комитете, который назначен с 3-го по 6-ое января 1909 года;

2) открыть Городской управой кредит на выдачу денежной субсидии на нужды XV съезда в размере 1000 руб., каковую сумму вносить в сметы городских расходов предстоящих трех лет 1909, 1910 и 1911 по 333 руб. 33 коп.;

3) Командировать пять представителей в московский предварительный комитет, каковыми были единогласно избраны: городской голова А.А. СОЛОВЬЕВ и гласные Думы: М.И. БАРХОТКИН, А.П. ШУМЕЙКО, М.Д. КОЛЬЦОВ и К.М. МАТВЕЕВ³.

[...]

За подписом городского головы А. Соловьева и гласных Думы.

Копия. Машинопись.

Л. 13–13об.

Доклад новгородского головы А.А. Соловьева думе от 16 января 1909 года № 1 о работе московского предварительного комитета XV Археологического съезда.

Во исполнение постановления Городской думы от 11 минувшего декабря считаю приятным для себя долгом довести до Вашего сведения о результатах поездки в Москву новгородских делегатов в предварительный комитет XV Археологического съезда, который должен состояться в 1911 году.

Заседание комитета было открыто председательницей ИМПЕРАТОРСКОГО³ московского археологического общества графиней Прасковьей Сергеевной Уваровой 3 сего января в 7 часов вечера (заседание это должно было открыться в 3 часа дня, но в этот день Москва хоронила известного историка и исследователя Москвы Ивана Егоровича Забелина и потому заседание было председательницей перенесено на вечер).

Как первое, так и все последующие заседания происходили в доме графини Уваровой (Леонтьевский пер.) и продолжались до 5 января. Состав комитета по числу участников его был довольно многочисленный не менее 100 лиц. В заседаниях комитета участвовали: депутаты-профессора всех российских университетов и Императорского Археологического института, представители Императорского Русского археологического общества и Московского, депутаты различных ученых обществ археологии, истории и этнографии, депутаты главных архивов Москвы, представители ИМПЕРАТОРСКОГО³ Российского исторического му-

³ Выделено в тексте документа.

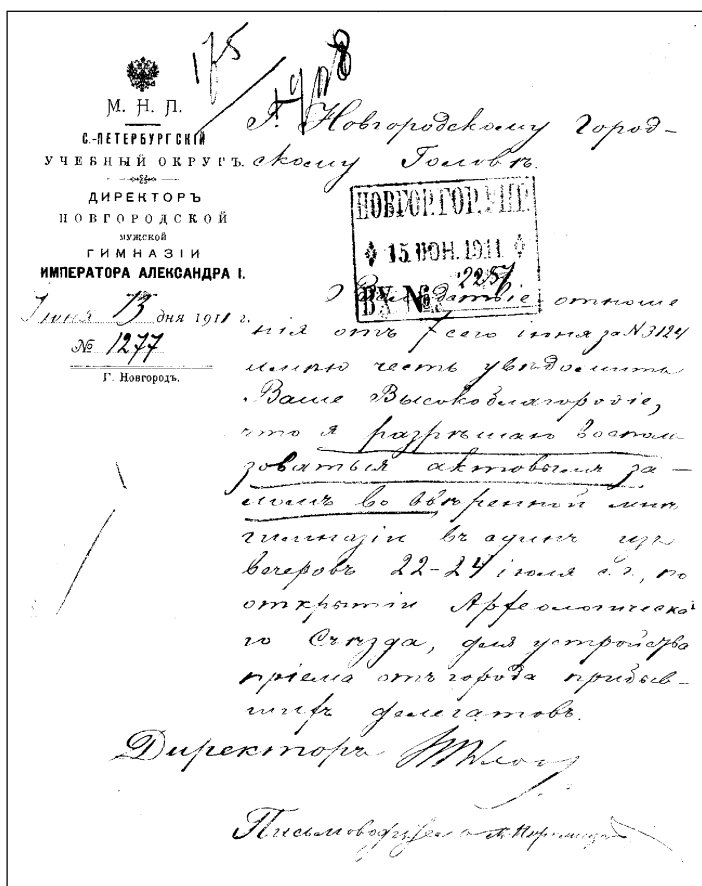
зея, представители ученых архивных комиссий, губернских статистических комитетов и Архивных комиссий и депутаты многих Обществ различных городов империи, преследующих те же цели изучения памятников церковной и гражданской старины и их исследования.

Из Новгорода в заседаниях комитета участвовали: губернатор П.П. Башилов, затем Ваш покорный слуга, гласный Думы А.П. Шумейко, председатель местного Общества любителей древности М.В. Муравьев (он же делегат Новгородского уездного земства), члены названного общества И.В. Аничков, И.С. Романцев, А.И. Анисимов, секретарь губернского статистического комитета В.А. Подобедов и городской секретарь А.А. Левитт, которому по моему ходатайству, как председательницей Общества графиней Уваровой, так и комитетом было предоставлено одинаковое право участия в заседаниях комитета наравне с другими членами местного Общества любителей древности. Избранные Думою депутаты гг. Матвеев, Кольцов и Бархоткин не могли поехать в Москву, о чем меня известили и об этом мною было доложено комитету с объяснением причин их не прибытия.

Откровенно говоря, мы далеко не были уверены в благополучном исходе нашего ходатайства, т.к. говорилось некоторыми участниками последнего съезда в Чернигове, что по всему вероятности местом будущего съезда будет избран Севастополь. В подтверждение этого предположения высказывалось еще то, что будто бы и сама графиня Уварова тяготеет к Севастополю или вообще к Крыму, чтобы закончить раскопки и исследования, начатые там покойным ее мужем графом Уваровым. Но при визите нашем графине, Ея Сиятельство нас успокоила и заявила, что вопрос этот всецело зависит от решения комитета и если последний изберет местом будущего съезда древний Новгород, то несомненно как она лично, так равно и все другие с одинаковым участием и интересом отнесутся к занятиям XV съезда и всецело посветят себя изучению церковной и гражданской старины как древнего Новгорода, так и его обширной исторической области.

На первом же заседании комитета председательницей было подробно доложено как ходатайство севастопольцев о назначении там XV съезда, так равно и наше ходатайство о созыве съезда в древнем Новгороде. Когда было прочитано ходатайство Новгородской думы и ее постановление от 11 минувшего декабря, то председательницей были открыты прения по вопросу.

Лично я поддерживал ходатайство Городской думы, заявив, что древний Новгород сочтет для себя великою честью, если он будет избран местом будущего съезда. Другие представители Новгорода, и в особенности губернатор П.П. Башилов, весьма отстаивая и защищая интересы Новгорода своими оживленными речами, доказали участникам комитета, что Новгород к этому вопросу отнесся осо-

Уведомление директора новгородской мужской гимназии городскому голове о предоставлении зала гимназии для торжественного приема делегатов XV Археологического съезда. 13 июня 1911 года
Л. 97

бенно, проявив необычайный интерес и выражая искреннее желание о созыве у нас съезда, дабы поддержать древний Новгород и поднять в ученом мире его значение в историческом и археологическом отношении. Было высказано, что необходимо, наконец, авторитетному учреждению, каким является Всероссийский съезд, вымолвить свое властное слово, чтобы положить предел тому возмутительному разрушению, а нередко и уничтожению дорогих памятников родной старины новгородской, достойных должного поддержания и реставрирования. В этом отношении нас очень горячо поддерживали многие профессора и в особенности Н.В. Покровский — директор Императорского археологического института, хорошо знакомый с древним Новгородом и его памятниками, особенно церковными.

При обсуждении вопроса некоторыми депутатами Петербурга, Юрьева и Северных губерний было заявлено, что если только съезд будет в Новгороде, то в нем примут живое участие ученые Финляндии, вероятно и Швеции, Прибалтийского края и всего Севера, имеющих с древним Новгородом большую историческую связь.

Когда прения были окончены, председательницей был объявлен перерыв, во время которого уже многие подходили к нам, новгородцам, заранее поздравляя с успехом и

обещая поработать для Новгорода на будущем съезде. Действительно, когда после перерыва председательница поставила на баллотировку вопрос: кто за созыв съезда в Новгороде — сидит, а кто за Севастополь — встает, то никто, даже единственный защитник интересов Севастополя, против не встал и таким образом вопрос комитетом был решен единогласно в пользу Новгорода. Невольно вспомнилось «кто против Новгорода и Св. Софии». Раздались дружные аплодисменты, и первое заседание было закрыто. Следующие дни 4 и 5 января были посвящены определению времени съезда, а затем рассмотрению и утверждению правил съезда и выработка его программы. В начале заседания 4 января председательницей была оглашена приветственная телеграмма, полученная от гласных г.г. Кольцова и Бархоткина, которая кстати, как нельзя лучше, еще раз доказала сочувствие новгородцев и их желание, чтобы съезд был созван в Новгороде. Время для съезда определено с 22 июля по 5 августа 1911 года. Основаниями для выработки правил послужили правила последнего XIV съезда в Чернигове. При обсуждении программы съезда были приняты многие указания профессоров: Харьковского университета Дм. Ив. Богалея, обратившего особое внимание при занятиях будущего съезда на курганные раскопки и местные пути «волоки». Профессор Киевского университета Митрофан Викторович Довнар-Запольский обратил внимание на библиографию Новгорода; профессора-Новороссийского университета Эрнест Романович фон-Штерн, Московского — Дм. Ник. Анучин, Дмитрий Яковлевич Самоквасов и Алекс. Ник. Филиппов, а также Санкт-Петербургского археологического института Н.В. Покровский, Киевского университета Григ. Гр. Павлуцкий дали весьма ценные указания и обратили особое внимание на необходимость отыскания писцовых книг и исследования Новгородской старины в отношении сфрагистики и нумизматики, как дорогого материала для истории культуры Новгорода, а также на исследование и изучение замечательных памятников церковной старины новгородской и церковную архитектуру, указать на образец архитектуры XIII и XIV века, между прочим, на церковь Федора Стратилата.

Труды Московского комитета, т.е. журналы заседаний, правила и программа съезда будут отпечатаны и присланы к нам председательницей Московского археологического общества графиней Уваровой, после чего, по ее заявлению, необходимо будет на месте образовать комитет, который должен будет подготовить и облегчить задачи лиц, которые придут научно трудиться в Новгороде. Таким образом, комитету предстоит весьма серьезная, обширная и ответственная работа. О выборе лиц в местный комитет будет своевременно предоставлено Городской думе, по получении уведомления от графини Уваровой.

В заключении не могу не высказать своих личных впечатлений о том в высшей степени любезном приеме новгородских делегатов, оказанном нам просвещенной председательницей Императорского московского археологического общества графиней Прасковьей Сергеевной Уваровой и членами ее семейства. Удивительно умелое и в высшей степени корректное ведение графиней прений в заседаниях комитета и направление вопросов к баллотировке производило особенно сильное впечатление ума и таланта просвещенной русской женщины, посвятившей всю свою жизнь и средства изучению русской истории и археологии с неусыпной энергией и любовью к дорогому делу.

При прощании графиня заявила, что на сколько ей позволят ее силы и здоровье, она посвятит себя Новгородскому съезду и до того времени всегда готова сообщать все необходимые сведения и материалы, какие могут потребоваться местному комитету и кои имеются в ее распоряжении. Я предложил бы Городской думе выразить графине за такое отношение глубокую признательность Городской думы и пожелание Прасковье Сергеевне здоровья и благополучия еще на многие годы.

Подлинный за подписом городского головы А. Соловьева и членов Управы.

Копия. Машинопись.
Л. 22–24.

ИЗ ЖИЗНИ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ: ГОД 1901

(По страницам «Вестника Новгородского земства»)

Сюжеты из истории уездных городов, маленьких сел и деревень, как правило, недоступны для познания. Протекая во времени, они чаще всего не оставляют материальных, вещественных проявлений. В «Вестнике Новгородского земства» нашли свое материальное воплощение события «малого масштаба». Заметки, опубликованные в «Вестнике» для нас, жителей XXI века, становятся не просто ценным историческим источником, а дают возможность окунуться в прошлый век, почувствовать его размеренность, услышать голоса жителей Новгородской губернии, узнать их радости и беды.

Первый номер «Вестника Новгородского земства» вышел в 1899 году. На его страницах публиковались подборка законов и распоряжений правительства, хроника местных

органов самоуправления, освещалась деятельность земств других губерний, печатались статьи и заметки по вопросам земледелия, народного образования, страхования, общественного призрения и другие разнообразные справочные сведения и объявления.

Новгородская губернская земская управа ставила задачей издания «не материальный успех, а служение земскому делу»¹. Поэтому из 4000 экземпляров, изданных в 1899 году, более 3200 рассылалось бесплатно административным лицам, а также учителям, врачам, ветеринарам, настоятелям приходов Новгородской губернии. К 1 декабря 1899 года на издание подписалось 265 жителей Новгородской и других губерний (стоимость годовой подписки — 1 руб.), остальные номера продавались по 10 коп.².

«В наступившем новом году, — отмечалось в «Вестнике», — печать рассталась с XIX веком. Каждый орган печати послал на прощание прошлому веку такую или иную характеристику...». Редакции «Вестника» импонировало следующее мнение о прошлом столетии:

«Началось новое столетие... Как ни искусственна грань, через которую мы только что переступили, как ни беспочвенно предположение, что с переменной одной цифры на другую должно измениться что-либо в реальном мире, со словами *двадцатый век* невольно соединяются какие-то смутные ожидания. Называют XIX век *чудесным*. Действительно, приобретения его велики, разнообразны и драгоценны. Сколько удивительных и смелых открытий и изобретений сделано человеческим гением в научной области, в технической, промышленной, сельскохозяйственной! И, тем не менее... в последних впечатлениях XIX век оставил немного светлого и доброго... Везде на очереди стоят сложные нелегко разрешимые и грозные задачи. Не закончились и войны, омрачившие собою последние годы века, и не предвидится еще конца затруднениям, их вызвавшим... Самый способ ведения войны показал наглядно, сколько дикости и зверства таится еще под внешним лоскутом культуры. Отталкиваемая настоящим и ближайшим прошлым мысль устремляется вперед и, несмотря на столько раз повторявшиеся разочарования, рисует картины лучшего будущего...

Чем меньше утешения в действительности, тем больше простора для надежды.

...мы вступаем в новый век с довольно легким запасом: общественная самодеятельность не выросла, а заглохла, эко-

номически народ ослаб... просвещаемся мы не спеша и умеренно, без увлечений... Но ведь простор для надежды тем сильнее, чем хуже текущая действительность: чем ночь темней, тем звезды ярче... Мы вступаем не в новый год, а *новый век* и о нем говорим. ...Мечтатели-писатели уже для 2000 года нарисовали картину счастливого, справедливого, гуманного строя человеческой жизни. Наши же надежды и мечты куда скромнее... что проще желать и мечтать о свободе слова, ученых и просветительских обществ, о широкой веротерпимости... Да, об этом можно мечтать и не на пространстве нового века, а на пространстве ближайших его годов...»³.

В нынешнем 2001 году исполняется 225 лет с тех пор, как Крестцы получили статус города и 220 лет со времени утверждения городского герба.

В 15-м номере «Вестника Новгородского земства» за 1901 год опубликована зарисовка «из жизни города Крестец».

«...В городе 18 населенных улиц. Лучшая из них — Московская. Жителей в городе с небольшим три тысячи. В городе больше всего мещан, затем по числу стоят чиновники и купцы. Представителей торгового класса можно считать всего 10–15 человек. Занятие почти всех мещан — обработка арендуемой у города земли... Никаких улучшенных способов обработки земли они не знают: по-прежнему, как и их деды, пахут сохой, боронят деревянной бороной-плетенкой и жнут хлеб серпом, а чистят семена ветром... Почти каждый мещанин средней руки имеет две коровы и две лошади. На свой домашний обиход в течение года он зарабатывает на каких-либо городских работах; при случае ездит за товарами... в

Валдай, Любницу или Боровенку. В прежнее время, когда еще не было Николаевской железнодорожной линии, жители Крестец слыли богатыми, так как дорога, по которой двигалась масса грузов из Москвы и Петербурга, давала им возможность заниматься извозом, от которого оставались и сбережения... Но вот прошла «чугунка» и «большедорожные» жители поневоле должны были приняться за крестьянский труд, ввиду отсутствия всяких других промыслов. Не мудрено, что и мешчане Крестец последовали примеру прочих...

Каких-либо других занятий или ремесел среди городского населения не развито. Можно, однако, заметить, что в городе имеется содержимая на земский счет ткацкая мастерская, где обучаются взрослые и подростки-девушки улучшенному ткачеству... Заводская промышленность развита крайне слабо...

В городе два училища: одно — городское трехклассное мужское, а другое — двухклассное женское, содержимое на средства земства и города. Оба эти училища... внесли в городскую массу немалую долю света. Теперь можно считать, что в Крестцах большая половина жителей грамотных... Кстати и очень кстати, явилось бы учреждение в городе к существующей чайной попечительства о народной трезвости простенькой бесплатной библиотеки. Уже давненько в Крестцах (с 1881 г. — *Т.Р.*) при земской управе существует земская библиотека с двухрублевой в год платой за пользование книгами и журналами. Но значение ее среди населения довольно не гром-

ко, вероятно, потому, что для многих плата в два рубля высока; у нашего обывателя каждая копейка на счету и ее нужно уметь достать, в особенности при том деревенском положении существования, в каком находится город Крестцы. Летом в городе на улицах глухая тишина, нарушаемая разве стуком экипажей проезжающих по казенной надобности чиновников, несколькими пешеходами по Московской улице, да бродящими по площади табунами коров и лошадей. Нигде ни души, все заняты своим делом, город спит, как ночью. В праздник эту провинциальную скуку развеет еще хоть маленько летний сад, помещающийся почти на окраине города, в конце Московской улицы... Сад содержится довольно исправно и даже очень прилично по тому скромному бюджету, каким обладает городская касса. На него тратится что-то около 70 руб. в год, и на эти деньги существует сторож с 3 руб. окладом в месяц, поправляются и починяются беседка и изгородь, а также устроена круговая качель. Был раньше и купеческий клуб, где можно было провести время после службы горожанам, но он уже давно ликвидировал дела⁴.

Таким увидел сотружник «Вестника Новгородского земства» Крестцы ровно сто лет назад. Лишь одним был извес-

тен маленький уездный городок далеко за пределами Новгородской губернии — особой формой вышивки. «Крестецкая строчка» получила известность не только в России, но и за рубежом. В 1911 году крестецкие строчевые изделия экспонировались на выставке в Италии. В том же году «крестецкая строчка» попала на постоянную выставку в музей Порт-Саида, большая партия изделий готовилась к отправке в Бухарест.

В начале XX века весной устраивались детские «зеленые» праздники, праздники «древонасаждения». На страницах майского номера «Вестника» было опубликовано обращение «ко всем, кто любит детей»:

«Воспользуемся только что начинающейся весной, воспользуемся всем, что она может дать, соберемся все и отправимся подальше куда-нибудь от шумных, грязных улиц, за город, в поле, в лес — туда, где оживающая природа вся как на ладони. Устроим как для себя, так и для детей, хоть один праздничный день — маевку. Сделаем один из майских дней всеобщим праздником весны, праздником детей, дадим им в этот день полную свободу»⁵.

В Валдае инициатором детского праздника «древонасаждения» стало Вольное пожарное общество. Оно решило воспользоваться «даровыми силами детей» и создать живую стену, которая будет препятствовать распространению пожара. Городская дума отвела участок земли в центре города, материал для изгороди вокруг намеченного сада спонсировало пожарное общество, де-

нежные средства для проведения праздника собрали граждане города, а его организацией занялись учителя.

Утром 6 мая 1901 года на улицах Валдая замечалось некоторое оживление, развевались национальные флаги. Нарядно одетые дети спешили на сборные пункты.

«Приятно было видеть оживленные детские лица... — писал В. Самсонов. — Небольшая площадка перед зданием городского училища представляла невиданное в Валдае зрелище. Но особенно красиво было, когда пестрая лента детей, точно змея, извиваясь по улицам и вокруг сада, поползла с небольшого пригорка.

Перед каждой школой несли знамя и «школьное дерево», убранное флагами и задрапированное внизу материями разных цветов. Деревья были поставлены в ящики, приспособленные в виде носилок, середина которых заполнена зеленью, а доски терлись между складками изящной драпировки.

Пение песен, пестрота нескольких сотен флагов, развевющихся в руках учеников, делали шествие еще более оживленным...

Народный гимн, весенние песенки, исполненные в саду школьным хором, и следовавшая затем речь руководителя

Крестцы. Улица Московская. Начало XX века

дополнили первую часть праздника, наиболее торжественную и заметную»⁷.

Дети посадили деревья, полили их водою и получили гостинцы. В праздник помимо учащих валдайских школ принимали участие дети из земской школы села Зимогорье и много посторонних.

Часть собранных частных пожертвований (почти 100 рублей) ушла на устройство изгороди и калиток, расчистку места, ввоз чернозема и другие работы, а также на флаги и гостинцы для детей. Деньги, оставшиеся после праздника, предполагалось потратить на устройство скамеек в саду и оборудование для подвижных игр. Кроме того, по частному почину в саду устроены «гигантские шаги».

«Садик, — писал В. Самсонов, — обещает быть детским... В хорошую погоду в нем раздаются веселые крики и возникают свободные игры маленьких владельцев, которые сразу почувствовали себя хозяевами нового сада. Они явились в него уже в первый день к вечеру и живо устроили лапту, кони и прочие всем известные игры»⁸.

Детский сад и ясли — редкое явление в России начала XX века. Детей дошкольного возраста из семей дворян и богатых купцов воспитывали гувернеры. За детьми из бедных семей присматривали наемные няньки-подростки, старшие сестры, старухи, которые уже не могли работать. Значительная часть бедных детей от плохого ухода и питания умирала в младенческом возрасте. Устройство яслей в деревнях и селах было особенно актуальным в летнее время, когда каждая пара рабочих рук на счету.

Летом 1901 года в деревне Васкины Нивы Новгородского уезда дочь землевладелицы Полторацкой открыла для детей-малолеток окрестных деревень приют-ясли.

«Весть об открытии приюта-яслей, — писал Сергей Балторин, — беднейшее население встретило с живейшей радостью, и крестьяне-бедняки с большой доверчивостью стали приносить в него своих детей»⁹.

Вначале предполагалось только дневное пребывание детей в яслях, «но доверие к заведующей приютом г-же Полторацкой возросло до того, что матери стали оставлять детей в яслях и на ночь. Для приготовления пищи насельникам приюта нанята кухарка, а для ухода за детьми — две взрослые няни. Непосредственное же руководство приютом взяла на себя... г-жа Полторацкая, которая все время неотлучно находится в приюте, наблюдая за уходом и кормлением своих питомцев и занимая их играми. Детей в приюте около 30 человек в возрасте до 4 лет». Был при яслях и приходящий медицинский работник — врач Любаньской земской больницы В.В. Сиземский. Крестьяне «вполне оценили» труд устроите-

лей приюта и высказывали в их адрес искреннюю благодарность.

Главная обязанность просвещенных людей сеять «разумное, доброе, вечное». Уделяя значительное количество страниц вопросам образования, «Вестник» обращал внимание на нужды сельских учителей, на их бедственное положение. На его страницах публиковались не только юбилейные поздравления учителям, но и некрологи — последние дань памяти и «сердечное спасибо» за труд учителя.

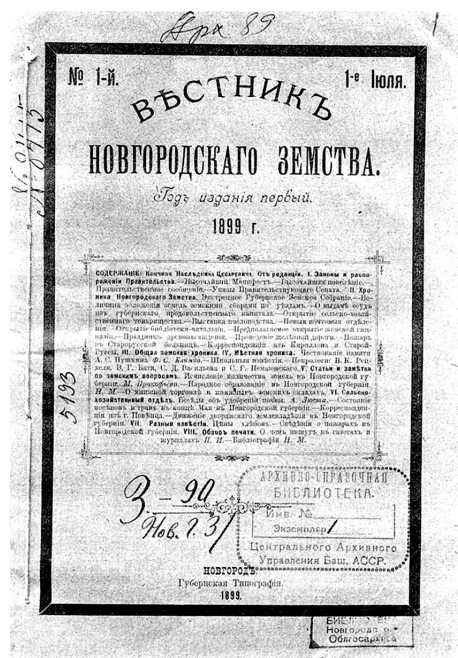
«В страстную субботу в Крестцах хоронили сельскую учительницу Анну Михайловну Еремееву. Принесли покойницу в церковь в простом больничном гробу, отпели; поставили на простые деревенские дровни гроб и отвезли также просто на городское кладбище! Плачет старушка, провожая дочку на место вечного упокоения, плачет, что так мало на свете пожила, не успеет закрыть и материнских глаз. Вперед померла! Горько обидно и грустно! А как померла? Молодая, цветущая

здоровьем, покойная оканчивает Новгородское духовное училище для девиц в Званке, идет в учительницы, учит год на хорошем месте, и вдруг переводят из хорошего места в погост Ручьи, в церковно-приходскую школу с восьмьюрублевым окладом жалованья. Вдыхает, горюет молодая учительница об этих рублях, которых еле-еле хватает на содержание от месяца до месяца. Бьется, старается с усердием около детей, старается снискать расположение местного батюшки. Бегаёт каждый день за версту от квартиры в школу голодная и холодная, поучит ребят в сырой, холодной школе и опять бежит домой, опять к холодному ужину. Ведь на восемь рублей не Бог весть, что заведешь, да из них матери нужно уделить. Да и эти то восемь рублей вот уже два месяца как не выдают, забыли об ней; а рубля нет, не хватает доехать до города — получить кровные денежки. Жить

нужно, приходится перебиваться кой-как, урезывая каждый день и довольствуясь двумя крендельками к чаю утром и вечером. Да и то приходится лезть в долги»¹⁰. За нуждой подкралась болезнь. Не смогли спасти жизнь учительницы в больнице.

«Мир праху честной труженицы!»¹¹

Но все-таки народная школа в Новгородской губернии расширялась и крепла, благодаря земству. К началу XX века стоял вопрос о введении всеобщего начального образования и о внешкольном народном образовании. Одно из средств внешкольного образования — народные чтения и бесплатные библиотеки. Для устройства чтений Новгородское губернское земство приобрело на 1100 рублей картин

«Вестник Новгородского земства». 1899 г. № 1. Титульный лист

для «волшебного фонаря» и рассылало их бесплатно в города и села, где проводились чтения. Устройством народных чтений занимались и Общества попечительства о народной трезвости.

В селе Жабны Валдайского уезда весной 1901 года священник, получив необходимое оборудование от Общества трезвости, устроил чтения с демонстрацией «волшебных картин». На первое чтение, по оценке В. Котова — автора заметки, явилось немного зрителей, человек 100–120, да и то «как будто бы из снисхождения к священнику, ...когда появилась на экране первая картина: «Въезд первых князей в Новгород», то общий непритворный «ах» вырвался у всех присутствовавших и все внимание было обращено на картину, а чтения почти не слушали... Читал священник «Начало христианства на Руси».

Молодежь, рассматривая картинку, делала замечания: «А конь-то под этим хорош, мог бы прокатить на масленице». «...Начались смешки и подталкивания друг друга: благо темнота способствует... Все-таки в конце просили показать картинки еще».

Во второй раз священник читал «Покорение Сибири». «Этот рассказ слушался с интересом, ни сколько не меньшим, если не больше первого. Но на что я возлагал надежды и чем хотел произвести восторг в слушателях, — писал В. Котов, — тому суждено было потерпеть полное фиаско. Читалась повесть Гоголя «Тарас Бульба». Хотя во время чтения и прорывались смех и одобрения, но в конце крестьяне оказались недовольственными и просили на будущее время прочитать про войны русских с народами других земель»¹².

В связи с началом летних работ на селе чтения пришлось прервать...

«Многие полагают, — писал корреспондент «Вестника» N., — что крестьянин наш так беден, что не может уделить на приобретение книг в собственность не только рубля, а гривенника и копейки. В опровержение подобного

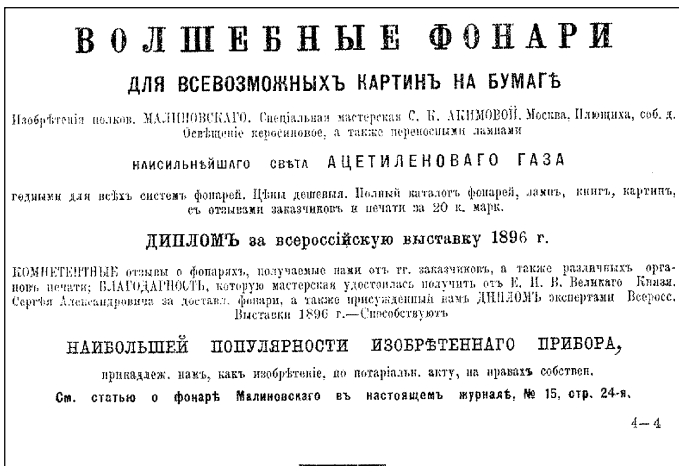
взгляда я приведу факт. При исследовании вопроса, что читают крестьяне, я был крайне удивлен обилием книг у одного крестьянина... «Столько ли у меня их было, заявил с гордостью мужик, да вот пришлось расстаться»... И он поведал мне грустную историю. Собеседник был раньше зажиточным крестьянином, да один год подрезал его: овин с лучшим хлебом сторел, две лошади в одну зиму пали, сам пролежал целую зиму и задолжал хозяину (он был кузнец и

работал гвозди), у которого брал железо. Приехал хозяин и стал требовать долг. «Бери, что хочешь, — ответил крестьянин, — хоть скотину убирай, одежда, какая есть; а то вот книг не хочешь ли?» Посмотрел хозяин на книги..., отобрал лучшие, рублей на 50... «Лучше бы он тогда скотину у меня взял: скотину я опять, может, нажил бы, а вот книг уже больше не нажить», — закончил он с грустью»¹³.

Случай это не еди-

ничный. «Такие любители книг среди крестьян встречаются, и кто жил между ними и присматривался к ним, тот согласится со мной. ...если в семье есть грамотный подросток то, как бы семья ни была бедна, в ней всегда найдется несколько дешевых книжек. Книжка... занимает одно из первых мест среди подарков и гостинцев в семье. Глава семьи..., отправляясь... на ярмарку, считает нужным привезти своим семейным по гостинцу... Таким гостинцем для грамотного «мальченки» и служит книжка...

Большинство крестьян книжки свои берегут, держат их в закрытых коробках, сундучках или столах и редко у кого они валяются по полкам. Я заметил, что чем нравственнее семья, тем больше в ней берегут и книжки. Если случалось встретить книжку с оборванными заглавными и последними листами, то всегда оказывалось, что это «батька» или старший брат... пьяный вырвал листы на «цигарки»... Но, нужно правду сказать, что такое варварское отношение к книгам — явление редкое. ...книга без заглавных листов, по образному выражению крестьянина, все равно, что корова без рогов»¹⁴.

Реклама «волшебных фонарей». «Вестник Новгородского земства». 1901 г. № 1. С. 55.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Новгородской области. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2048. Л. 7.

² Там же. Д. 2050. Л. 1 об. 2.

³ Вестник Новгородского земства. 1901. № 3. С. 56–60.

⁴ Там же. № 15. С. 12–14.

⁵ Там же. № 9. С. 20.

⁶ Там же. № 6. С. 18.

⁷ Там же. № 11. С. 9.

⁸ Там же. С. 10–11.

⁹ Там же. № 16. С. 23.

¹⁰ Там же. № 9. С. 15.

¹¹ Там же.

¹² Там же. № 13. С. 15.

¹³ Там же. № 8. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 8, 25, 30, 31.

«ОХРАНЕНИЕ НАРОДНОГО ЗДРАВЬЯ И ОБЩЕГО БЛАГА...»

Из истории здравоохранения в Новгороде
1880—1912 гг.

(По документам фонда Новгородской городской управы
Государственного архива Новгородской области)

Среди многочисленных забот Новгородской городской управы¹, определенных «Городовым положением» 1870 года, важнейшим было попечение о народном здравии горожан.

Первым шагом в этом направлении было учреждение в августе 1872 года министерством внутренних дел в Новгороде должности городского врача «для исполнения обязанностей медико-полицейских и судебно-медицинских».

Старший ординатор местного военного госпиталя Александр Степанович (Стефанович) Алексеевский был назначен на эту должность. Помимо исполнения основных обязанностей, связанных с судебно-полицейской частью, он заведовал больничным отделением при городской богадельне и вел здесь амбулаторный прием больных, посещал больных на дому, а также «подавал медицинскую помощь заболевшим в городских богоугодных заведениях,... нижним пожарным и полицейским чинам и исполнял поручения по медицинской части как городской управы, так и врачебного отделения Новгородского губернского правления».

На содержание городского врача из средств городского бюджета изначально назначались 50 рублей, ровно столько получал и секретарь управы. С увеличением числа обязанностей врача росло и его денежное содержание, которое в 1895 году составляло уже 840 рублей, причем 200 рублей — из обязательных расходных статей, остальные — из необязательных — «за исполнение обязанностей по медицинской части по поручению управы».

В помощь Алексеевскому в 1876 году был назначен фельдшер «для судебно-медицинских исследований и вскрытия трупов». Поскольку «надобность в фельдшере прямо относилась к потребностям города», городская управа, по настоятельной рекомендации губернатора, определила денежное пособие фельдшеру из своего бюджета.

Городовой врач контролировал «санитарную часть Новгорода» — руководил санитарными осмотрами города, определял качество съестных продуктов,

следил за проведением дезинфекций и санитарно-профилактических мероприятий, в том числе противооспенных прививок. Прививочный материал — противооспенную лимфу — приобретал в Санкт-Петербургском воспитательном доме кто-либо из членов городской управы. Обычно за покупкой командировался городской оспопрививатель. После приобретения сыворотки полицейское управление Новгорода, по просьбе управы, «в наиболее видных местах города» вывешивало объявления о проведении прививок: как детям, так и взрослым. Оспопрививание проводилось бесплатно на дому, при наличии вакцины, ежедневно, в строго определенные часы.

Врачебное отделение Новгородского губернского правления оповещало городскую управу о вспышке в Новгороде какого-либо инфекционного заболевания — холеры, тифа и прочих «прилипчивых болезней». В письме врачебного отделения от 11

июля 1875 года Алексеевский уведомлялся, что в городе имелись случаи заболевания холерой, а именно: «в холерное отделение госпиталя приняты на пользование рядовые... с характеристическими припадками холеры в состоянии тяжелом и сомнительном к выздоровлению...». В тяжелом состоянии поступил в отделение купец, причиной болезни которого было «обременение желудка печенкой, купленной у тор-

Объявление.

Въ дополнение къ объявлению отъ 23 прошлаго Марта отъ Новгородской Городской Управы сямъ объявляется г.г. домовладѣльцамъ г. Новгорода, что, согласно постановленію Санитарнаго Совѣта въ теченіи Апрѣля и первой половины Мая сего года будетъ производиться санитарными поличителями осмотры дворовъ, выгребныхъ и помойныхъ ямъ, для очистки коихъ онѣмъ срочный срокъ назначается 15 Мая сего года.

Объявляя о семъ, Городская Управа покорѣйше просить г.г. домовладѣльцевъ озаботиться очисткою означенныхъ мѣстъ къ указанному сроку, для предупрежденія возможности появленія холеры.

И. д. Городского Головы *Ст. Петровъ.*

Членъ Управы *Влад. Сидоровъ.*

Городской Секретарь *А. Левинтъ.*

Печатать въздѣломъ Полицеймейстеръ Сердюковъ.
№ 362. Тип. П. И. Богдановича.

Обязательные постановления и объявления
новгородского губернатора, городского головы
о медико-санитарных мероприятиях в
Новгороде? . 1905 г. ГАНО. Ф. 104. Оп.1.
Д. 1240. Л. 128, 129, 130

¹ Исполнительный орган городского самоуправления в России в XIX в.

² См. страницы 51, 52, 53 соответственно.

гующих около казарм женщин разными продуктами». Такое письмо было сигналом для городской управы и, прежде всего, городского врача, о проведении экстренных мер против распространения болезни. Городовое полицейское управление обязывало домохозяев как можно чаще очищать отхожие места и помойные ямы, дезинфицировать их раствором карболовой кислоты или железного купороса, «воспретить накопление около жилых строений нечистот и хлама». Городовой врач должен был усилить медико-полицейский надзор, проверять качество продуктов, продаваемых «враздобръ» и следить за продажей различных «питий и яств». В обязательном порядке уничтожению подлежало непригодное для еды мясо: его обливали керосином и закапывали в землю в специально отведенном месте.

Вспышки эпидемических заболеваний в Новгороде в 1880–1890-е годы были частым явлением. Практически ежегодными были инфекционные заболевания, возникающие из-за нарушения санитарных и гигиенических правил. Так, весной 1882 года в городе возникла угроза эпидемии тифа. При появлении первых случаев заболевания городская управа оперативно подготовила на рассмотрение думы доклад «О принятии мер к предупреждению развития появившейся в Новгороде эпидемии», составленный на основе рекомендаций комиссии из

наиболее известных врачей Новгорода. В докладе сообщалось, что «хотя до настоящего времени тиф, благодаря Господу Богу, ограничивался единичными случаями, но, с появлением весеннего времени, при отсутствии энергичных мер к предупреждению развития болезни, всякая эпидемия может угрожать серьезным бедствием». В числе предложенных санитарных и противоэпидемических мер были следующие:

«- Пригласить всех жителей города, все учреждения гражданского и военного ведомств, через публикацию объявлений, немедленно озаботиться чистотою ретиральных мест, помойных ям, дворов от всяких нечистот, мусора и хлама и производить их дезинфекцию каждые две недели.

- Определить места для сваливания нечистот.

- Решительно запретить свозки нечистот в другие места. Нарушивший это правило, независимо от взыскания, которое будет определено мировым судьей на основании Указа о наказаниях, обязан был навести порядок и вывезти нечистоты в место свалки...

- Наблюдать за доброкачественностью продуктов...

- Для наблюдения за заболевающими тифом и своевременным поданием им медицинской помощи, преимущественно в бедном классе обывателей города, разделить Новгород

на шесть санитарных участков, в пределах тех районов, которые определены для помощников полицейских приставов. В каждый из шести пригласить по два попечителя из гг. гласных городской думы ...».

Санитарные попечители «по получении заявлений от жителей или по личным дознаниям их самих о каждом заболевшем тифом» сообщали помощнику пристава или в полицейский участок для приглашения врача, который в свою очередь «определял род болезни и оказывал больному первоначальное медицинское пособие».

Кроме этого, попечители должны были сообщать «о дурном содержании помещений и дурном качестве продуктов». Из полицейской части, за счет городской казны отпускался «недостаточным людям, по удостоверению попечителей о их бедности» материал для дезинфекции — негашеную известь, карболовую кислоту, хлористую известь и скипидар. Давались рекомендации жителям города о самостоятельном проведении дезобработки помещений, белья, одежды.

Заболевших определяли в специально подготовленные помещения — барак при городской общественной богадельне и отделение для детей.

Для перевозки больных, «в виду сохранения народного здоровья и общего блага», привлекались городские извозчики, устраи-

вались ночные дежурства. Оплачивалась транспортировка заболевших бедных обывателей из городской казны. В ночное время больных отвозили на лошадях городской пожарной команды по первому требованию попечителей, врачей или полицейских чиновников.

Городовому врачу поручалось «озаботиться заготовлением по выгодной цене необходимых медикаментов» в Петербурге или в местных аптеках.

Городское общественное управление обращалось ко всем врачам города «с покорнейшей просьбой — оказать бесплатную помощь бедным жителям, заболевшим тифом».

Городская управа устраивала в период эпидемий «народные дешевые столовые, в которых ежедневно, в определенное время отпускались обеды из 2-х блюд за 3 копейки и чай с куском сахара за 1 копейку». А в наиболее людных местах города, при трактирах в торговые и базарные дни выставлялись чаны и бочки с кипяченой водой. Кроме того, «лицам бедного класса ... занимавшим подвальные или другие помещения, где обнаруживались ... больные, и в которых по заявлению врачей, не могло быть допущено дальнейшего пребывания жильцов, доставлялся временной приют в помещениях, нанимаемых управою, или таким

ОБЪЯВЛЕНИЕ

НОВГОРОДСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ.

Въ виду возможности появления у насъ въ городѣ холерной эпидеміи Городская Управа обращается къ гражданамъ города съ просьбою оказать ей помощь въ дѣлѣ предупрежденія появления и развитія этой болѣзни.

Для сего граждане города приглашаются прежде всего немедленно приступить къ очисткѣ въ предѣлахъ своихъ владѣній: улицъ, дворовъ, выгребныхъ и помойныхъ ямъ съ отвозкою нечистотъ на городскія свалочныя мѣста. Повѣрка и осмотръ дворовъ будутъ затѣмъ произведены въ непродолжительномъ времени санитарными попечителями, причемъ Управа считаетъ долгомъ присовокупить, что очистка дворовъ несправныхъ домовладѣльцевъ, не подчиняющихся предъявляемымъ въ нихъ законнымъ требованіямъ, будетъ произведена за нихъ, владѣльцевъ, съчетъ распоряженіемъ Управы.

23 Марта 1905 года. г. Новгородъ.

лицам выдавались денежные пособия, для найма квартир»³.

В 1890-годы в Новгороде санитарный надзор осуществляли, наряду с членами управы и городовым врачом, санитарно-исполнительная думская комиссия из 19 гласных и санитарные попечители. При угрозе эпидемии действовать начинали непременно члены санитарного совета: губернский врачебный инспектор, санитарный врач губернского земства, городской врач, полицмейстер, городской голова и члены городской управы.

При отсутствии до 1899 года в городе водопровода, комиссии и попечители особенно ответственно контролировали качество воды. Они проводили осмотры водокачки, всех водоприемных и сточных труб городских бань, пивоваренного завода и колодцев. Принимались меры к улучшению качества питьевой воды. Было установлено обязательство для водовозов: «...брать воду из водокачалки, а для водоносок — на специально устроенных... плотах, поставленных подальше от берега и выше тех мест, где производится полоскание белья», снижалась плата с двух копеек до одной за сорокавердную бочку воды. Во всех городских начальных училищах устанавливались фильтры для очистки воды, рекомендовалось использовать только кипяченую воду. При осмотре различных пищевых лавок выявлялись некоторые, где «чистота оказывалась сомнительной» и

тогда, по рекомендации комиссии, владельцы их привлекались полицией к ответственности.

В связи с угрозой появления и распространения холеры, летом 1892 года городская управа получила кредит на устройство двух больничных помещений на Торговой и Софийской стороне Новгорода. Профилактические и предупредительные меры для «своевременного приведения города в порядок в санитарном отношении» имели положительный результат: в отчете городской управы указывалось, что «благодаря бога на этот раз Новгороду не пришлось испытать тех тяжелых последствий, которые влечет за собой посещение этой незваной гостьи» — эпидемии холеры.

После смерти А.С. Алексеевского все обязанности по медицинской части временно, по приглашению управы, исполнял доктор Моисей Филиппович Рабинович. Именно он в 1895

году грамотно и своевременно провел противоэпидемические мероприятия по предотвращению распространения в Новгороде тифа.

Городская дума в конце 1890-х годов изыскивала средства для введения дополнительной врачебной должности, чтобы «в интересах развития средств врачебной помощи местному населению разграничить обязанности городского и городского врача». В 1897 году дума признала необходимым иметь на службе городского управления отдельно думского врача, «служащего всецело нуждам города», и врача городского, который бы по-прежнему исполнял санитарно-полицейские функции: организовывал медицинские осмотры служащих, надзор за проституцией, оказывал медицинскую помощь арестантам и пр.

Доктор М.Ф. Рабинович с декабря 1897 года был утвержден в должности думского врача с ежегодным содержанием в 1200 рублей. На должность городского врача, жалование которого составляло лишь 200 рублей в год, управа не могла найти подходящей кандидатуры. Вопрос о введении должности городского врача вновь поднимался в думе в 1903 году. «Недостатком городских средств» оправдывала дума невыполнение этого пожелания и то, что доктор М.Ф. Рабинович справлялся со своими многочисленными обязанностями, объясняла «благодаря счастливой случайности: женщина-врач Александра

Абрамовна Рабинович помогает мужу по приему больных в городской амбулатории».

Наконец, в 1908 году губернатором был утвержден на должность городского врача старший врач Новгородской земской больницы, лекарь, статский советник Николай Григорьевич Чакалев. Ежегодное содержание его в 1000 рублей складывалось из суммы в 400 рублей от городского управления, 200 рублей от тюремного комитета и 400 — «из средств казны».

Все санитарно-медицинские обязанности, а именно: медицинская помощь бедным гражданам на дому, заболевшим нижним чинам пожарной и полицейской команд, надзор за санитарной частью, посещение и осмотр городских училищ и школ, торгово-промышленных заведений распределялись между врачами по территориям. М.Ф. Рабинович отвечал за Торговую часть города, Н.Г. Чакалев — за Софийскую, за последним были также закреплены все освидетельствования по судебно-медицинской части.

В ведении городского врача находились родильные приюты Новгорода. Так, в 1881 году врачебное отделение губернского правления запрашивало городскую управу о правомоч-

Составлены Новгородскою Городскою Думою для местных жителей, согласно пунктам 2, 7, 8 и 9 ст. 108 Гор. Пол. 1892 года, и изданы мною, на основании 110 ст. того-же Положения, в порядке, определенном статьею 424 т. II Свода Закон., Общ. Учр. Губ., изд. 1892 г.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

дополняющее собою некоторые параграфы существующих по городу Новгороду обязательных постановлений.

§ 1. Время приезда в город и выезда из него частных лиц, занимающихся очисткою и вывозом нечистоты из ретираторов и помойных ям, определяется, в течение года, с 11 часов вечера до 5 часов утра.

§ 2. Мости улицы, площади и тротуары дозволяется не ходить 9-ти часов утра и не ранее 9-ти часов вечера.

§ 3. Вытирание и чистка мебели, ковров, платья и т. п. на тротуарах, улицах и площадях воспрещается.

Примечание. Исключение из этого правила допускается для лиц, живущих в квартирах домов, не имеющих дворов; но, во всяком случае, вытирание и чистка указанных предметов может производиться лишь в час, определенный § 2-м сего постановления.

§ 4. Воспрещается горюющим в рыночном рынке сыскать грязную воду из чанов на мостовую; таковая вода должна выливаться в размытый, находящийся в рынке.

§ 5. Частным лицам и общественным учреждениям воспрещается устройство полотельных колодцев, с отводными из них трубами из ретираторов и ватерклозетов, а существующие ныне таковые колодцы должны быть уничтожены.

§ 6. Открытие и существование мастерских и ремесленных заведений, ночлежных приютов, будочных, пекарен, барачных, гостиниц, трактиров, постоялых дворов, меблированных комнат и т. п. разрешается лишь в помещениях, соответствующих изданным для тех заведений обязательным постановлениям.

§ 7. Воспрещается владельцам торгово-промышленных заведений закрывать отпущенные покупателям съестные припасы в бумагу испанскую, печатную, вообще, бышую уже в употреблении.

§ 8. Из будочных, кондитерских и хлебобулочных работ, во время работ, обязан иметь на головках белые чистые колпаки.

³ Справедливо будет отметить, что эти благие пожелания думы оставались только на бумаге. Документы, подтверждающие переселение семей из трущоб в благополучные дома автору не встретились.

ности деятельности приемного покоя для «секретных» роженниц при квартире повивальной бабки Ярославцевой. Оказалось, что этот приемный покой «для не имеющих пристанища родильниц» был открыт в 1878 году, согласно постановлению думы, поскольку действовавший при земской больнице родильный приют был закрыт двумя годами ранее. Получала Ярославцева от городской управы на содержание приюта 84 рубля в год. Другой городской повивальной бабке Петровой управа назначила только 28 рублей.

Бесплатный родильный городской приют, которым заведовала акушерка Васильева, действовал на Торговой стороне в 1887 году. Сведения о числе роженниц направлялись городскому врачу. Сохранились записи 1886 года на 12 безымянных роженниц, в том числе и такие: «...неизвестная, родила дочь, взяла с собой; неизвестная, родила сына, отправлен в Санкт-Петербургский Императорский воспитательный дом».

На средства города в 1890-е годы содержались два родильных покоя, на две кровати каждый. Число роженниц ежегодно не превышало 50. Например, в медицинском отчете за 1896 год, было записано: «на Софийской стороне — 28 роженниц, родилось 16 мальчиков, 11 девочек, и 1 мертворожденный ребенок; на Торговой стороне — 22 роженницы, 14 мальчиков, 7 девочек и 2 мертворожденных». Несколько раньше, в 1894 году, дума озабочилась устройством в городе родильного приюта. Управа и городской врач, возглавивший деятельность специальной подготовительной комиссии, пришли к заключению, что «дело это настоятельно требует коренного преобразования и должно быть правильно и хорошо обставлено ради той высокой человеколюбивой цели, для которой устраиваются родильные приюты». Общество новгородских врачей составило проект устава приюта, приняло на себя организацию всего дела, в том числе обязанности по заведованию приютом и «бесплатную подачу акушерской помощи роженницам». Все расходы по содержанию приюта взяла на себя городская дума — 450 рублей на «первоначальное обзаведение и 1600 — на ежегодное содержание». Предполагалось поступление пожертвований от частных лиц. Уже в отчете управы за 1894 год значилось: «Озабочиваясь успехом дела и привлечением частной благотворительности к жертвованиям вещами на обзаведение инвентаря, городской голова, благодаря сочувственному отношению местного дамского общества к основанию этого человеколюбивого учреждения, получил уже несколько пожертвований бельем и предметами

комнатной обстановки». В течение последующих лет длилась переписка по поводу утверждения устава приюта, в том числе тех положений, которые определяли порядок надзора за его деятельностью.

В апреле 1897 года при участии городского управления и помощи частных пожертвований был открыт родильный приют. Первоначально он располагался в наемном, «более чем скромном помещении», на четыре кровати. Заведование приютом было поручено особому хозяйственному комитету, избираемому Обществом врачей Новгородской губернии. В состав комитета входили три врача-акушера: Николай Евгеньевич Грешинцев (председатель хозяйственного комитета), Александр Абрамовна Рабинович и заведующая приютом — Мария Алексеевна Полетаева, сорока двух лет, «происхождением из духовного звания». В Новгороде она занималась частной практикой и работала в земстве.

Городской голова уведомлял губернатора о том, что деятельность приюта «с каждым годом прогрессивно увеличивается и одновременно растет доверие к нему местного общества, что вполне можно подтвердить следующими цифрами: в

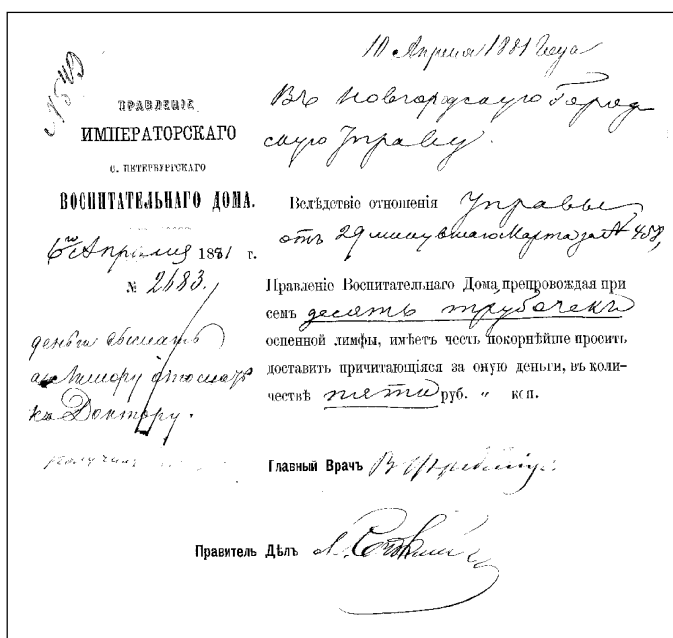
1897 году ... его услугами воспользовались 92 женщины, а в 1901- за помощью уже обращались 345 женщин. Такой успех ... в развитии учреждения во многом обязан постоянной энергии и труду госпожи Полетаевой». Городская дума неоднократно выражала заведующей свою благодарность, особенно подчеркивая ее непосредственное участие в организации приюта.

В 1902 году, по ходатайству городского головы и Общества врачей Новгородской губернии М.А. Полетаева, была представлена к Высочайшей награде. Губернатор уведомлял управу, что государь император «...пожаловал заведующей родильным приютом

женщине-врачу Марии Полетаевой золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте».

В 1905 году приют был переведен в собственный дом и развернут на 10 кроватей, а годом ранее заведование им принял Н.Г. Чакалев, вместе с которым трудились А.М. Марголин, О.В. Передольская, Н.Е. Грешинцев. Все врачи в приюте со дня его основания работали безвозмездно.

В отчете родильного приюта за 1907 год значились такие статистические данные: «общее число родильниц — 426..., среднее ежедневное число занятых кроватей — 5,8... Иногда число родильниц доходило до 11 человек и являлась надобность в подставных кроватях. Бывшая тогда теснота заметно изменяла к худшему гигиенические условия... больничный день

Уведомление СПб Императорского воспитательного дома в Новгородскую городскую управу об оплате прививочного материала. 6 апр. 1881 г. ГАНУ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 435. Л. 3

обошелся в 1 руб. 15 коп.». Ежемесячно поступало 35 родильниц, среди которых были крестьянки (237), мещанки (95), «жены нижних чинов и служащих при полиции (39), жены дворян (10), чиновников (13), торговцев и почетных граждан (2), врачей и фельдшеров (11), железнодорожных служащих (14). Общее число новорожденных — 417, из них мальчиков — 232, девочек — 185, мертворожденных — 14, умерших после рождения — 2. Операций было произведено 16».

Содержался приют на совместные средства Новгородской городской управы (1600 рублей), Новгородского губернского земства (300 рублей), Новгородской железной дороги (100 рублей), Новгородского соединенного клуба (50 рублей). Были и частные пожертвования. Например, поступили от О.Г. Стальной — детские пеленки и простыни, от Екатерининской общины — полотенца. Кроме того, некоторый доход приносили кружечные сборы, пожертвования, плата от родильниц за отдельную комнату, проценты с капитала докторов Марголиса и Мелентьева (4,5 с 1000 рублей); небольшие деньги поступали за траву и ягоды из сада приюта, которые, очевидно, шли на продажу. Расходы приюта складывались из жалования двум акушеркам, прачке и кухарке, пищевого довольствия и наградных прислуге, трат на медикаменты и перевязочные материалы, ремонт, отопление, освещение и другие мелкие расходы.

В январе 1896 года городское управление «выразило желание прийти на помощь земству» в строительстве инфекционной больницы для острозаразных больных на 40–46 кроватей и согласилось купить на свои средства землю под строительство такой больницы. Сначала управа выбрала участок при городской богадельне. Но он был мал и неудобен для размещения больничных построек и препятствовал амбулаторному обслуживанию больных при богадельне. Наиболее подходящим оказался участок на Софийской стороне, на месте, занятом казармой ведомства путей сообщения, на углу Яковлевской улицы и набережной Волхова. Уже летом этого же года город купил его за 2000 рублей и передал в ведение земству.

Городское управление Новгорода в начале XX века рассматривало заботу о народном здравии как «участие в мероприятиях по охранению народного здравия, развитие средств врачебной помощи городскому населению, изыскание средств к улучшению местных условий в санитарном отношении, предупреждение и пресечение падежа скота».

На постройку больницы у городского управления не было средств. В 1900-е годы в Новгороде действовали городская амбулатория на Торговой стороне и больничное отделение при городской богадельне, заведующим которых был М.Ф. Рабинович. Он вел ежедневно (с 9 до 12, кроме семи праздничных дней) приемы больных: платные, за пять копеек, и бесплатные. За день амбулаторию посещали от 35 до 106 больных. Общее число амбулаторных и посещаемых думским врачом на дому заболевших в 1909 году составило 8481. Основными пользователями амбулатории были мещане, а также «трудовой рабочий класс населения», проживавшие по большей части на Торговой стороне; 16 % посетителей — крестьяне из близлежащих деревень. В отношении возраста больных «замечалось большое разнообразие, начиная с трех-

Въ видахъ охраненія народнаго здравія и предупрежденія распространенія въ населеніи приличивыхъ и заразныхъ болѣзней, а главнымъ образомъ — болѣзней сифилиса, имѣющей гибельныя послѣдствія, Городская Управа на основаніи постановленія Городской Думы 23 Января 1903 года, вновь подтвержденнаго 24 Апрѣля сего года, покорнѣйше проситъ владѣльцевъ нижеуказанныхъ торгово-промышленныхъ заведеній г. Новгорода **ПОДВЕРГАТЬ СВОИХЪ СЛУЖАЩИХЪ ПЕРИОДИЧЕСКИМЪ ОСМОТРАМЪ**, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, какъ это уже практиковалось съ достаточнымъ успѣхомъ въ 1898 и 1899 годахъ въ г. Новгородѣ.

Въ то время нѣкоторые владѣльцы заведеній находили болѣе целесообразнымъ, по своему усмотрѣнію и по взаимному съ врачами соглашенію, приглашать для сихъ осмотровъ г. г. врачей къ себѣ въ заведеніе, другіе же посылали своихъ служащихъ **ВЪ ГОРОДСКУЮ АМБУЛАТОРІЮ**, гдѣ осмотры и нынѣ будутъ производиться думскимъ врачомъ **БЕЗПЛАТНО**.

Городская Дума, не желая въ достиженіи намѣченной цѣли прибѣгать къ какимъ либо сѣнительнымъ мѣрамъ и не давая поэтому для указанныхъ осмотровъ проектированнаго ранѣе обязательнаго постановленія, **ПОСТАНОВИЛА** сохранить прежній порядокъ осмотра служащихъ въ гостиницахъ, трактирахъ, закусокныхъ, чайныхъ, портнерныхъ, хлѣбныхъ куреняхъ, булочныхъ, колбасныхъ и торговыхъ баняхъ, о чемъ и доводится до свѣдѣнія г. г. владѣльцевъ этихъ заведеній

Для записи г. г. врачей о произведенныхъ ими медицинскихъ осмотрахъ Управою по прежнему будутъ выдаваться владѣльцамъ заведеній особыя книжки (тетради) стоимостью по 10 коп.

2 Декабря 1908 г.

Городской Голова **А. Соловьевъ.**

Членъ Управы **Влад. Сидоровъ.**

Секретарь **А. Левиттъ.**

Объявление новгородской городской управы о проведении регулярных медицинских осмотров рабочих и служащих торговых и промышленных учреждений. 2 декабря 1908 г. ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1322. Л. 9

дневного ребенка и кончая 95-летним старцем. Наибольший процент давали больные в возрасте между 15 и 20 годами (13%). Городские обыватели обращались в амбулаторию при заболеваниях органов пищеварения (30,5%), дыхания (11,6%), кожных (11,4%), а также с общими заразными заболеваниями — гриппом, корью, скарлатиной, рожей и др. При необходимости проведения некоторых «оперативных пособий», в том числе лечения ран, наложении повязок, переломов и вывихов, помощь врачу оказывали фельдшер и фельдшерские ученики. «В довольно солидных размерах» производился, по указаниям думского врача, лечебный массаж, «как метод самостоятельного и последовательного лечения при невралгиях и травматических повреждениях». Фельдшер амбулатории занимался также приготовлением лекарств по рецептам врача.

В отделении для больных-хроников при городской богадельне находились «лица мещанского сословия, в редких случаях пользовались лица крестьянского и дворянского сословия из среды наибеднейших городских обывателей». В отделении было всего 24 кровати и число больных не превышало 40 человек, две палаты занимали мужчины и три — женщины. В отделение «поступали больные неизлечимые, слабые, в некоторых случаях за несколько дней, а иногда и нес-

колько часов до смерти. Нередко доставлялись в отделение родственниками с целью избавить себя от расходов на погребение».

Городской голова А.А. Соловьев, оценивая деятельность медицинской части городского управления, замечал, что «если город все-таки удовлетворяет в значительной мере требованию обывателей по оказанию им медицинской помощи..., то основная заслуга в этом принадлежит неутомимой деятельности думского врача М.Ф. Рабиновича... Доктор Рабинович не только сам работает со всей энергией, но привлек к работе в пользу города безмездных сотрудников, как по медицинской, так и по санитарной деятельности». Золотая нагрудная медаль на Аннинской ленте была пожалована за безвозмездную службу по народному здравью А.А. Рабинович, верному соратнику и жене думского врача. Также «безмездно» трудился здесь доктор-дантист С.М. Каплан.

На 1909 год в ведении доктора Н.Г. Чакалева находились родильный приют, больница тюремная, а также «бесплатное пользование в Николаевском детском приюте и втором городском 4-классном училище». Кроме того, он вел амбулаторный прием больных на своей квартире и посещал больных на дому. К медико-полицейским обязанностям городского врача по-прежнему относился медицинский осмотр арестантов в тюрьме и «жриц» дома терпимости, который был открыт в Новгороде в 1907 году «на 10 штатных проституток». «В действительности их весь год было от 5 до 8. Из них 4 заболели и выбыли из дома...», — сообщал городской врач в очередном отчете за 1908 год.

По мнению Чакалева, «в обыкновенное время вне всякой эпидемии, медицинская помощь населению в Новгороде ... не встречает никаких затруднений, кроме недостатка кроватей для больничного лечения».

В 1900-е годы в городе работали две частные аптеки, три аптекарских магазина, больницы: земская, эпидемическая, детская, городская при богадельне и психиатрическая. Действовали и так называемые «собственные больницы» — при тюрьме, духовном училище, духовной семинарии и мужской гимназии. Медицинскую помощь оказывали практикующие врачи гражданских и военного ведомств. На 1909 год в Новгороде насчитывалось, помимо городского и думского, более двадцати врачей, среди которых Виктор Григорьевич Мандельштам, Александр Васильевич Малинин, Сергей Павлович Георгиевский, Александр Герасимович Куркутов, Павел Александрович Добрадин, Ольга Васильевна Передольская, Абрам Моисеевич Марголин, Михаил Иванович Добров, Николай Евгеньевич Гришищев, Евгений Иванович Лебедев, Константин Августович Варнк и другие.

Из медицинского отчета городского врача за 1909 год следовало, что «шесть новгородских амбулаторных покоев... прекрасно работают с отпуском даровых лекарств и с десятками тысяч посещений в год, так, что на каждого жителя города приходится не менее 1,5-2-х посещений. Амбулаторные обставлены вполне достаточно для обыденной практики».

Особое место в деятельности городского и думского врачей занимали санитарные обязанности. К ним относились осмотр пищевых продуктов, привозимых на рынок в базарные дни, периодические и экстренные осмотры лавок со съестными припасами, гостиниц, трактиров, чайных, торго-

промышленных заведений, дворов, бань, выгребных ям, а также наблюдение за санитарным состоянием городских приходских школ.

Осмотры пищевых продуктов и продуктовых лавок производились совместно с городским или иным чиновником полиции. Доктор Чакалев в отчете за 1908 год подчеркивал, что им «производились освидетельствования отдельных продуктов на предмет их доброкачественности (селедок, булок, квасу) и одно микроскопическое обследование пшена, которое оказалось подкрашенным растительным маслом». По результатам его проверок в течение года были выписаны 70 полицейских протоколов о взыскании штрафов от 3 до 50 рублей и о наказаниях «высидкой» от трех до шести дней.

Несмотря на достаточно строгие санитарные правила торговли, выявлялись, например, такие нарушения на рынках города: «покупательницы нередко пробовали молоко прикладыванием горлышка бутылки к губам, сметану и масло — пальцем. Точно также, вопреки распоряжению городской управы, начертанному большими буквами на павильоне молочной горки, торговли расставляли на мостовую молочные продукты, избегая производить продажу их в назначенном для этой цели безвозмездно деревянном павильоне». Подконтрольными думскому врачу были рыбная площадь и четыре городских бани.

При выявлении «санитарных упущений» составлялись полицейские протоколы, и устанавливался срок для устранения замечаний. Были случаи, когда на рассмотрение думского врача передавались прошения о проверке санитарного состояния некоторых городских учреждений, например, булочных, и условий труда рабочих в них. Так, в 1906 году от председателя Новгородского общества булочников Алексея Баранова поступило заявление в городскую санитарную комиссию с просьбой осмотреть некоторые булочные и пекарни города и нерадивых хозяев привлечь к ответственности за неисправление указанных ранее санитарных недостатков. В числе таких назывались булочные Пантелеева и Федора Романова на Чудинской улице, Андрея Иванова на Петербургской, где «худое кушанье, в прибавку с тараканами», необорудованные спальные места для пекарей — «мастер спит у печки, где работают булки, ситный и хлеб», а «спальню для рабочих топят раз в неделю», и рабочие спят на полу.

При серьезных нарушениях санитарных правил врачи, члены санитарных комиссий и санитарные попечители обращались непосредственно к мировому судье для привлечения виновных к наказанию. Например, летом 1910 года в суде рассматривались дела «по обвинению полицейско-санитарного надзора домовладельца Н.А. Леонтьева (Газон) в грязном содержании площади против гостиницы «Москва» и владелицы булочной г-жи Круминь (Московская) в продаже хлеба с запеченными тараканами. Первый был присужден к штрафу в пять рублей, а вторая — в 20», о чем доводилось до сведения думского врача М.Ф. Рабиновича.

Очевидно, что закон был суров к нарушителям санитарных и гигиенических норм, но этого, по мнению доктора Чакалева, было недостаточно, чтобы «уничтожить бросающиеся в глаза неряшливость и лень до неуважения к самому делу. Будь то лавка, или трактир, или постоянный двор все равно — грязное белье, неубранные столы, ...обросшие жиром

деревянные кадки с селедками, способ мытья посуды почему-то всегда в полутемном углу и проч. и проч. до грязных фартуков на рабочих в пекарнях и колбасных».

Не всегда с должным уважением домовладельцы принимали проверки санитарных попечителей и комиссий. Пришлось столкнуться с «крайне грубым приемом домовладельца, содержателя лавки ... и кладовой комнаты» Василия Копылова, который «...продолжал глумиться» над санитарными попечителями В.А. Подобедовым и И.Я. Яковлевым при проверке его и соседних дворов, и «поведение его носило угрожающий характер». После этой проверки оба санитарных попечителя просили городскую управу ради «поддержания авторитета попечителей» рассмотреть безобразное поведение Копылова и привлечь его к законной ответственности.

Заботами М.Ф. Рабиновича в 1908 году в Новгороде был учрежден «институт санитарных попечительств», вместо существовавших разрозненных санитарных участковых попечителей, назначаемых управой из числа домовладельцев. Обосновывая организацию санитарных попечительств, думский врач писал: «...Улучшение гигиенических условий города важно не для одних домовладельцев, составляющих не более 1/20 части населения города, но важно для всех жителей... оно должно стать предметом для всех обывателей. Этому требованию может удовлетворять учреждение таких санитарных местных попечительств, в которых местные санитарные условия и мероприятия обсуждаются возможно большим кругом жителей участка при участии специалистов — врачей...». По новому положению участковые санитарные попечители, знакомясь с санитарным состоянием своего участка, «приглашали обывателей путем убеждения и нравственного влияния к правильному и сознательному выполнению санитарных мер». Санитарные попечительства проверяли содержание домов, дворов, торговых и промышленных заведений, мест общественного пользования. Кроме того, санитарные попечительства изыскивали «материальные средства в случае необходимости оказать помощь бедному населению, когда бедность его является причиной возникновения и развития заразных заболеваний». Рекомендовался сбор материальных средств — взносов для использования их при проведении санитарных и противоэпидемических мероприятий. Обо всех санитарных «нуждах и недостатках общего характера» участковые попечители сообщали в городскую думу через санитарный совет, который формировался из состава председателей, избранных на участках.

В 1913 году правление Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова обращалось в городские управы, в том числе и в Новгородскую, о предоставлении сведений по специальной программе-анкете «О положении врачебно-санитарного дела в городе» для публикации и подготовки Всероссийской гигиенической выставки в Санкт-Петербурге. В «Кратких сведениях городской врачебной части по Новгороду на 1912 год» было записано:

- « - число жителей в Новгороде — 26.705;
- врачебная помощь оказывается в амбулатории, основанной в 1898 году;
- городских лечебных заведений, кроме амбулатории, не имеется. Есть больничное отделение при городской богадельне для призрения хронических больных;
- есть родильный приют, в 1912 году рожениц было 477;
- больничное отделение при городской богадельне на 24 койки;
- 2 богадельни: городская и Таировская, соответственно на 55 человек и на 25;
- медицинская помощь на дому оказывается двумя врачами;
- медицинская помощь городскому населению оказывается в земской больнице, причем субсидии и платы от города не оказываются;
- при амбулатории один фельдшер, массажистка и два и.о. фельдшерских ученика;
- у города не было своей вольной аптеки;
- нет губернской земской больницы;
- есть уездная земская больница на 75 коек;
- нет больниц фабрично-заводских, железнодорожных, общества врачей, еврейских, частных;
- действовала больница Красного Креста на 10 коек и военный госпиталь на 200 коек;
- скорой помощи — нет;
- ночное дежурство врачей не организовано;
- существует институт санитарных попечителей;
- первоначальная организация санитарных попечителей организована городской думой в 1892 году, видоизменена в 1908;
- санитарный надзор возложен на думского врача;
- карточная регистрация больных во всех больничных заведениях отсутствовала;
- ведется регистрация заразных больных;
- оспопрививание ведется думским врачом при помощи нанимаемых оспопрививателей;
- существует школьный санитарный надзор с 1898 года, возложен на думского и городского врача;
- Городское управление принимает во время эпидемий участие в санитарной деятельности, в том числе отпуск бесплатно бедному населению воды из городского водопровода, бесплатное оспопрививание за счет города, имеется дезкамера (формалиновая), пособие от города оказывается детской столовой при Доме трудолюбия...».

ОСНОВАНИЕ:

Государственный архив Новгородской области. Ф.104. Оп.1. Д.222, 241, 381, 432, 435, 453, 477, 691, 738, 813, 1240, 1244, 1278, 1333, 1361, 1474, 1689, 1802. Оп.3. Д.1440. Оп.6. Д.11, 12.

Галия НАСУРДИНОВА

КАРАТЕЛИ

(Отряд GFP-520)

Вот она, Ленинградская область, на немецкой трофейной карте, названная в Третьем Рейхе Ингерманландией¹. Это обширная территория, после войны из неё образовали три области: Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, ещё часть районов отошла к Калининской. Вся в изумрудной зелени лесов, бирюзовой лазури болот и озёр, смотрится не вполне знакомо из-за латинских букв и мелкого масштаба. Кроме городов, сёл здесь обозначены с дотошной кропотливостью детали окрестностей: маленькие хутора и разъезды, конторы, школы, музеев, мельницы, колодцы, родники, церкви, кладбища...

Синими стрелами прочерчены направления операций немецких армий, красными — Красных. Есть ещё особые значки «Р» и «К». Эти буквы соответственно указывают места дислокаций карательных* и партизанских отрядов. По этой карте хорошо видно, что против партизанских соединений выставлялись отнюдь не армейские части...

В южной и юго-западной части Ингерманландии значков «Р» видимо-невидимо, в близлежащих же к Новгороду и Ленинграду районах они крест-накрест перечёркнуты. Внизу сделаны приписки: такой-то партизанский отряд разбит тогда-то...

Карта эта принадлежала отделу 1Ц** (Абвергруппы) штаба 38-го армейского корпуса 18-й немецкой армии, который базировался в деревне Раглицы², что под Новгородом. И на ней-то как раз и видно всё жесточайшее противостояние воюющих сторон с сентября 1941 по сентябрь 1943 года³.

Южные районы оккупированной Ленинградской области тянулись от Приильмения, Старой Руссы, включая Поддорье, Холм, Великие Луки, Порхов, до Дедовичей, Дна. Лесные глубинки, болота, леса, бездорожье. Можно было во всём блеске хитроумных маневров развернуться, совершать дерзкие налёты, надежно спрятаться. Сама природа помогала. Поэтому в 1941–1942 годах наибольшего размаха партизанская борьба достигла здесь — южнее Старой

* Каратель переводится на немецкий язык *der Straf*. Но в приказах отдела 1Ц, как и в других немецких документах, выходивших на оккупированных территориях СССР, вводилось новое слово *der Karatel* для сохранения русской реалии и определения данного исторического времени.

** Отдел 1Ц — условное обозначение войсковой разведки и контрразведки управления «абвер-заграница» штаба 16 армии внутри немецких частей. Контактывал с различными разведывательными органами, не согласовывая с ними свою стратегию и тактику. В его служебной деятельности «зафиксированы» моменты провокации немецких военнослужащих, как офицеров, так и солдат...

УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР ПО НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Дело П. Тестова (ягд-команды-38),
дело А.Строганова, К. Самаренкова,
И. Виноградова, И. Морозова,
И. Лягченко ГФП-520.
Дело А. Рисса, В. Вечера, К. Григорьева ... (Шелонь-677).
Дело А. Друковского (410-й батальон) и другие.

ДЕЛО № 1/13361, 1/13378,

49632, 19271, 708067, Н-19094, 50508, 1/7187, 1/6995, 1/13364

Фото + документы

Руссы, по линии Дно — Дедовичи. Никому неведомая доселе Белебёлка звучала на высоких совещаниях штабов той и другой воюющих сторон, тиражировалась в донесениях и сводках. Радиоперехваты из Партизанского края, именуемые немцами просто «квадратами Белебёлки»⁴, круто оплачивались: радистам Вермахта сразу же полагался месячный отпуск домой, в Германию, на грудь — знак отличия, в руки — ценный подарок.

Здесь, в южных районах области, рождается Первый Партизанский край, Лесная республика, так называли эту свободную территорию в 1000 квадратных километров лесов, полей, лугов по берегам Полисти и Шелони. Жители 446 деревень и сёл вдохнули свободный воздух в тылу врага.

Фашистов сильно встревожило зарождение Партизанского края. В штабе 16-й армии группы «Север» организуется спецотдел по борьбе с партизанами. Создаётся особый тыловой штаб Корюк-584⁵. Он и разрабатывает десятки больших и малых карательных операций, которые следуют одна за другой под красивыми кодовыми названиями: «Рождественская», «Пасхальная», «Весенний сев», «Осень», «Омут», «Рысь»... Создаются карательные батальоны, крупные: составом в 1–3 тысячи человек, как, например, восточно-егерский батальон 667 «Шелонь», егерские 607-й, 608-й, восточный 668-й, набранные из бывших офицеров и солдат Красной Армии. Силы много, а распорядиться ею по-военному толково оказалось некому. Начальником штаба Корюк-584 назначается Ганс Давид Шенк⁶, в прошлом купец, призванный на интендантскую службу. Командиром «Шелони» становится Вернер Пауль Финдайзен⁷, также купец в прошлом. Они воюют с повстанцами по-армейски грубо, прямолинейно, выжигая огромные пространства огнём. Разбить полностью партизан не удаётся. После восемнадцатого наступления, когда каратели окружили чуть ли не каждое болото, когда началась тотальная прочёска лесов, уничтожение сёл и деревень, партизанские соединения отказались от бессмысленного противостояния, ушли в другие районы области, рассыпавшись на мелкие отряды... Чтобы потом с новой небывалой силой воспрянуть в следующих военных квадратах. На стыке Латвии, Белоруссии и России организуется новый мощный Край, который вошел в историю Великой Отечественной как Братский Партизанский⁸.

Полковник Шенк подаёт рапорт о разрешении создать ещё

два карательных батальона для полной очистки вверенной ему территории от партизан. Но получив этот документ, в штабе армии распорядились судьбой самого Шенка. Из служебной характеристики: «Не рекомендуется поручать ведение военных операций, в виду того, что не имеет специального военного образования. Использовать по мирному профилю».

Ганс Давид Шенк, разжалованный до майора, вновь отправляется на интендантскую службу. В 1944 году при освобождении Риги частями Красной Армии, он попадает в плен. Военным трибуналом по делу о злодеяниях немецких фашистских захватчиков осуждён на 25 лет тюремного заключения. В 1953 году, не отбыв положенного срока, освобождается по амнистии и уезжает на родину, в Западную Германию⁹.

ПРИШЛИТЕ МНЕ ЧЕЛОВЕКА ИЗ «КРИПО»

А теперь посмотрим на районы *севернее Новгорода*, густо насыщенные немецкими частями. Условия партизанской борьбы крайне тяжёлые: отборные немецкие войска нацелены на Ленинград. Партизанам приходилось действовать на землях, изрезанных шоссейными и железными дорогами, которые находились под особым присмотром, под особой охраной врага. Здесь пересекались зоны нескольких фронтов. Партизаны не имели такого широкого оперативного простора. Тактика, ум, расчёт, порою изворотливость, хитрость — всё бралось на вооружение, для выполнения очередной задачи: перехватить дорогу, взорвать склад, пустить под откос товарный состав. Чрезвычайно заманчиво было сосредоточить свои силы ещё в начале войны в деревнях и сёлах, однако немецкое командование, понимая стратегическое значение этой земли, сумело расположить в них десятки гарнизонов, разместило отдельные части полевой жандармерии и полиции, отчего партизаны лишились опоры на местное население. Им оставалось только пользоваться сёлами в глубинках. К концу 1943 года почти все волховские, мстинские и новгородские партизаны были разбиты врагом. Уцелевшие группы сумели пройти через линию фронта и присоединиться к своим.

Изучая следственные дела многочисленных судебных процессов о злодеяниях военных преступников, а также трофейные немецкие документы, я пришла к ещё одному выводу: в трагедии северных партизан сыграл свою роль один немаловажный фактор — создание немцами специального провокаторского отряда.

Командир 38-го армейского корпуса 18-й германской армии, генерал-лейтенант Генрих фон Шапун, просит письменное разрешение командования, находящегося в Пскове, на создание при вверенном ему корпусе специального разветвлённого отдела 1Ц, который смог бы организовать сильную провокаторскую школу. Именно её бойцам предстоит уничтожение подпольщиков, партизан, а также им будет поручено вылавливать людей так называемого «второго сорта» — евреев, цыган*.

* Уничтожение еврейского и цыганского населения вменялось в обязанность каждого карательного отряда. Этим претворялась в жизнь государственная политика Рейха о том, что данная территория «*Juden frei*» (свободна от евреев). На оккупированных землях Ленинградской области произведены крупные массовые уничтожения еврейского населения. В Старой Руссе истреблено более 2000 евреев, в Порхове — 1600, в Невеле, в районе Голубых дач — до 800, в Сольцах — более 500. (Найдено Г.Н.)

Почетный чекист СССР Василий Петрович Михеев и Галия Насурдинова в архиве КГБ по Новгородской области

На должность начальника отдела он рекомендует назначить офицера, знакомого ему по военной службе в Греции. Этот человек — штурмбанфюрер СС, фон Вакербарт. Новый отдел должен был курировать деятельность военно-полевых комендатур, полевой жандармерии, тайной полиции, части которых уже разместили по деревням, сёлам, посёлкам Новгородского, Батецкого, Маловишерского, Чудовского, Гатчинского районов¹⁰.

Детлев Леберехт Отто Эгон фон Вакербарт — выходец из богатой аристократической семьи, потомок старинного рода. Член нацистской партии с мая 1933 года. «Проявил себя как способный военный в Греции, где жёстко подавил народное восстание в горах. Выследил и уничтожил сильную афинскую партизанскую группу. Опытный контрразведчик, хладнокровный, хитроумно просчитывает предстоящие ходы противника, как блестящий шахматист, при этом неустанно совершенствуя самые разнообразные методы провокации...»¹¹. С такой служебной рекомендацией он переводится на службу под Новгород.

Именно фон Вакербарт становится одним из организаторов карательных действий на оккупированных территориях к северу и западу от Новгорода. Он инициатор создания отряда ГФП–520 и ягдкоманды–38**. По его замыслу, состав отрядов не должен превышать 300 человек, туда должны вербоваться физически выносливые люди из военнопленных или местных жителей.

«Надо выбирать тех, кто по тем или иным причинам возненавидел советскую власть. Можно выбирать и таких, которые под страхом смерти соглашаются служить Рейху. Можно пойти и третьим путём — купить: похвалой, лаской,

** Для подавления партизанского движения и усмирения, а также эвакуации мирного населения особая роль отводилась специальным службам ГФП (тайная полевая полиция), СС (охранные отряды), СД (служба безопасности). При каждой службе были сформированы карательные отряды или батальоны. Особой жестокостью отличались отряды 310, 407, 410, 510, действовавшие на оккупированной территории Ленинградской области, а также латвийские ягдкоманды 46, 138, 420... Приставка «ЯГД» к командам подчёркивала её охотничьи, истребительские функции.

лаской, деньгами, землёй, будущей хорошей жизнью. В каждом случае нужны индивидуальный подход, личная обработка каждого, его помыслов, чаяний. Только тогда мы сможем создать хороший провокаторский отряд для уничтожения партизан»¹², — это письменная инструкция, написанная фон Вакербартом для своих помощников.

Начальником отделения канцелярии назначается только что прибывший на Восточный фронт капитан, принц Бурхард, внук бывшего германского императора Вильгельма II. Итак, молодой отпрыск Гогенцоллернов начинает определять кадровую политику отдела 1Ц. Он настойчиво советует Вакербарту, используя высокие берлинские связи именитого рода, выписать из Германии человека из «крипо», так называли людей, работающих в криминальной полиции. Вот такому лицу и надо поручить работу комиссара отдела 1Ц. Такой специалист в немецкой столице нашёлся.

Франц Шлехтецкий. До прихода Гитлера он отбывал наказания в тюрьмах по различным уголовным статьям: взломы сейфов в банках, грабёж ювелирных магазинов, частных вилл с похищением произведений искусства, угоны товарных вагонов — вот неполный перечень его громких преступлений.

С приходом к власти Адольфа Гитлера он «одумался и отрёкся от своего тёмного прошлого». Вступил в ряды фашистской партии. Проявил себя преданным делу Рейха в 1938 году, в ночь с 9 на 10 ноября, так называемую «хрустальную ночь»¹³, когда по всей Германии были разгромлены более 7500 еврейских предприятий, сожжены сотни синагог, ограблены богатые еврейские дома и магазины. Предлогом послужило покушение на жизнь советника германского посольства в Париже, фон Рата, которое совершил молодой еврей, Гершель Гришпан. По знаку Геббельса была начата эта широкомасштабная операция против еврейского населения в стране.

Франц Шлехтецкий служил сначала в криминальной полиции, затем в тайной. Из служебной характеристики можно сделать вывод, что он принимал самое непосредственное участие в еврейских арестах и погромах. Им лично были установлены личности полутора тысяч граждан, скрывающих своё еврейское происхождение. Опыт преследования евреев, накопленный в Германии, был с небывалой жестокостью использован им на оккупированных территориях в Ленинградской области. Сюда, в действующую армию, в штаб 38-го корпуса, он был переброшен из Польши в октябре 1941 года. «Блестящий провокатор» — так называли его офицеры-сослуживцы.

В деревнях он создавал мнимые штабы, где офицер якобы издевался на глазах зрителей над своим подчинённым. Шлехтецкий играл роль обиженного переводчика, хорошо владел русским и польским языками. Выступал и в образе сострадательного немецкого врача-интеллигента, не по своей воле попавшего на фронт. Бывало, местное население ему доверялось. А затем незамедлительно проходили аресты, убийства, конфискация крестьянского добра, пожары в деревнях.

В рабочей записке, направленной командиру 38-го корпуса, начальник отдела 1Ц фон Вакербарт так охарактеризовал его: «Комиссар полиции Франц Шлехтецкий для своих карателей бог и царь, он решает судьбы, как их самих, так и их жертв».

Провокаторскому мастерству Шлехтецкий обучал и своих подчинённых. Любил рассказывать им, как ещё в Германии, по заданию полиции, посещал собрания рабочих-коммунистов; ходил в синагогу, нарядившись под старика-еврея, бывал на собраниях творческой интеллигенции, изображая из себя провинциального актёра или художника-неудачника. Учился запоминать лица, проникать в душу человека, легко выпытывать личное, сокровенное. Не раз говаривал: «Если человек доверился сердцем, то свои деловые секреты он уже не сможет утаить». Уроки его не проходили даром. Каратели действовали то в советской военной форме, то одевались под партизан, то представляли на дорогах и полустанках кочующих цыган. Имя Франца Шлехтецкого долго помнили жители деревень и посёлков Ленинградской области.

В январе 1944 года Франц Шлехтецкий был командирован во Францию для подавления развернувшегося там Сопротивления. Его место занял Франц Альнох, тоже выходец из «крипо». После войны Франц Шлехтецкий поселился в Мюнхене¹⁴.

ПЕТЛЯ МЕЙСНЕРА

В октябре 1941 года в отделе 1Ц появился перебежчик. Это был Борис Мейснер, по национальности немец, родился во Пскове, закончил философский факультет Тартусского университета. Ему было поручено переводить листовки и газеты, которые печатали подпольные советские организации и партизанские отряды. Затем ему стали доверять и трофейные документы. Часто его можно было видеть дежурившим у радиоприёмников... Вскоре он стал незаменимым специалистом на переводах и расшифровках различных радиоперехватов. Начальник отделения канцелярии, принц Бурхарт, даёт его переводам отличную оценку и ручается за то, что ему можно доверять более важные документы. Следующая ступень профессионального роста Мейснера это допросы военнопленных из командного состава Красной Армии. Первой его «крупной удачей» явились переговоры с командиром Артуром Светловским, которого он вовлёк в ряды вновь создаваемого отряда... Вторым предателем, после обработки Бориса Мейснера, стал военнопленный Иван Мареев, затем Ян Садин, работник Усть-Лужской рыболовной станции.

Франц Шлехтецкий раскрыл провокаторское дарование Мейснера. Немецкое командование неоднократно посылало его в командировки в различные концентрационные лагеря*: в Жестяную Горку, Гатчину и Порхов для вербовки военнопленных. К началу 1942 года новый карательный отряд ГФП-520 был почти полностью укомплектован. 12 января Борису Мейснеру было присвоено звание зондерфюрера, и он получил должность заместителя командира отряда ГФП-520. Из служебной характеристики Бориса Мейснера: «Одарённый психолог, умеет работать с

* Концентрационные лагеря для военнопленных были рассыпаны по всей территории Ленинградской области. Численность их была различна. Самый крупный лагерь для военнопленных — Порховский, был размещён в бывшем военном гарнизоне. В начале войны численность заключённых достигала самой высокой отметки — 17000 человек (Поиск Г.Н.).

людьми различных вероисповеданий, идеологий, возрастов и социальных групп. Умеет навязывать свои мысли, обладает хорошим пропагандистским талантом. Блестяще владеет немецким, русским, эстонским языками, отлично образован. Задачу комплектования отряда выполнил. Работа проделана кропотливая. При исполнении требовались такие качества, как осторожность — человеческая и профессиональная, гибкость ума и терпение...».

Его взлёт по служебной лестнице карателя стремителен. Достойный ученик фон Вакербарта, он заменял начальника отдела ИЦ в дни отсутствия, лично утверждал смертные приговоры и разрабатывал план уничтожения.

Наступательная тактика этой карательной структуры резко отличалась от порою непродуманных операций штаба тыла Корюка—584 при 16-й армии. Если Корюк обрушивался всей своей военной мощью на беззащитные сёла и деревни, прочёсывал леса и болота, уничтожая на своём пути всё живое, то Мейснер скрупулёзно прорабатывал всю тактику борьбы с тем или иным известным партизанским отрядом или же конкретным городским подпольем. Принцип был непоколебим — в каждый отряд, в каждую подпольную группу по два провокатора! При этом каждый из них зачастую не знал друг друга.

В отличие от военных документов Корюка—584, в отделе ИЦ, при штабе 18-й армии приказы по проведению карательных операций оформлялись точно, партизаны не назывались бандитами, сведения, передаваемые провокаторами, отличались большой чёткостью. Это относилось и к местам расположения партизанских баз, названиям рек, лесов, болот, шоссе, дорог, деревень, а также и сведениям о личном составе партизанских отрядов¹⁵. Рукой Бориса Мейснера аккуратно составлены списки с фамилиями командиров, комиссаров, руководителей подпольных организаций, председателей нелегально действующих райисполкомов.

Мейснер, как и Шлехтецкий, лично участвовал в подавлении партизан. В приказах операции так и назывались: «Погоня», «Лов», «Сеть», «Месть». Жестоко расправлялся с мирным населением. Он хорошо усвоил уроки Франца Шлехтецкого: контрразведчик не должен чураться никакого действия. Во имя дела не бояться, не стесняться. Он любил внушать своим подчинённым, что сама жизнь подскажет верный ход провокаторскому ремеслу, если к делу относиться вдумчиво...

Пленённого партизана или красноармейца избивали до полусмерти, а потом в камеру входил радушный валяжный Борис Мейснер. Он предлагал окровавленному, еле живому человеку чашечку хорошего кофе, сигарету, рюмку

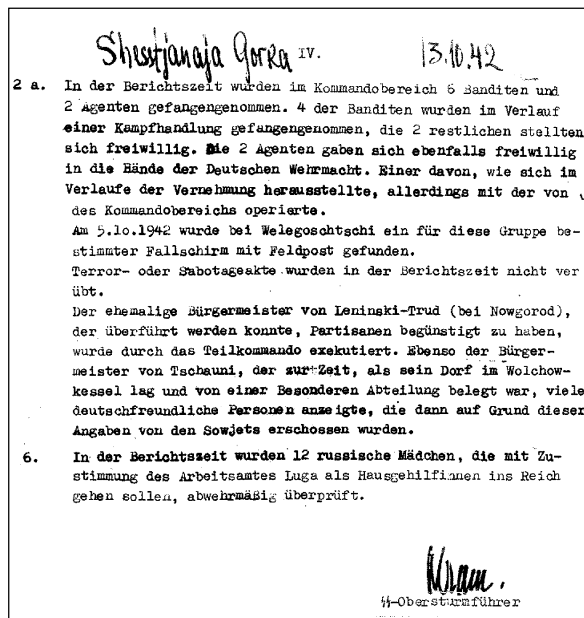
коньяка или же водки, в зависимости от личности, и начинал вести откровенные разговоры. Это ему удавалось. Иногда не с первого раза... Например, после многочисленных пыток и семи продолжительных бесед с Мейснером сдался молодой красноармеец Иван Лунёв. Он согласился «внедриться» в партизанский отряд Краснова. Двухнедельный курс провокаторского мастерства преподавал ему сам Франц Шлехтецкий в Жестяной Горке. Затем Лунёв в старой, рваной красноармейской гимнастёрке был подброшен к лесу возле Тёсова. Его обнаружила на болоте жительница посёлка и приволокла в свой сарай, поверив, что он раненый боец. Немцам же было известно, что в Тёсове есть постоянный связной с отрядом. Он-то и вывел Лунёва к партизанам, те доверились ему и приняли в свои ряды. После трёх месяцев пребывания Иван Лунёв был зачислен в партизанскую разведывательную группу. В феврале получил задание: выяснить обстановку в Рогавке и Подберезье, главное — запомнить систему охраны важнейших немецких коммуникаций... Отряд Краснова за короткий срок прославился тем, что совершал особо опасные и дерзкие диверсионные налёты. Лунёв спокойно дошёл до Рогавки, но по дороге в

Подберезье его «схватили»¹⁶. Наутро карательный отряд ГФП—520 в составе двухсот человек прошёл лесными тропами и окружил партизанский лагерь. Бой шёл почти весь световой день. Партизаны были перебиты. Погиб в этом неравном бою и командир отряда Краснов. Затем каратели дежурили месяц в засадах, поджидая разрозненные разведывательные группы и связных. Борис Мейснер, принимавший личное участие в расправе, чётко отчитался перед командованием о том, что партизанский отряд Краснова в 138 человек полностью уничтожен. За эту операцию он получил серебряный крест. В начале 1944 года Мейснер получил повышение: в Латвии возглавил специальную ягдкоманду, отличавшуюся особой жестокостью.

Многие каратели, прошедшие службу на оккупированных территориях Ленинградской области, впоследствии получали должности... Так, например, каратель из «Шелони»-667 Павел Алексашкин, дослужившийся до оберлейтенанта, в январе 1944 года был назначен командиром батальона службы порядка в Борисове, под Минском. По его приказу проводились карательные операции против партизан, а также было уничтожено 289 евреев.

«ЛЮБЛЮ КРАСИВЫЕ РУССКИЕ ФАМИЛИИ»

Штаб ГФП—520 дислоцировался в деревне Жестяная Горка¹⁷. Численный состав отряда не был постоянным, колебался в пределах от 200 до 360 человек. В нём было

Трофейный документ из штаба ГФП—520

шесть боевых групп, обычно по 60 карателей в каждой. Во время операций отряд увеличивался за счёт полицейских из служб безопасности или же полевой жандармерии. Команды безопасности были полностью сформированы из белоэмигрантской среды Германии. Полицейские Иван Климов, Алексей Беляев, Юрий Макаров собственноручно составили рапорты с просьбой перевести их на службу в отряд ГФП-520. Последний очень любил военную морскую форму и любезно отзывался, когда его окликали просто «Адмирал».

Представляя новичков отряду, Борис Мейснер, как обычно, произносил свою крылатую фразу: «Люблю красивые и ясные русские фамилии». Действительно, фамилии в отряде были звучные: Строганов, Морозов, Романов, Берг-Иванов, Вишневский, Светловский, Макаров, Виноградов... Если же фамилия карателя почему-то не устраивала Мейснера, тот он самолично подбирал ему другую. Так, Иван Польшагин, с его лёгкой руки, превратился в Орлова, Алексей Феофанов — в Осипова, Ян Садин стал величаться Садовским, а Михаил Макин — Мравинским. Во всём отряде только один Арнольд Пихлакас оставался при своей «неблагозвучной» фамилии. Однажды он просто пригрозил Мейснеру: «Переделаешь меня — застрелю».

Все шесть групп карателей были размещены в разных деревнях: Гастухово и Дружная Горка Гатчинского района, Вашково и Кшенцы Новгородского, Вороново, Жестяная Горка, Танина Гора, Яковлева Горка Батецкого и в поселке Сиверском, под Ленинградом. Бывало, группы менялись местами дислокации, когда появлялась в этом необходимость: из-за конспирации или же очередного налёта на партизан или подполье. Так, например, из деревни Гастухово и Жестяной Горки для подавления гатчинского подполья были стянуты Борисом Мейснером группы Корнелия Берг-Иванова и Александра Строганова.

Каратели жили по домам. Только в деревне Жестяная Горка — в школе. *Быт устраивали обычным для карателей способом — грабили мирное население. Обзаводились устойчивым хозяйством. Порою по месяцу, а то и по два не принимали участия в боевых действиях. В это время шла подготовка к проведению операций. Имелись хорошо оснащённые лагеря, где день и ночь длилась непрерывная муштра*¹⁸.

Свидетель Ирина Никанорова (д. Раглицы):

— Мы видели, как тренировали изменников Родины. Обучали их полицейские и офицеры в чёрных формах. Предатели ловко карабкались на деревья, катались кубарем с высокого берега, бултыхались в болотах. И стреляли, много стреляли, в птиц, кур, собак, летом даже в шмелей и оводов. Эти парни были жестокие, отъявленные бандиты.

Группой карателей в Дружной Горке командовал Корнелий Берг-Иванов, по прозвищу «Князь». «Боярин» Иван Морозов был ординарцем у Берг-Иванова. В отряде Берг-Иванов был в дружбе только с Александром Строгановым, которого прозвали «Граф». Он любил рассказывать, что происходил из знаменитого дворянского рода. В доказательство этого готовил отлично мясо по-строгановски, бефстроганов. Два раза он потчевал своим угощением генерала корпуса Курта Герцога¹⁹, который наведывался в деревню Жестяная Горка, в штаб отряда ГФП-520. Так что первую

свою награду — бронзовый крест — Строганов заработал за своё поварское искусство.

Но прошлое у «Графа» отнюдь было не дворянское.

Свидетель Иван Демидов (д. Дружная Горка):

— Работал я с Сашкой Строгановым до войны на одном заводе. В войну оказался в плену, в концентрационном лагере «Дружная Горка». Однажды во время уборки территории я увидел, как по двору уверенно шагает немецкий офицер. Что-то знакомое показалось мне в его походке. Смотрю внимательно, а это мой бывший товарищ по работе, Сашка Строганов — стеклодув, рожа откормленная, наглая. Подошёл ко мне с плёткой, бьёт нервно по лакированным сапогам. Не успели переговорить, как выскочил другой, лощёный весь, с тонкими чёрными усиками, и крикнул: «Граф, извольте, ехать пора». Я ему и говорю: «Ты что, графом заделался у фашистов?» Я знал, что он родом из рабочей семьи, и дед, и прадед работали на нашей «стеколке», все стеклодувы. И хорошие мастеровые, чего стесняться-то. А вот мать была из крестьян. Так ведь он как граф Строганов взял у немцев десять гектаров земли. Говорили, что он уже в войну усадьбу собирался строить, соновые брёвна возил. Больше я его не видел.

А встретились с ним после войны, он, оказывается, с немцами попал в Германию, а оттуда бежал в Австралию. Не мог там прижиться, правдами-неправдами возвратился. Приехал в село, зашёл ко мне, о прошлом — ни звука. Интересовался делами на заводе. Когда я попытался напомнить ему о встрече, он поднял удивлённые глаза: «Димыч, ты путаешь меня с кем-то... Я в офицерской форме? Да я в плену в робе ходил».

Елизавета Литвинская (с. Батецкое):

— Одно время в моём доме жил Александр Строганов. Ночью они схватили связного партизана Тимофея Дмитриева. Его пытал сам «Граф», затем вывел за околицу и там расстрелял. Он мог сидеть целый день на завалинке в рваном стариковском полушубке и ушанке, опершись на палку. Выслеживал посторонних в деревне. Обличия менял мастерски, чистый артист.

12 сентября 1942 года была перехвачена радиограмма: в квадрате С 7–13, близ Волхова, у края болот должен приземлиться самолёт.

Франц Шлехтецкий послал на задание Берг-Иванова, Строганова и Ляпченко. Действительно, в назначенное время самолет успешно прибыл. Морские лётчики, увидев незнакомцев, приготовились было к обороне, они знали, что в тылу врага всего можно было ожидать. Но навстречу им вышел Строганов в ватнике, в шапке с красной звездой, широко улыбаясь: «свои».

Военных лётчиков расстреляли, а затем и настоящих связных, которые подошли полчаса спустя. Это была группа разведчиков партизанского отряда Савельева. Молодые ребята, как их ни пытали каратели, не выдали себя.

Иван Макаренков (д. Жестяная Горка):

— Сытый, плотный Строганов красовался по деревне в морском бушлате, тельняшке, с кобурой на моряцком ремне. Выпьет и хвастается тем, как они «вычислили» морской самолёт. Красных вокруг пальца обвели. В морской форме ходил и Корнелий Берг-Иванов.

Александр Строганов признался следствию после войны:

«Я изначально не хотел служить у немцев, но меня подставил Борис Мейснер. После длительных и изнуряющих допросов с побоями полицией привёл меня в камеру, и я задремал на нарах. Вдруг слышу, как кто-то ласково говорит: «Граф Строганов, извольте...». Я открыл глаза, привстал, передо мной холёный молодой человек с чашкой кофе, с душистыми папиросами. После некоторой беседы он мне предложил: «Мы задержали на берегу Луги военнопленного. Он из высокого командного состава. Документы успел сжечь. Молчит. «Глухонемой» нам не нужен. Мы тебя отпустим, если ты его расстреляешь. Никто не будет знать». Я растерялся, как я, красноармеец, буду стрелять в командира. Он меня подбодрил: «Расстреляешь, отпустим. Давай, граф, действуй!»

Я вывел военнопленного за деревню. Мощный был человек, чувствуется — привык командовать и властвовать, но не дрогнул, гордый оказался. Даже имени не сказал перед смертью. Я выстрелил, а потом стал настаивать, чтобы меня отпустили. Тут мне Мейснер и говорит: «Подумай, граф, у тебя руки в крови. Мы ведь, если освободим, сообщим красным, что ты не хрустальный. Пули тебе не миновать. Лучше уж оставайся здесь. И там русские стреляют, и у нас — русские. Какая тебе разница с какими русскими быть. Мы-то выиграем битву, ты сам видишь, немцы, безусловно, сильнее и богаче...».

И мне ничего не оставалось, как сдаться в их власть. Так я стал отстреливать своих».

В августе 1942 года Александр Строганов получил чин унтер-офицера, и его повысили в должности. Он стал командиром группы карателей особого назначения. Группа имела базовые лагеря в сёлах Васьково, Танина Гора, Вороново Батецкого района, в посёлке Дружная Горка Гатчинского района.

ЗА ГОЛОВУ КОРОБАЧА — 10 ГЕКТАРОВ ПАХОТНОЙ ЗЕМЛИ

Штурмбанфюрер СС Детлев фон Вакербарт издал приказ, в котором говорилось о необходимости экстренной и неотложной ликвидации двух командиров партизанских отрядов — Льва Коробача и Павла Носова. В связи с этим в отделении были разработаны несколько секретных операций²⁰, в которые, судя по подписям, стоящим под документами, были посвящены Франц Шлехтецкий, Борис Мейснер, Корнелий Берг-Иванов, Александр Строганов, Артур Светловский. Тактика действий известна. Это внедрение провокаторов в отряды, штабы, упор на радиоперехваты, контрольные посты в каждой деревне, на каждом хуторе и переезде.

Отряд ГФП-520 делится на две части. Первой вменяет-

ся охота за Львом Коробачом — «маловишерским волком», так его сразу клеймит Франц Шлехтецкий. Он лично берётся курировать «Погоню», под этим кодовым названием осуществляется операция.

При этом в ход пускается всё — подкупы деревенских старост и населения, щедрые посулы карателям, а также выхолощенная дипломатия, которая в действиях комиссара Шлехтецкого очевидна. Любыми средствами он пытается разукрасить и возвеличить образ партизанского вожака. Особенно после того, как в его руках оказывается фотография Коробача.

Строганов: «Шлехтецкий собрал отряд и пустил фото партизана по кругу. При этом он после каждой своей певучей и хлесткой фразы поднимал руку и театральным образом прищёлкивал пальцами: „Смотрите и запоминайте лицо. Неординарный мужик. Чертовски красивый и чертовски смелый. Если поймёте его характер, то сможете распутать его след“. А потом, после длительной паузы, как гаркнет всю мочь: „Да не брать его вам, не видать его вам, как своих ушей. Потому что вы — все убогие и тряпье — это раз, а Лёва — резвый и волк молодой. Это два“».

Трудность поимки Коробача заключалась в том, что у него не было постоянной базы, места дислокации. Также он действовал не в глубоком тылу врага, где можно было подкупить кого-то из сельских людей, а в непосредственной близости от линии фронта, территории, плотно занятой немецкими частями на

Лев Коробач, командир маловишерского партизанского отряда, 1941 год. Первая публикация снимка. Найдено Г.Н.

подступах к Ленинграду. Коробач и его товарищи могли появляться и в немецкой форме.

Маршруты партизанского отряда для немецкого командования кажутся путанными, действия — неадекватными: то он нападает как бандит на продовольственные обозы, взрывает склады, а через какие-нибудь несколько дней организовано и слаженно с частями Красной Армии воюет с противником, освобождает селения. Из отчёта Детлева фон Вакербарта: «Лев Коробач, командир партизанского отряда, сумел навевать страх на командиров наших подразделений, что расположены на военных квадратах района Большой и Малой Вишеры».

Отряд «действовал в районе Папоротно — Некрасово — Александрово — Большая Вишера. Партизаны больше 60 раз обрезают телефонную связь противника, а в местах подхода к обрывам минировали её. На минах постоянно подрывались немецкие связисты... Партизаны вырезали более 5,5 километров телефонного провода и сдали его воинской части»²¹.

За голову Коробача немецкое командование сначала

сулит 5000 марок*. Затем 10000, а потом — полмиллиона... Наконец, 10 гектаров пахотной земли — ставка возрастает после того, как отряд Льва Коробача «провёл 120 кав. полк в тыл противника для оседлания дороги Папоротно — Некрасово и в течение двух дней помогал конникам удерживать дорогу, отбив несколько атак немцев. В результате этой операции кольцо вокруг д. Некрасово было замкнуто и через несколько дней части Красной Армии уничтожили немцев, находящихся в районе д. Некрасово»²².

И последний рывок цены — миллион марок... Если оценивать партизанские действия по стоимости, предлагаемой немецким командованием, то этой суммы достигала только ещё одна голова партизанского вожака — Петра Григорьевича Лопаткина, командира минской партизанской бригады «У дяди Коли»²³.

Кстати, стремительный, смелый почерк военных действий, стиль и тактика этих двух командиров очень схожи: точная армейская разведка с чёткими донесениями, где даётся полное описание сил противника, места дислокации, а также неожиданные диверсионные налёты, после этого многокилометровые рывки для запутывания следов и, наконец, специализация на подрывах телефонных проводов. И ещё одна специфика... Они первыми начали и первыми сумели слаженно действовать с войсковыми армейскими частями. Например, последняя операция отряда Льва Коробача перед его ранением — освобождение вместе с красноармейцами села Александровское. Надо сказать, что другим партизанским отрядам на первых порах борьбы с противником эта слаженность не удавалась.

Итак, обратимся вновь к операции «Погоня». На два с половиной месяца имя Коробача исчезло с немецких сводок. Командир тяжело ранен и лечится в госпитале. Карательный отряд ГФП-520 возобновляет охоту с наступлением весны. К этому времени командир вновь возвращается в Малую Вишеру.

«Лев Коробач в ночь с 23 по 24 марта со своим отрядом в результате кратких, но успешных боёв прошёл линию фронта и приступил к диверсионным действиям в тылу врага в районе Батецкой». Следы его зафиксированы в немецких документах после разгрома фашистских гарнизонов в деревнях Долговка, Замощье, Тёлково, Толмачёво, То-

робуши... «Уничтожение охраны в концентрационном лагере в деревне Долговка, освобождение 800 пленных красноармейцев...».

Донесение карателя Пихлакаса: «Коробач назначен председателем Батецкого райисполкома и намеревается в третий раз сделать марш-бросок из Малой Вишеры в Батецкую со свежей силой партизан».

Провокаторские группы Светловского, Пихлакаса, Садына, Осипова, Конаша и других бросаются на перерез по всей линии от Малой Вишеры до Батецкой, чтобы не дать пройти Льву Коробачу с его обновлённым отрядом в тыл. В помощь ГФП-520 направляются каратели ягдкоманды-38, 510-й карательной бригады, жандармских и полицейских подразделений. Но безуспешно. Немцы констатируют

только то, что Лев Коробач и в третий раз проник в батецкие леса через замосские болота.

В июне, за месяц своего пребывания в Батецком районе, Лев Коробач со своим отрядом создаёт около десятка продовольственных баз для ленинградских партизанских бригад. При этом он не прекращает и диверсионные действия.

Немцы списывают организаторские способности командира на простое человеческое обаяние, которым якобы он подкупает население. 21 июля 1942 года разведывательная группа Пихлакаса «берёт след Коробача». Стягиваются карательные силы, завязывается бой. Партизанский отряд с большими потерями выигрывает схватку. Главная трагедия для Коробача и всего отряда заключается в том, что они оставляют на поле боя радиста. В отряде прекращается радиосвязь с советским тылом и другими партизанскими отрядами. Тело радиста находят каратели.

Детлев фон Вакербарт предпринимает срочные меры: выходит приказ об усилении контроля квадратов в районе деревень и сёл Батецкая — Уторгош, Батецкая — Дно, Батецкая — Луга, Батецкая — Шимск — Медведь. Немецкие самолёты целыми днями кружат над лесными массивами. Лётчики обнаруживают отряд и передают его координаты в штаб. Тут же организуется преследование... Итог — вражеское окружение. В неравном бою с карателями 28 июля Лев Коробач погибает вместе со своим отрядом в направлении Батецкая — Уторгош, в районе между Несужскими и Бахаревскими болотами.

Павел Носов, командир мстинского отряда № 311. 1941 год.

Первая публикация. Найдено Г.Н.

У ДЕРЕВНИ СТЕХОВО ПРОШЁЛ ОТРЯД ЛЕШЕГО

Вторая половина отряда ГФП-520 бросается на поимку командира мстинского отряда № 311. По немецким отчётам о проделанных операциях видно, что охота за «Лешим», под таким кодовым именем значится Носов в тро-

* На оккупированных территориях СССР в ходу были оккупационные марки и рубли. Курс оккупационной марки к рублю составлял 1:10. Офицерам и солдатам платили рейхсмарками. Курс рейхсмарки к доллару США был 2,5:1. Карателям платили оккупационными марками.

фейных документах, велась скрупулёзно, упорно, терпеливо. Казалось, вот уже командир Леший в руках карателей.

Полицай Николай Ларцев «наступает» на след разведывательной группы Носова. Сообщает об этом в штаб ГФП-520. На подмогу высылаются в деревню десять карателей, чтобы схватить разведывательную партизанскую группу. Но уже на подходе к деревне кто-то из местных жителей предупреждает её, что в домах спрятались противники. Тотчас же старший группы принимает решение действовать. Проникают в дом к полицаю Николаю Ларцеву, берут в качестве залога стадо коров, приказывают полицаю немедленно сообщить карателям, что партизаны остановились на привале у Синего болота. Те верят ему и спешно двигаются на вечерний костёр, но там засада. Разгорается схватка. Трёх карателей, оставшихся в живых, берут в плен.

Николай Ларцев и Алексей Ляпченко успевают во время боя спрятаться в поросшей густой травой ложине. Прибывший наутро в деревню командир отряда Корнелий Берг-Иванов расстреливает в упор полицая Николая Ларцева, а уцелевшего Ляпченко сажает в карцер.

Партизанам после допросов пленных становятся ясны планы ГФП-520 относительно них. Штаб отряда решает срочно менять место дислокации, шифровки, пароли, позывные радиопосланий.

Меняет стратегию и штаб отряда ГФП-520. Появляется приказ о том, что в сёлах и деревнях карателям надлежит появляться только под видом партизан, брать под защиту население от разгрома местных полицаяв и старост, выделять сиротам и одиноким престарелым продукты питания, одним словом, «задабривать русский люд». Следующий приказ гласит, что «карателям запрещено доверять местным полицаям и старостам, если они коренные сельчане. Перепроверять! Иметь своих доверенных лиц. В каждом посёлке, каждой деревне утвердить личных и надёжных наблюдателей и осведомителей!»

Из отчётов проданных операций видно, что отряд Берг-Иванова вновь наступает на след Лешего. В очередном столкновении силы оказались неравными. В группе Берг-Иванова — 21 человек, а в отряде Носова — более сотни. Каратели, не выдав себя, пропускают партизан. Прибыв в штаб, Корнелий Берг-Иванов сообщает Борису Мейснеру координаты носовцев и их маршрут. Тот, собрав все свои военные силы, бросает их на прочёску лесного массива. Но, увы... Каратели натываются на безбрежное болото. Партизаны же, отлично зная местность, огибая топкие и гиблые язби, углубляются в непролазные чащобы и неожиданно для немцев выходят на переезд. Там перебивают сонную железнодорожную жандармерию.

«Дерзкий налёт группы партизана Павла Носова в три часа ночи. Убитых немецких солдат 53 человека, офицеров — 14. Унесена вся документация из сейфов. Разграблен контейнер с новой немецкой формой», — этот отчёт поступает 15 мая 1942 года в штаб 38-го корпуса. Генерал армии, командир корпуса фон Шапун, вновь издаёт приказ о ликвидации партизанского отряда Павла Носова. Каратели ГФП-520, все до единого, переводятся столоваться на офицерское довольствие. За поимку же самого командира обещано крупное денежное вознаграждение и поездка в Германию.

...Из деревни Стехово связник сообщает, что нижними огородами прошла группа партизан. В одном из них он узнал сына дьякона, Васюку Пылаева, который, по его словам, воюет в отряде Лешего.

Франц Шлехтецкий незамедлительно организует погоню. В операции участвует он сам и Борис Мейснер. На

Партизаны отряда Павла Носова, апрель 1942 г.
Оригинал находится в фондах НГОМЗ

следующий день группа карателей Артура Светловского обнаруживает на болоте дымок от костра. Это партизаны. Группа Светловского целый день «держит» след, пока не подтянулись новые боевые силы. Франц Шлехтецкий уже предвкушает победу, отказываясь от сил полицейских. Он считает, что успех операции должен принадлежать только ГФП-520.

Итак, силы карателей были стянуты, они окружили партизанскую ночную стоянку. Шестеро из них выходят из мглы на яркий костёр. В первый момент появление незнакомцев не вызвало тревоги у партизан — они ждали своих. Да и идущие к костру одеты в ватники, в руках — русское оружие. Но поляна стала наполняться незнакомыми людьми, и партизаны поняли, что они окружены. Поняли поздно. Прозвучали единичные выстрелы. Были раненные и убитые с той и другой стороны.

Оставшуюся в живых группу связали почти без боя. На рассвете с табличками «партизаны» их провели по деревням Добролюбово, Кшентицы, Видогощь, Нащи, Вашково, там были устроены показательные суды.

Затем в деревне Вашково их бросили в подвал дома деревенского старосты.

Свидетель Любовь Иванова:

— Через три дня их избитых и окровавленных выводили на дорогу, на прогон, а расстреливали там, внизу, за огородами...

В своих мемуарах «На службе народу» маршал Советского Союза К.А. Мерецков повествует о тяжёлых днях 2-й Ударной армии: «Семь наших дивизий и шесть бригад попали в окружение. Вместе с ними там оказались партизанские отряды А.И. Сотникова и И.Е. Савельева, ведя яростные бои в районе деревень Осия, Логово, Замошье, они до поры до времени выдерживали натиск врага. Савельевцы погибли. Тогда же возле Мясного Бора погибла ещё одна часть партизанского отряда вместе с командиром П.П. Носовым».

**ЕСЛИ БЫ НЕ ТА ДАЛЁКАЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ...**

Мельчайшие же детали гибели прославленного командира и его отряда стали известны на судебном заседании Военного трибунала Ленинградского округа по делу над предателями. Суд проходил с ноября 1969 года по апрель 1970 года. Предатели в составе карательного отряда тайной полевой полиции занимались уничтожением разведчиков, партизан, подпольщиков, действовали на оккупированных территориях Ленинградской области.

Мстинский отряд № 311 Павла Носова разбивается на две части. Первая пошла к линии фронта на соединение со своими. Она несла конфискованные военные документы и трофейную форму. Передавая это, группа должна была возвратиться с боевыми припасами, продуктами и рацией. Успешно дошла до частей Красной Армии, но вернуться обратно не смогла. Немцы надёжно прикрыли линию фронта, выстроив на всех переходах охранные полки.

Вторая же группа вместе со своим командиром Павлом Носовым осталась в тылу врага, чтобы провести ряд намеченных операций.

...В зал судебного заседания Военного трибунала входят под конвоем бывшего карателя из отряда ГФП–520 Алексей Ляпченко. Звучит голос судьи: «Подсудимый Ляпченко, вы обвиняетесь в задержании, конвоировании и расстреле в деревне Вашково группы партизанского отряда Павла Носова».

Каратель очень долго думает, детально вспоминает, как «брал на провокацию партизан», но вот расстреливать — боже упаси... В этом деле не участвовал, на его руках нет партизанской кровушки — он искренне, со слезами на глазах протягивает суду свои ладони.

— А кто же расстреливал?

— «Князь» Берг-Иванов и «Генерал» Соболев.

...Подсудимый Ляпченко всю вину сваливает на командира карательной группы, он называет красивые фамилии, благородные прозвища. Он уверен в себе, красуется своей правдивостью, осведомлённостью, потому что уверен и твёрдо знает — встречи с этими людьми не грозят. Их нет в живых. В ту далёкую Рождественскую ночь 1943 года в деревне Новый Борок, где каратели весело и широко отмечали праздник, произошла та самая крупная ссора в отряде, в результате которой он лишился своих именитых сослуживцев. Извечный конфликт между Берг-Ивановым и Соболевым достиг своей горячей кульминации за полночь,

когда уже было изрядно выпито шнапса и браги. Соболев не стерпел очередного язвительного оскорбления и выстрелом в висок убил «Князя». «Граф» Строганов заступился за командира и ранил стрелявшего в плечо. Второй же его выстрел попал в Морозова. Комиссар Франц Шлехтецкий одним выстрелом прикончил Соболева.

Свидетель Инесса Дорошенко, переводчица, бывшая любовница Соболева (г. Луга):

— Соболев был мощный, огромного роста, неуклюжий на вид, как медведь. От первого же выстрела он без звука рухнул на пол. Если в отряде возникала ссора, то она обязательно заканчивалась перестрелками. Правда, иногда обходились без жертв. Но эта Рождественская ночь стала роковой для троих карателей. Люди были собраны в отряде жёсткие по характеру и жестокие в человеческом плане. Порою было и страшно и жутко находиться рядом с ними.

Итак, свидетельница подтверждает, что этих карателей в живых нет. Значит, некому и обличить Ляпченко. Он вздыхает свободно, улыбается — гроза миновала.

Но судья снова спрашивает его: «Подсудимый Ляпченко, мы знаем, что названных ранее вами людей нет в живых, припомните, пожалуйста, кто ещё расстреливал группу Носова?»

Подумав, он добавляет: «Строганов и Морозов...»

Его расчёт прост, он слышал, что Строганов в далёкой Австралии, а вот Морозов? Было же сообщено, что скончался на госпитальной койке после той Рождественской ночи...

Алексей Ляпченко твёрдо рассчитывал на то, что за неимением свидетелей следствие по делу мстинского отряда № 311 будет прекращено! Но каково же было его изумление, когда по знаку судьбы в зал заседания под конвоем вошли Морозов и Строганов... Узнав об обвинениях Ляпченко в свой адрес, они стали дружно уличать его в участии в расправе над партизанами. Оказалось, что Строганов вернулся домой из Австралии и спрятался в одном из далёких таёжных посёлков, а вот Морозов... тогда выжил и сумел в дни освобождения Новгорода сбежать от немцев.

Встреча карателей на судебном следствии расставила все точки. Судья принимает решение: выехать всем в деревню Вашково.

На место расстрела прибыли оперативно-следственные работники вместе с подсудимыми и свидетелями из близлежащих деревень. Была найдена братская могила. Военно-медицинская экспертиза установила число погибших.

Была проделана огромная скрупулёзная работа ленинградских и новгородских чекистов, а также оперативников, следователей, судей, военных медиков-экспертов. Кульминацией их многолетнего труда стало сообщение на газетной странице:

«Останки партизан были привезены в посёлок Пролетарий. Здесь, у ворот фарфорового завода, состоялась торжественно-траурная церемония. Именно отсюда партизаны уходили в бой. Плыли над толпой двенадцать гробов, обтянутых алым кумачом. Прозвучали двенадцать залпов воинского салюта и под звуки траурного марша останки погибших были опущены в Братскую могилу»²⁴.

В то июльское утро 1942 года были казнены 12 партизан. Вот их имена:

**Василий Александрович Антонов
Пётр Владимирович Груздев
Николай Петрович Зеликов
Алексей Павлович Иванов
Николай Маркелович Кипятков
Леонид Петрович Кириллов
Иван Павлович Николаев
Павел Петрович Носов
Александр Николаевич Петров
Василий Васильевич Пылаев
Василий Александрович Харин
Сергей Сергеевич Чесноков.**

Более трёх месяцев шёл открытый судебный процесс над пятью изменниками Родины в зале трибунала Ленинградского военного округа. Военный трибунал приговорил И. Морозова и А. Ляпченко к высшей мере наказания — расстрелу. Лишение свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима сроком на 15 лет — такое наказание получили А. Строганов, К. Самаренков, К. Виноградов²⁵.

ОНИ СКРЫВАЛИСЬ В ТОРОНТО И КАНБЕРРЕ, КЁЛЬНЕ И...

Дело о злодеяниях карательного отряда ГФП–520 ещё не закончено. В Санкт-Петербургском управлении ФСБ собраны документы, свидетельствующие о дальнейшей судьбе преступников, чьи имена неоднократно назывались на судебном процессе.

И в а н М а р е в. Бывший заместитель командира группы Корнелия Берг-Иванова. Служил в ГФП–520 с марта 1942 по январь 1943 года. После той памятной Рождественской ночи, когда убили Берг-Иванова, его, по требованию самих же карателей, перевели служить в другую часть. «Человек неадекватного поведения, обладает тяжёлым характером, злопамятен», — такова его служебная характеристика. На процессе имя Ивана Мареева всплывало неоднократно, когда говорилось о командире группы. Иван Мареев был его правой рукой, приказы выполнял беспрекословно, отличался большой жестокостью. Умение служить непосредственному начальнику было одним из его достоинств. Он установил провокаторскую слежку не только среди карателей, а также среди солдат полевой и охранной жандармерии. Например, некоторые немецкие новобранцы отличались добротой и помогали местным жителям то тушёнкой, то крупой... Об этом он письменно сообщал начальнику полевой жандармерии № 438, капитану Фридриху Мюнху.

В мае 1943 года его переправили в охранный батальон в Данию.

Я н С а д и н. Бывший каратель, командовал спецподразделением. Прославился разгромами подпольных организаций в Сиверской, а также выявил шимскую и чудовскую подпольные группы.

В отряде ГФП–520 Ян Садин имел больше всех наград.

В отпуск ездил в Мюнхен. Награды и ценные подарки получал из рук командира 38-го корпуса генерала Курта Герцога. Дослужился до обер-лейтенанта. В начале 1944 года был переброшен во Францию для подавления Соппротивления.

А л е к с е й Ф е о ф а н о в. Перед войной попался на преступлении, поменял фамилию на Осипова, поступил в Красную Армию. Здесь был разоблачён, должен был предстать перед судом. Смог убежать в Эстонию. Когда немцы заняли Таллин, добровольно вступил в германскую армию. Хороший знакомый Бориса Мейснера по Тарту. Тот и рекомендовал Осипова в ГФП–520. Комиссар Франц Шлехтецкий незамедлительно востребовал его из Эстонии. Надежды Мейснера оправдал: проводил тщательную и кропотливую работу среди военнопленных по вербовке в ряды карателей. В 1942–1943 годах был командиром карательной группы, базировавшейся в Батецком.

На судебном процессе были доказаны факты его преступлений. Вот одно из многочисленных его злодеяний. В деревне Чёрное Батецкого района задержал военнопленного. Красноармеец, скрываясь в лесу, убил двоих преследователей-карателей, а Константину Виноградову пулей выбил глаз. Кстати, тот на процессе сидел с чёрной повязкой на лбу. В отместку командир группы Алексей Феофанов лично расстрелял пятерых сельчанок. Имена их стали известны суду.

В отряде служил под фамилией Осипов.

В 1944 году его перевели служить в Данию.

В США зарегистрирован как ветеран Второй мировой войны, пользовался льготами. Большой общественник, выступал с миротворческими речами по благотворительной линии, рассказывая, как при помощи Второго фронта покончили с фашизмом...

А р т у р С в е т л о в с к и й. Командир группы отряда ГФП–520, который базировался в деревне Кшентицы Новгородского района. Это он лично расстрелял командира мстинского партизанского отряда № 311 Павла Петровича Носова. Каратели на процессе вспоминали, как он любил повторять: «Я скрутил руки «Лешему», я пустил ему пулю в лоб!» Именно за Лешего он получил серебряный крест и чин унтер-офицера. Из судебных материалов и конфискованных немецких документов прослеживается весь «боевой» путь Артура Светловского. Группа, которой он командовал, отличалась крайней безжалостностью. Он вёл личный список расстрелянных советских патриотов. Свою первую награду получил за то, что ловко спровоцировал связного в деревне Середогош и устроил засаду партизанской разведывательной группе из семи человек. Это была группа Леонида Дудина.

Жители деревень Оредежского, Новгородского, Батецкого районов вспоминали его злодеяния.

И в а н П о л ы г а л и н. В Монреале, на улице Шербукстрит, стоит респектабельный ювелирный магазин «Кент». До недавней поры в качестве продавца можно было увидеть Ивана Пылыгина. Состарившись, к покупателям выходил крайне редко, делая исключение только именитым

клиентам. Этот красивый, холёный старик, одетый всегда безукоризненно, приветливо встречал богатых покупателей и гладкими руками раскрывал изящные коробочки на бархате и атласе, подносил к свету алмазные изделия. Он знал толк в хороших камнях. Но никто из посетителей и не представлял, что перед ними — военный преступник. Правда, он, по старой привычке и по старой памяти, представлялся своим звучным псевдонимом, который приклеил ему небезызвестный Борис Мейснер, «Орлов».

Многие страницы судебного разбирательства посвящены преступным деяниям Ивана Польшакина. Командир разведывательной группы, затем командир следственного отделения, он получил две гитлеровские награды. Вышел в унтер-офицеры. В начале 1944 года отправлен служить во Францию, чтобы мог применить свой опыт по уничтожению партизан. Там он выследил отряд французских маки.

Личность его была установлена неожиданно. В Монреале знали о его слабости — он ностальгически страдал по всему русскому. Ни одно советское судно не пропускал, чтобы покрасоваться перед экипажем. Рассказывал красивые истории, полные героических легенд о том, как был переброшен с красными чекистами на юг Франции и как помогал в организации Сопротивления.

Вскоре на снимках в газетах СССР и Франции, где бывший каратель Иван Польшакин был снят с моряками, читатели обеих стран узнали в «партизане» карателя. Но на возникший общественный шум правительство Канады не отреагировало.

Арнольд Пихлакас. Учился в ленинградской школе, закончил институт им. Лесгафта. «Самый красивый в отряде, сильный, физически развитый, ловкий. Говорит тихо, мягко, ласково. Может и по-командному, басом. Имитирует хорошо птиц, зверей. Производит на женщин неизгладимое впечатление, умеет входить в доверие, обладает всеми качествами контрразведчика. Умён, образован, нестандартно мыслит. При внешней медлительности обладает хорошей реакцией и стремительно может наносить контрудары. Кличка „Дирижёр“, — из служебной характеристики, написанной Францем Шлехтецким.

Пихлакас дружил с Александром Строгановым. Оба прославились в отряде как хорошие знатоки провокаторской деятельности. Партизанские отряды И.Е. Савельева и В.П. Краснова были выслежены их группой.

«Пихлакас обладает чутьём разведчика, блестящий провокатор. Надо использовать его именно в этой области, прошу освободить его от повседневной чёрной рабо-

ты», — с такой просьбой Борис Мейснер обращается к начальству.

На расправу с местным населением, а также казни партизан Пихлакас не посылался.

Каратель успешно сумел внедриться в Батецкое и Гатчинское подполья. Он знакомился с молодыми подпольщиками и проникал в группы. Так, в Гатчине он сумел добиться полного расположения у красавицы Клары Волынской, объявил её своей невестой, а на свадьбе гости-подпольщики были окружены карателями. Арнольд остался и тут верен себе — нигде не раскрываться. Он инсценировал драку и в схватке вдруг свалился бездыханно на пол. Невесту увезли с плачем. Арестованные подпольщики так и не узнали предателя.

Среди немецких документов были обнаружены удостоверение бойца отряда ГФП-520, выписанное на имя Пихлакаса, и его личные фотографии.

А л е к с а н д р К о н а ш. Закончил химический факультет Ленинградского института. Из числа перебежчиков. В германскую армию поступил по собственному желанию. После некоторых испытаний его приняли агентом Абвергруппы-312, штаб которой находился во Пскове. Затем был переведён в отряд ГФП-520. Как человек, усвоивший уроки «крипо», был назначен командиром разведывательной группы. Знал латышский, немецкий, идиш. Активно занимался сбором сведений о населении оккупированных территорий. Франц Шлехтецкий лично контролировал его охоту на людей так называемого «второго сорта» — евреев и цыган. В июне 1942 года в районе Шимска было расстреляно 70 цыган, в деревне Хиновино — табор из 120 цыган. В Гатчине расстреляны более 250 евреев, на Фарнасовом болоте был уничтожен лагерь беженцев-евреев, около 200 человек. Всеми этими действиями руководил Александр Конаш. Получил серебряный крест, дослужился до капитана. В 1944 году переводится в Русскую освободительную армию, становится офицером особых поручений 1-й дивизии РОА.

Б о р и с М е й с н е р. Студенты Кёльнского университета знали его как профессора юриспруденции, известного в стране политолога. В солидных научных справочниках он значился как специалист по Советскому Союзу. Современный справочник «Кто есть кто», изданный в Берлине, представляет Мейснера как доктора юриспруденции, профессора восточного права. Как пишут здесь: он успешно возглавлял директорат федерального Института восточных и международных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ. Ф. 7021. Д. 454.

² Там же.

³ ГАНО. Ф. 2025. Д. 1–20.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Архив УФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/3378.

⁷ Бывший архив КГБ Латвийской ССР. Д. 19271.

⁸ ГАНО. 2025. Д. 1–20.

⁹ Бывший архив КГБ Латвийской ССР. Д. 19271.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/3378.

¹¹ Центральный оперативный архив УФСБ РФ. Д. Н–19094.

¹² Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 49632.

¹³ DZA Potsdam, fall 12.

¹⁴ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 49632.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 7021. Д. 454.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 7021. Д. 206.

¹⁷ Архив УФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/13361.

¹⁸ Там же.

¹⁹ С сентября 1941 до мая 1942 года командиром 38-го армейского корпуса был генерал-лейтенант Генрих фон Шапун. 5 мая 1942 года он прибыл по телеграмме в Ставку. 7 мая застрелился в Берлине. С 11 мая по 20 июня командиром корпуса был генерал-лейтенант Штефан фон Хенике. 3 июня 1942 года на этом посту его сменил генерал артиллерии Курт Отто Герцог. (ГАНО. Ф. 2025. Д. 284. ГАРФ. Ф. 7021. Д. 203.)

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 0–116. В тылу врага. 1941. Сб. док. Л., 1979.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг. Документы и материалы в 3-х томах. Минск, 1978;

Становление партизанского движения в Белоруссии. Минск, 1980.

²⁴ «Новгородский комсомолец». 4 апреля. 1970 г.

²⁵ Центральный оперативный архив УФСБ РФ. Д. Н–19094.

От всего сердца благодарю за искреннюю помощь в сборе материала, бескорыстные советы и консультации:

Наталью Владимировну ГОРМИНУ, зам. директора НГОМЗ,
Людмилу Борисовну ЛАВРЕШИНУ, главного хранителя ГАНО,
Юлию Васильевну СМЕРНОВУ, бывшего старшего научного сотрудника отдела ВОВ, основателя фонда партизанских документов Новгородского музея-заповедника,
Бориса Николаевича КОВАЛЁВА, доцента НовГУ, кандидата исторических наук,
Валентина Михайловича КОВАЛЬЧУКА, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института российской истории РАН, доктора исторических наук,
Ивана Сергеевича ЛИВАНОВА, Почётного чекиста (Москва),
Василия Петровича МИХЕЕВА, Почётного чекиста (Великий Новгород),
Владимира Владимировича ПАВЛОВА, бывшего начальника архива УФСБ РФ по Новгородской области, заместителя начальника Архивного управления области.

ДВЕ КНИГИ О НОВГОРОДЕ

Большим событием стал для новгородцев и для всего учёного мира выход в свет двух замечательных книг. Это научные исследования Е.А. Рыбиной «Торговля средневекового Новгорода» и В.Л. Янина «У истоков Новгородской государственности».

Наш университет имел непосредственное отношение к изданию этих книг. Они напечатаны издательско-полиграфическим центром НовГУ в рамках «Федеральной программы книгоиздания России» по инициативе Учебно-научного центра изучения культуры Гуманитарного института НовГУ. Здесь же состоялась презентация этих книг, на которой Елена Александровна Рыбина дала слушателям общее представление о степени разработанности проблем истории новгородской торговли, о перспективах её дальнейшего изучения, о той источниковедческой базе, опираясь на которую она сама написала свою научную работу. Рыбина отнюдь не считает эту работу полноценной историей новгородской торговли X–XV веков, так как в данной книге речь в основном идёт об истории внешней торговли, да и то не во всех её аспектах. А проблемы внутренней торговли Новгорода ещё ждут своих исследователей. И, обращаясь к слушателям-студентам, будущим историкам, Рыбина ориентировала их на востребованность этой темы и призывала принять посильное участие в исследовании «белых пятен».

Академик Валентин Лаврентьевич Янин также рассказывал об основополагающих моментах своей книги. Главная цель его выступления — обратить внимание будущих историков на те богатства, которые ещё хранит новгородская земля. Недаром его лекция называется «Подземный Новгород».

Валентин Лаврентьевич, несмотря на более чем полувековой опыт работы на новгородских раскопах (он попал сюда впервые в 1947 году, будучи студентом второго курса), сохранил свежее, живое, романтическое восприятие истории. Он стремится пробудить эти чувства и в сердцах студентов, призывая их к осознанию того, что материальные предметы, извлекаемые из толщи новгородского культурного слоя, несут в себе живое присутствие людей, казалось бы, навсегда вычеркнутых из истории неумолимым бегом времени, и через все эти предметы они словно протягивают руку нам, живущим уже в XXI веке. Янин в своей лекции ознакомил слушателей с теми обстоятельствами истории и географии Новгорода, которые позволили возникнуть столь обширному и плодотворному подземному историческому источнику. Показал, как результаты новгородских археологических раскопок повлияли на измене-

ние многих, казалось бы, неизменных постулатов, царивших в истории Новгорода.

Обе прочитанные лекции были записаны на видеокассеты и, надеюсь, лягут в основу видеотеки с лекциями известных учёных по вопросам истории и культуры Новгорода. И каждый заинтересовавшийся может получить кассету в учебно-научном центре изучения культуры Гуманитарного института НовГУ (в Антоново) и воочию увидеть и услышать голоса и В.Л. Янина и Е.А. Рыбиной.

А я постараюсь познакомить вас с основными идеями их книг.

Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. — 151 с. с ил.

Эта книга отвечает на вопросы уже давно стоящие перед историками, изучающими русское средневековье. Когда и каким образом формировалось государственное устройство Новгорода, где сосуществовали одновременно две власти — боярская республика и княжий престол?

Древнейший из дошедших до нас письменных источников — докончания Новгорода с Ярославом Ярославичем, братом Александра Невского, заключённые в 1264 и в 1268 годах, — оговаривают ряд условий во взаимоотношениях князя и новгородцев. Последние вольны как пригласить, так и изгнать князя, если он их не устраивает, так что ни о каком династическом наследовании княжеской власти речи не идёт. Князь, помимо этой «вольности в князьях», был связан по рукам и ногам ещё рядом условий традиционного договора. Князь не имел права:

- творить суд и принимать окончательные решения без посадника;
- владеть земельными вотчинами в Новгородской республике и раздавать её земли своим людям;
- собирать доходы в казну и затем распределять их на государственные нужды, он сам, как бы получал содержание от новгородцев.

Просуществовали эти взаимоотношения между новгородскими боярами и князьями вплоть до 1478 года, до потери новгородцами независимости. А вот когда они возникли и какими историческими причинами были обусловлены, оставалось неясным, хотя историческая традиция и возводит эти события ко времени Ярослава Мудрого. Археологические раскопки 1998–1999 годов в Новгороде принесли сенсационные результаты, позволившие приблизиться к ответам на поставленные вопросы.

Анализируя результаты археологических работ в усадь-

бе «Е» на Троицком раскопе, В.Л. Янин делает вывод о том, что эта усадьба в середине XII века служила местом «смесного» суда князя или его представителя и посадника. Опираясь на дендрохронологические исследования остатков настила «судебного присутствия», анализ текстов, найденных здесь берестяных грамот и Новгородских летописей, а также исследуя обнаруженные на территории Новгорода и Городища княжьи и посадничьи печати, он выявляет имена главных вершителей «смесного» суда. Академик Янин выдвигает две версии событий, приведших к возникновению этого института, чётко фиксируя при этом дату его учреждения — 1125–1126 года и утверждая, что именно с этого времени существует в Новгороде традиция, запрещающая князю выдавать грамоты без посадника.

Что касается формулы об отсутствии частных прав князя на землю, то по суждению академика Янина она не могла возникнуть ранее XI–XII веков, так как до этого времени Новгород не знал частной собственности на землю. Но именно на этом временном рубеже начинают складываться и вотчинное землевладение и государственные органы новгородского боярского управления во главе с посадником, избираемым на вече. Поэтому, считает Янин, традиция относить возникновение этого установления ко времени Ярослава Мудрого является несостоятельной.

Большой раздел книги, посвящённый истории обнаружения и исследования старинных предметов — деревянных цилиндров в новгородских раскопах, начиная с 1951 года и вплоть до сезонов 1998–1999 годов, подводит нас к выводам о том, что эти предметы были бирками, используемыми для фиксации цены и принадлежности собираемой части налога с территории Новгородской республики, а также служили замком, гарантировавшим неприкосновенность этого налога, в большинстве своём собираемого в виде пушины.

Будущим находкам ещё предстоит подтвердить выдвинутую академиком Яниным гипотезу о том, что с самого начала, с момента заключения договора между Рюриком и местной межплеменной верхушкой, княжеская власть была ограничена в сфере организации государственных доходов. Именно этим и объясняет Валентин Лаврентьевич уход Олега с малолетним Игорем из Новгорода. Завоевание Смоленска с Киевом позволило им самостоятельно распоряжаться государственным бюджетом.

А исходное ограничение княжеской власти в Новгороде и

заложило основу его своеобразного устройства. Время и стремление боярства к власти привело к появлению в конце XI века посадничества и контроля с его стороны за движением земельной собственности. А в 1126 году — к организации «смесного» суда с реальным приоритетом боярских представителей.

Достаточно много внимания на страницах книги уделено процессу формирования государственных территорий Новгорода в XI веке и возникновению в середине XII века административной системы зонирования, состоящей из внутренних и внешних волостей.

Что влияло на формирование этих зон? Различные способы их хозяйственной эксплуатации или географическое

положение, которое делало внешние волости более уязвимыми для притязаний соседних княжеств? Анализируя дошедшие до нас письменные источники и берестяные грамоты, а также рассматривая предположения других исследователей, академик Янин отвечает на эти вопросы.

В заключении издания помещён обширный каталог цилиндрических бирок с их описанием и изображением их внешнего вида и имеющихся на них надписей и отметок.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. — 309 с. с ил.

Средневековый Новгород, основанный на перекрёстке двух важнейших водных путей

древности: «из варяг в греки» и «волжско-балтийского», соединял Русь с западной Европой, Византией и мусульманским Востоком. И, естественно, являлся крупнейшим торговым центром, как международным, так и внутрирусским.

Источниковедческая база, на основе которой Е.А. Рыбина создала свою книгу, чрезвычайно разнообразна и подробно представлена в двух первых главах её работы. Это немало книг и статей, в которых, начиная с XVIII века, обсуждаются различные стороны торговой жизни Новгородской республики, и повествовательные источники: скандинавские саги, западные хроники, русские летописи и легенды. Это также письменные источники документального характера, археологические, нумизматические, сфрагистические. Их информационный потенциал чрезвычайно неравномерно распределён во временных рамках исследуемого периода с X по XV век. Так, по домонгольскому периоду, по связям в южном и южно-восточном направле-

нии письменных источников практически нет и на первый план выступают результаты археологических исследований. А западное направление XIV–XV веков, наряду с археологическими источниками, особенно хорошо снабжено письменными. Это торговые договоры и грамоты Новгорода и многочисленные письменные источники иноземного происхождения, хранящиеся в Любеке, Риге, Гданьске, Таллине и значительно превышающие отечественный материал такого рода. Эти источники, конечно, характеризуют в основном новгородско-ганзейскую торговлю и торговлю с ливонскими городами. Сюда входят материалы Ганзейских съездов, переписка ганзейской конторы в Новгороде, Скра в нескольких редакциях (устав немецкого двора в Новгороде), всевозможные торговые и таможенные книги и многое другое. Важнейшим источником, безусловно, являются берестяные грамоты. Они давно стали полноценным письменным источником, являясь при этом единственным прямым свидетельством конкретных торговых дел: купеческого суда, торгового складничества, товаров, обращавшихся на новгородском рынке.

Кстати, в своей лекции Елена Александровна особо подчёркивала, что в средние века торговля носила посреднический характер, товары как бы по эстафете передавались в крупные торговые центры. Конечно, отдельные новгородские купцы ездили и в Венецию и в Среднюю Азию, но основная масса купечества закупала товары из этих регионов в крупных перевалочных центрах.

В южном направлении таким центром для Новгорода стал Киев, недаром в этом городе был новгородский Торговый двор. Археологические раскопки в Новгороде принесли нам знания об основных товарах, поступавших в Новгород на этом направлении. Это пряслица розового шифера из Овруча, грецкие орехи, янтарь, стеклянные изделия, поливная керамика и хлеб, который шёл этим путём.

Для юго-восточного направления, волжского пути, таким центром был город Булгар. Отсюда в Новгород поступало серебро, поливная керамика, сердоликовые и хрустальные бусы, восточные ткани, самшит.

Шла торговля между Новгородом и крупными русскими городами. В берестяных грамотах неоднократно упоминаются одиннадцать из них, в числе которых Суздаль, Ярославль, Углич, Луки, Ростов, Полоцк, Псков...

Распределение всех источников, относящихся к вышеперечисленным направлениям торговли по векам указывает на то, что активные торговые связи существовали пре-

имущественно до XII века. А затем в результате татаро-монгольского нашествия и разрушения русских городов практически прекратились.

Ещё ряд причин в изменении географического направления торговли Рыбина видит в расширении новгородских земель, в появлении вотчинного землевладения, в возникновении торговых связей внутри Новгородской земли. А также в переориентации международных интересов, а вслед за ними и торговых в Западном направлении.

Поэтому IV, самая обширная глава книги Е.А. Рыбиной, посвящена Западно-Европейским связям Новгорода в X–XV веках, начиная с торговых связей новгородцев с коренным славянским населением южной Балтии, в X–XI веках.

На них указывает наличие западно-европейских монет, состав сплавов в изделиях из цветных металлов, особенности конструкций музыкальных инструментов... а скандинавские связи этого же периода подтверждают письменные источники и отдельные скандинавские находки, обнаруженные в Новгороде при археологических раскопках.

Всю историю торговли со странами Балтийского региона, следуя книге Е.А. Рыбиной, можно разделить на несколько этапов:

- XII век. Основным торговым партнёром Новгорода являются остров Готланд и Дания. Именно к этому времени относится и устройство готского торгового двора с церковью святого Олава в Новгороде.

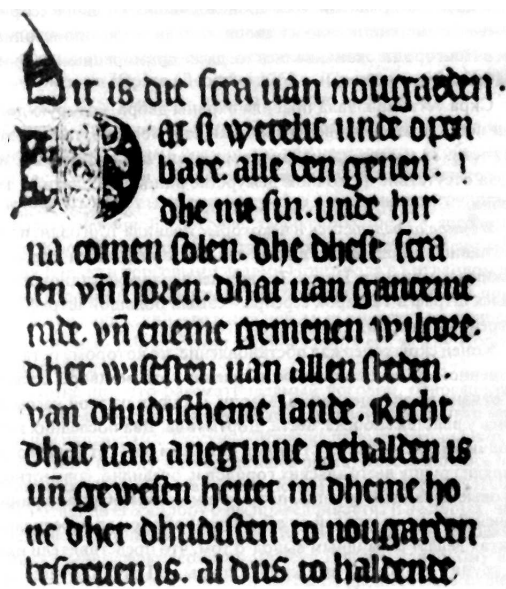
- Самый конец XII века и XIII век. На Балтике появляются немецкие купцы, которые занима-

ют ведущее положение в главном торговом центре Готланд — Висбю (основной центр для всей балтийской торговли). И в 1192 году в Новгороде начинается устройство Немецкого двора с церковью святого Петра.

- В конце XIII века, в 1283 году, впервые заключён союз, объединивший главные города южного побережья Балтики, известные под общим названием вендские города (это Любек, Росток, Шеттин, Висмар...). А в 1295 году главенствующая роль в торговле на Балтике переходит от немецкой общины Висбю к Любеку.

- XIV–XV века. В 1356 году состоявшийся в Любеке съезд положил начало союзу Ганзейских городов. Новгород становится одним из важнейших партнёров Ганзы. Здесь ганзейские купцы покупают мёд, воск, меха и другие товары. Причём, постепенно, на первый план выдвигаются ливонские города — Рига, Ревель, Дерпт, Нарва. В результате чего в 1442 году ганзейская контора в Новгороде официально передаётся ливонским городам.

К моменту вхождения Новгорода в Московское госу-

Скра — устав Немецкого торгового двора в Новгороде. Иллюстрация из книги Е.А. Рыбиной «Торговля средневекового Новгорода»

дарство, несмотря на начало административной ломки, международная торговля поддерживается и сохраняется. Однако в 1480–1484 годах основа новгородской экономики, базирующаяся на крупном землевладении и участии в международной торговле, коренным образом изменяется, а закрытие в 1494 году ганзейской конторы в Новгороде завершает период самостоятельных новгородско-ганзейских связей.

Надо сказать, что развитие торговли с Западом очень часто затруднялось и нарушалось различными конфликтами. Их надо было регулировать договорами, соглашениями. Вот почему существует большой комплекс документов, связанных с этими конфликтными ситуациями. И Рыбина в своей книге их подробно анализирует.

Такие же ситуации нередко возникали и в ходе функционирования в Новгороде Готского и Немецкого дворов. В специальной главе все они детально изучаются. Рассматривается также вся история возникновения и работы этих торговых дворов, определяется их местоположение, рассматривается распорядок жизни и быта купцов и правила ведения торговли. Все эти сведения Рыбина черпала как из результатов исследования письменных документов, так и из археологических материалов.

А вот ассортимент западно-европейских товаров, представленный нам в VI главе книги, основывается исключительно на данных археологических раскопок. Это серебро из Западной Европы, цветные металлы, янтарь, которые служили материалом для работы новгородским ремесленникам — литейщикам и ювелирам. Это ткани, изделия из горного хрусталя, стекла, керамика, деревянная посуда, кожаные изделия, украшения. Рыбина исследует топографию этих находок, динамику хронологического распределения этих предметов в новгородских раскопах. Изучая, казалось бы, «узкие» вопросы, она стремится быть в русле всей жизни Новгорода и, делая выводы, учитывает самые разнообразные обстоятельства новгородской истории.

Заключительная VII глава её книги отвечает на некоторые практически неразработанные вопросы, связанные с организацией торговли и новгородским купечеством. К ним относятся вопросы, связанные с купеческими усадьбами, купеческими объединениями, с институтом складничества (т. е. торговли в складчину), с определением характера и правовых норм торговли. Сюда входит вопрос и о локализации Торга на Торговой стороне, и об устройстве его рядов, о торговых пошлинах, о рубеже, который был одним из главных принципов средневековой торговли (рубеж от древнерусского глагола «рути» — подвергать конфискации).

В книге Рыбиной имеется обширный пласт приложений. Это список торговых актов Новгорода. Две редакции «Повести о посаднике Добрыни», которые позволили датировать момент организации Готского двора в Новгороде. Приведены IV Скря и содержание берестяных грамот, связанных с торговой тематикой.

Обширная библиография содержит немало иностранных источников, а многочисленные графики, рисунки с изображением предметов, найденных в новгородских раскопах, помогают глубже оценить основные положения, выдвинутые автором.

В августе в ОАО «Типография «Новгород» вышел сигнальный экземпляр сборника «Новгородские партизаны. (Партизанское движение на Новгородской земле 1941–1944 гг.)» под редакцией С.Ф. Витушкина. Прошли презентации книги в администрации области, в Центре им. В.В. Сороки, в центре художественного творчества в Десятинном монастыре. В этом номере мы публикуем одну из рецензий, прозвучавших в ходе обсуждения научного труда.

Рената МАКЕЙКИНА

НОВГОРОДСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Сторонография Великой Отечественной войны насчитывает десятки тысяч научных исследований и публикаций. Несмотря на большое число работ о партизанском движении в тылу немецких оккупантов, до сих пор нет обобщающего сводного объективного научного труда об этой героической странице борьбы советского народа против фашистов. Первая такая попытка была предпринята еще в 1965 году (см. Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1965), но жёсткая идеологическая направленность, недостаточная источниковая база снижают достоинства этой работы. История партизанской борьбы на Новгородской земле также нашла отражение в ряде исследований (см. Швердалкин П.Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959; Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. Л., 1973; Сергунин И.И. Давали клятву партизаны. Л., 1985 и др.).

Однако новое издание выгодно отличается от всех предшествующих тем, что впервые даёт обстоятельную картину партизанского движения на Новгородской земле в 1941–1944 гг.

На основе солидной источниковой базы (АПРФ, ЦГАИП СПб, ГАНПИНО, ГАНО, НГОМЗ, УФСБ по Новгородской области и Санкт-Петербургу, личных архивов и др.) авторский коллектив (С.Ф. Витушкин, Я.А. Васильев, Н.А. Дубровка, П.М. Золин, П.В. Долинин, А.Н. Павлов, М.Н. Петров, Ю.А. Прокофьев, А.Б. Тимофеева, М.М. Шумилов) рассказывает о возникновении партизанского движения на Новгородчине, о формах и методах партизанской борьбы, прослеживает взаимосвязь с населением и Красной Армией, освещает деятельность

партизанских бригад, соединений, отрядов, подпольщиков. Многие документы впервые вводятся в научный оборот. Впервые показана деятельность истребительных батальонов и оперативных групп НКВД, опубликованы документы о награждении партизан — героев Советского союза, приведён ряд биографических сведений. Большой интерес представляют воспоминания участников партизанского движения на Новгородской земле.

Сборник имеет чёткую структуру.

Во вводной статье С.Ф. Витушкина «Новгородская летопись партизанской войны» даётся краткая характеристика основных этапов партизанского движения на Новгородской земле.

Далее следует публикация документов общегосударственного значения о развертывании войны в тылу противника, что позволяет показать партизанское движение как системное целостное явление.

Публикации документов предшествуют аналитические статьи исследователей, в которых авторы кратко знакомят читателей с историей подпольщиков, истребительных батальонов, партийных групп, партизанских бригад и отрядов, акцентируют внимание на наиболее значимых документах.

Разнообразные по форме и содержанию документы (инструкции, справки, донесения, отчеты, радиogramмы и дневники, приказы и протоколы, автобиографии и письма, сводки и боевые листки, стенограммы и статьи партизанских газет, ходатайства и боевые характеристики) убедительно доносят до нас голоса эпохи.

Это донесения руководителя Волотовского подполья П.А. Васькина (док. № 25, 26, 27), воспоминания А.В. Марушковой о подпольной работе в Шимском районе, письмо к родным разведчицы З.Г. Кругловой (док. № 67), инструкция о действиях истребительных батальонов (док. № 60), боевой листок (док. № 103), сводка оперативной группы (док. № 106), данные по личному составу 1-й Особой партизанской бригады (док. № 118), рассказ жены учителя

(док. № 140), радиogramмы, переданные командованием 2-й Особой партизанской бригады (док. № 159, 160), протокол партийного собрания (док. № 184), приказ ЛШПД о 5-й ЛПБ (док. № 187), боевые характеристики на партизан (док. № 209–221) и др.

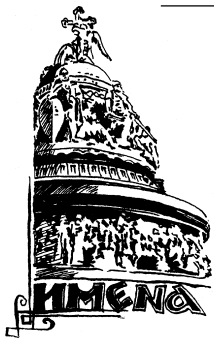
И за всеми этими строгими, четкими, порой скупыми строками стоят живые люди, вступившие в смертельную схватку с фашистами.

Документальный материал очень удачно дополняется воспоминаниями бывших партизан, которые рассказывают о подвигах своих погибших товарищей, о партизанском быте и военных операциях, о народной поддержке в борьбе с врагом.

Заслуживает внимания и хроника партизанского движения, составленная А.М. Тэммо и В.А. Лосевым.

При содействии администрации Новгородской области, архивного управления Новгородской области, общественной редколлегии областной Книги Памяти, рабочей группы областной редколлегии Книги Памяти, Областного совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, Областного общественного объединения ветеранов партизанского движения, архивистами (прежде всего ГАНПИНО) и историками НовГУ им. Ярослава Мудрого подготовлен глубокий, обстоятельный труд по региональной истории партизанского движения на Новгородской земле, который вносит весомый вклад в общую проблему истории Великой Отечественной войны, представляет большой интерес для преподавателей и студентов вузов, учителей и учащихся школ, краеведов и всех жителей нашей области.

Очень хорошо, что этот сборник увидел свет в текущем году — году 60-летия начала Великой Отечественной войны и 60-летия начала партизанского движения. Документы и материалы сборника освещают истоки нашей Великой Победы и завещают молодому поколению горячо любить, беречь и защищать нашу Родину.

Ирина САВИНОВА

«ПРИШЛА ПОРА БЫТЬ ИСКРЕННИМ...»

*«Печальное дело Трувеллера показало,
как смелы бывают они».*

А.И. Герцен

Однажды в одном из дел фонда губернской канцелярии встретилась мне ведомость за 1865 год — донесения полицейских чинов о лицах, состоящих под надзором за политические преступления. Читаю: «Дворянин Владимир Трувеллер, служивший в 23 флотском экипаже, уроженец Новгородской губернии Боровичского уезда». В причине высылки и надзора значилось: «По высочайшему по-

велению за распространение возмутительных воззваний на фрегате «Олег» в 1863 году»¹.

Кто он, молодой моряк, дворянин иностранного происхождения? Что за воззвания распространял на своём корабле? В энциклопедических словарях и справочниках сведений о нём обнаружить не удалось. Предстоял архивный поиск.

Начался он с Центрального Государственного архива военно-морского флота СССР. Краткий, но содержательный ответ его сотрудников вводил в поиск новое, исторически знаменитое имя А.И. Герцена. С ним встречался В. Трувеллер в Лондоне, об этих встречах, как и о дальнейшей судьбе юноши, Герцен сам сообщил потом в «Колоколе».

...Летом 1850 года (может быть, годом раньше или позже) А.И. Герцен встретился в Ницце со знакомой новгородской помещицей Марией Владимировной Трувеллер. Молодая женщина отдыхала здесь со своим малолетним сыном Володей, который учился в одном из частных пансионов в соседней Швейцарии. Мальчик был не по-детски серьёзен, внимательно поглядывал на седобородого человека.

— Что же вы больше всего любите на свете? — спросил его собеседник.

— После Бога и отца с матерью — больше всего Николая Павловича.

— За что же вы так его любите? — в вопросе слышался шуточный оттенок.

— Он мой законный государь!

Мария Владимировна, мать мальчика, была дочерью отставного артиллерийского офицера, участника Отечествен-

ной войны 1812 года Владимира Петровича Козлянинова, первого попечителя Новгородской мужской гимназии, основанной в 1808 году. Известен был Козлянинов и своими тру-

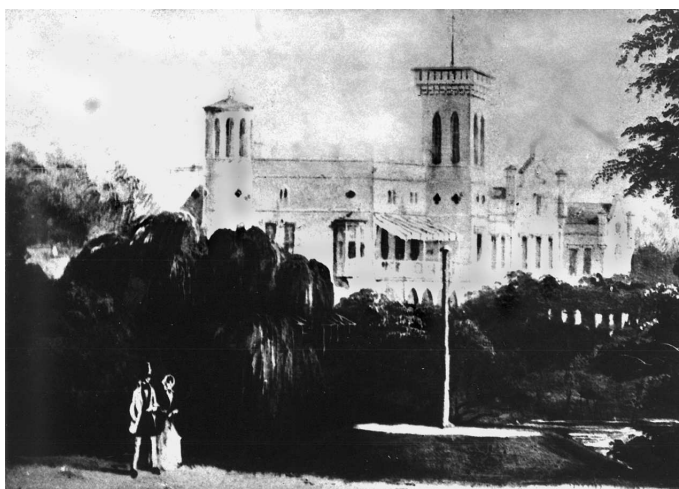
дами по сельскому хозяйству, особенно — по осушению болот. За них Вольно-экономическое общество присудило ему Большую золотую медаль.

Дочери Владимира Петровича, Мария и Надежда, ещё в малолетстве потеряли мать, Агриппину Николаевну. Отцу, владевшему собственным имением в Устюжском уезде, пришлось, помимо родительской заботы, проявлять и хозяйственную — опекать имения дочерей, доставшиеся им в Боровичском уезде по завещанию матери (урождённой Балк): Петрово — Марии,

Спирово — Надежде.

Время ничего не оставило нам от усадьбы Петрово. Но сохранилось дело об опеке над имениями малолетних дочерей Козлянинова, а в нём — описание усадьбы в Петрове: «Господский каменный дом о двух этажах с выпусками по краям, длиною 16, поперёк — 9 сажень. В нём покоев в верхнем (этаже) — 13 и нижнем с кухнею — 15, окон в обоих — 70, крыт железом»².

Дом этот был заполнен обычными для того времени вещами. Среди них — 15 картин, писанных маслом, включая два фамильных портрета четы Козляниновых кисти К.Я. Рей-

Усадьба Петрово Боровичского уезда. Картина Казимира Рейхеля. Фотокопия из Швейцарии. Подлинник затерян. ГАНО. Ф. Р-4496. Оп. 1. Д. 86. Из личного фонда И. Савиновой

хеля, которые спустя столетие окажутся в Омском музее изобразительных искусств, а в наши дни помогут в моём архивном поиске. Но об этом позже.

По достижении совершеннолетия дочери Козляниновых стали самостоятельными владелицами. Вскоре Надежда вышла замуж за Д.А. Токарского, а Мария, вопреки воле отца (примирившегося с ней лишь после рождения ребёнка), тайно обвенчалась в 1840 году с вдовцом Вильямом Трувеллером, поручиком корпуса инженеров путей сообщения, англичанином по происхождению. Интересна его судьба. Потеряв на родине жену, Вильям Трувеллер, спасаясь от печали, пустился в далёкую Россию, где в 1834 году женился на Анне Ивановне Вульф. Да, да! Той самой Нетти, которая привлекала внимание А.С. Пушкина. Но и этот брак оказался роковым — через год, в 1835 году, Нетти тоже скончалась; во время родов погиб и ребёнок...³

Русское подданство Вильям принял после Крымской кампании 1854–1855 годов (в которой Англия выступила на стороне турок) и стал именоваться Василием Ивановичем Трувеллером. Первенец, Владимир, родился в 1841 году.

Мальчик рос, окружённый любовью близких, имел мягкий, кроткий характер, был любознателен, в четыре года уже мог читать и писать. Для дальнейшего обучения мать отвезла его в пансион, в Швейцарию. Но через несколько лет, пока Володя воспитывался в Швейцарии, благосостояние семьи пошатнулось и вскоре обернулось несчастьем. Василий Иванович, выйдя в отставку в чине генерала, взял большой подряд на постройку мостов на Николаевской железной дороге. Вскоре, однако, начались осложнения с ведомством путей сообщения. На строительство требовался дорогой материал. Согласно договору, Трувеллер доставлял его из Англии, и тут ведомство стало оспаривать причитающееся ему вознаграждение. Его обвинили в присвоении казённых денег... Была опорочена честь, семье грозило разорение. Завязался судебный процесс, растянувшийся на... 18 лет.

Всё это обрушилось на тринадцатилетнего мальчика, когда он в 1854 году вернулся домой из Швейцарии. Его поместили в один из частных петербургских пансионов, а в 1857 году он, в возрасте 16 лет, выдерживает вступительные экзамены в Петербургский университет. Но учиться в ту пору ему не пришлось: тяжело заболел отец. «Описать Вам все неудачи, скорби, унижения, все переходы от надежды к отчаянию, от богатства к нужде, всю борьбу физическую и моральную, перенесённую нами, нет сил. Под этим влиянием вырос мой сын», — писала Мария Владимировна одному из знакомых⁴.

По словам матери, Володя обожал отца. И когда в результате волнений тот получил «удар» — кровоизлияние в мозг, и впал в полупарализованное состояние, юноша преданно уха-

живал за ним, два раза возил за границу. Но улучшения не последовало, и через два года мучений, в 1859 году, Василий Иванович умер, не дождавшись окончания судебного процесса.

Всё это время Мария Владимировна, измученная горем и кредиторами, мужественно продолжала тяжбу. Сын, никогда не роптавший, ободрял её, поддерживал словом и участием. Он ещё верил, что правда и закон восторжествуют, надеялся на правосудие, но дело было проиграно. В порыве отчаяния мать написала императору, однако, письмо её не дошло — его возвратили Марии Владимировне. Вера в справедливость рухнула.

В душе пытливого мальчика, слышавшего разговоры родителей о бессовестности чиновников ведомства путей сообщения, воочию наблюдавшего тяжёлую жизнь крепостных крестьян и под влиянием книг постепенно вызревало убеждение в аморальности и жестокости существующего строя. Проигранное судебное дело отца, в честности которого он не сомневался, явилось для него подтверждением этого умо-

заключения, поэтому, когда в 1860 году Владимир возвратился в университет, он быстро сблизился с радикально настроенной студенческой молодёжью, читал сочинения Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, В.Г. Белинского и Н.А. Некрасова. Когда в университете начались волнения, Трувеллер принял участие в студенческих сходках, а также в манифестации и был в числе её депутатов.

Но смерть отца, нервное напряжение из-за безысходности семейных дел сказались на впечатлительном молодом человеке. В декабре Владимир заболел и слёг

в доме дяди Евреинова. Доктор Гершельман определил у него нервную горячку. В состоянии болезни в человеке всегда обостряется чувство ранимости. Так и здесь: мучила тоска по безвинно пострадавшему отцу, сочувствие материнскому горю и сознание своего бессилия. В один из дней болезни появилась мысль о самоубийстве, но бритва лишь поверхностно поранила шею. Врач посчитал это умственным расстройством и постарался поскорее перевести юношу в частную психиатрическую больницу доктора Штейна.

Этот случай многое изменит в судьбе Владимира Трувеллера и отзовется через три года.

В январе 1861 года здоровье юноши улучшилось, и в феврале он уехал домой. Врачи рекомендовали сменить обстановку, а ещё лучше — предпринять морское путешествие. Но средств на такую роскошь уже не осталось. Решено было поступить иначе. Оставив университет, Владимир сдаёт экзамены и поступает в Морскую академию. 24 сентября 1861 года в звании юнкера флота он выходит на фрегате «Ослябя» в заграничное плавание, которое с 10 марта 1862 года про-

М. Зацепин. Портрет семьи Козляниновых. 1822 г.
Государственный Эрмитаж

должит уже на фрегате «Олег».

Всё было в дальнем плавании: синь морей, голубое небо Ниццы, свежий воздух океана. Но рядом с земными прелестями существовала военно-морская служба. Её зверский режим, тяжёлые условия быта матросов, телесные наказания вызывали протест прогрессивных людей России. В защиту русских матросов поднимал голос и герценовский «Колокол». В нескольких номерах публиковались сообщения о зверствах и издевательствах над людьми в морской форме. Подобные нравы наблюдал и юнкер Трувеллер на своём фрегате «Олег».

Спустя некоторое время Владимир стал различать, что команда корабля разделяется на две половины: матросов николаевского времени и более поздних лет. От первых редко доводилось слышать какое-то суждение. Да и вряд ли продолжительная служба на флоте могла оставить в их душах какую-нибудь чувствительную струну. Более молодые матросы с готовностью откликались на попытки юнкера завести с ними разговор. И в этом общении ещё более усилилась его любовь и уважение к простым людям.

В служебном расписании юнкера не было часов для занятий с нижними чинами, но он старался выкроить их, чтобы научить матросов хотя бы основам грамоты.

В начале мая 1862 года в английском порту Портсмут бросили якорь два русских фрегата — «Олег» и «Громобой». Офицеры получили разрешение посетить Лондон. Отправился на берег и Владимир Трувеллер. Один, без спутников...

По возвращении из заграничного плавания на «Олеге» и «Громобое» был произведён обыск, при котором обнаружилось большое количество запрещённой литературы, издававшейся в Лондоне «Вольной русской типографией»: комплекты «Колокола», «Полярной звезды», экземпляры воззваний «Что нужно народу?», «Что надо делать войску?», «Что нужно помещикам?». Начались аресты офицеров, у которых были найдены все эти издания. Гардемарин Дирин, лейтенант Янов, медик Георгиевский... В сохранившемся списке свыше двадцати фамилий⁵.

Что это? Дерзость молодости? — Запретный плод сладок. Или же организованный провоз «революционной заразы»? Не желая предавать огласке случившееся, правительство решило наказать виновных в служебных рамках: старших офицеров, не проявивших строгости, «отстранить от занимаемых должностей административным порядком, не предавая суду». Остальным выпал месячный арест в Кронштадтской крепости. И только два Владимира — Трувеллер и Дьяконов — должны были предстать перед военным судом как наиболее активные участники этой истории.

Началось долгое следствие, материалы которого составили около четырёх томов на 1000 листах. Сейчас они хранятся в Центральном Государственном архиве военно-морского флота России в Санкт-Петербурге.

...Осторожно переворачивая слегка пожелтевшие листы, внимательно читаю разнообразные, не по-современному красивые почерки. Мелькают подписи влиятельных лиц: управляющий Морским министерством генерал-адъютант Н. Краббе, генерал-адъютант, петербургский губернатор, князь А. Суворов-Рымникский (внук полководца), председатель следственной комиссии князь А. Голицын.

В своих показаниях Владимир Трувеллер лишь ограничился упоминанием, что в Лондоне виделся с Герценом, Ога-

рёвым, Бакуниным. Более подробно об этих встречах рассказывал впоследствии сам А.И. Герцен на страницах «Колокола».

Впервые Трувеллер появился в Лондоне в 1861 году, во время плавания на фрегате «Ослябя». Его всё ещё волновал семейный судебный процесс.

«Сын был уверен в невинности отца и решился во что бы то ни стало восстановить доброе имя его. Всё, что он пробовал в России, не удалось ему, и он явился к нам с портфелем бумаг, контрактов, сенатских записок, экстрактов (подтверждающих клевету царских чиновников, ложно обвинивших инженера Трувеллера в расхищении казённых сумм и злоупотреблениях по службе). Разобрать их и составить из них записку для «Колокола» было дело нешуточное. (Но это было сделано, и статья в «Колоколе» полностью его реабилитировала и явилась ещё одним ударом по прогнившему царскому режиму...)»

...В Трувеллере поражало что-то твёрдое, печальное и детское вместе. Сильно работало в его груди, буравило его; в «законного государя» он не верил больше и с глубоким негодованием говорил о скверном обращении с матросами⁶.

Приведу ещё одно сообщение А.И. Герцена: «Колокол» поместил заметку о зверствах офицеров флота. Вслед за этим пришло анонимное письмо, которое защищало «пострадавших» офицеров. Письмо напечатано не было. «Спустя несколько месяцев приехал Трувеллер во второй раз, я ему показал письмо офицеров, защищавших... своего командира. Трувеллер вспыхнул — он был уверен, что это интрига, и в доказательство привёл несколько фактов. Я записал их на всякий случай и прочёл Трувеллеру в другое посещение. Он нахмурился... Ну, думаю, испугался.

— Позвольте Вашу записку?

— Извольте.

Он сам её прочитал, взял перо и подписал.

— Что Вы делаете? — спросил я.

— А то, чтобы мои показания не были безымянными.

Уезжая из Лондона, он накупил целую кипу «Что нужно народу?», «Колокола» и других вещей. Я об этом ничего не знал — он простился и отправился в Россию⁷.

Донёс о провозе запрещённой литературы священник фрегата «Олег» иеромонах Палладий.

До службы на одном корабле Дьяконов и Трувеллер знакомы не были, да и на фрегате особой дружбы не водили. К знакомству с произведениями «Вольной русской типографии» каждый пришёл своим путём. Во время следствия десятки людей прошли перед комиссией. Мичманы Рыкачёв, Кох, Развозов, морской артиллерии штабс-капитан Иванов, прапорщики Никитин и Плетнёв ответили отрицательно: «Не читал, не давал, не видел».

Гардемарин Давыдов: «Запрещённые книги читал вместе с юнкером Трувеллером. Не знаю, распространял ли он между нижними чинами эти идеи, в каюте же в суждениях о прочитанном участвовал».

Юнкер Ниценко: «Несколько раз слышал разговоры и толки по крестьянскому вопросу».

Сам обвиняемый, по замечанию А.И. Герцена, «вёл себя с необыкновенной твёрдостью и благородством». На следствии он не стал скрывать или отказываться от своих взглядов и убеждений: «Я стал уважать эти сочинения (издания «Вольной русской типографии» — И.С.) с тех пор, как убедился, что

они большей частью только полнейшее выражение нужд, желаний и стремлений целого русского народа; книга Серно-Соловьёвича* содержит целую главу с доказательствами, почерпнутыми из официальных сведений, что в 34 губерниях России народ был недоволен разрешением крестьянского вопроса.

Время, проведённое мною в имении матушки прошлой весной и летом, мне доказало, что крестьяне действительно ожидали и ожидают много, более сообразного их потребностям освобождения. Отказ большинства крестьян в подписывании уставных грамот подтверждает все слова и предсказания Огарёва.

Наконец, само преследование этих сочинений правительством, лишившим навсегда доверия не только что мыслящей, но и немыслящей ещё России, служит каждому, даже вовсе нехитрому человеку, доказательством достоинств заграничных изданий...

Предоставляю каждому вспомнить про себя всё зло, которое ему или его близким принесло правительство и, пожалуй, раскрыть «Колокол» на странице с заглавием «Предписание и секретно-циркулярно» или «Донесение и весьма секретно», и тогда он поймёт почему я и все, любящие родину свою до самопожертвования, дорожат запрещёнными изданиями и стараются раскрыть глаза и тем слепцам, которые, чувствуя стеснения и гнёт, видят в них личность, а не систему.

Я высказывал свои убеждения нижним чинам и другим лицам по той же причине, по которой высказываю и вам — из любви к правде и из того убеждения, что осознанная потребность целого народа при нынешней системе правления не может спокойно удовлетвориться или даже обнаружиться иначе, как громким признанием её всякою отдельною личностью... Пора пришла быть искренним, потому что не только бессильное дворянство, но и полный сил народ задумывается...», — писал Трувеллер в своих показаниях и ответах следственной комиссии⁸.

На вопрос следователя, не принадлежит ли он к какому-нибудь тайному обществу, Трувеллер ответил, «что презирает всякие тайные общества или предприятия, потому что они тайные и тем ускользают от обсуждения и контроля (общественности) и потому ни состоять, ни участвовать в них никогда (бы) не согласился. Но ему известно об обширном тайном обществе, пользующемся огромной властью и поддержкой многих приближённых ко двору лиц, пользующемся огромными материальными средствами и в механическом отношении (имеющем) такое совершенство, что общество с трудом может уличить иногда того или другого члена. Общество это имеет огромное и пагубное влияние на всё, не принадлежащее к нему, начиная с самого государя и кончая сибирским иноземцем; действия его не соображаются и не контролируются никаким общественным мнением и несообразны ни с чьими потребностями. Он не может достаточно обратить

внимание следователей на это зловерное общество, которое называется правительством...»⁹.

«...На вопрос о том, что читая нижним чинам сочинения, враждебные правительству, покупая ящиками Евангелия и другие духовные книги, по просьбе нижних чинов без дозволения начальства и принося эти ящики на кубрик под видом гардемаринской провизии, создаёт ли он свою виновность в этих действиях, из которых одни прямо преступны, а другие противны порядку на военном судне, юнкер Трувеллер объяснил: он, к сожалению, чувствует, что в следующих строках (показания давались письменно — И.С.) он прямо подписывает свой приговор, но уверенность, что он так поступал из совершенной преданности родине и любви к ближнему, заставляет его не признать своей виновности в смысле раскаяния.

...Перед своей совестью, в смысле христианском, — он прав. А что его действия не согласны с требованиями правительства, ложно у нас называемыми законами, и с порядком, этим же правительством на судах установленным, — то он это признаёт. Также признаёт, что знал это раньше действия относительно чтения нижним чинам запрещённых сочинений»⁹.

Так, подобно многим другим революционерам, Владимир Трувеллер смело использовал суд как трибуну, откровенно излагая свои политические взгляды, резко критикуя правительство в ущерб личным интересам.

Тихо в читальном зале архива. Лишь большие напольные часы мерно отсчитывают минуты, с каждым колебанием маятника отдавая меня от мятежного юноши, чей облик поглотило время. Только его мелкий изящный почерк сохранила бумага. Письмо к матери на небольших тонких листах голубого цвета. Оно так и не дошло до адресата, и как крамольное присовокуплено к делам следствия. Я переписываю его слово за словом, проникаюсь настроением, поражаюсь образу мыслей юнкера.

«Кронштадт, 24 июня 1862 г.

Дорогая и добрая матушка, от всей души благодарю тебя за твоё письмо, переданное мне на фрегат. Мне легче думать, что ты оставляешь меня распорядителем моей судьбы, нежели знать, что к твоим хлопотам и заботам прибавились ещё заботы и хлопоты обо мне. С радостью я прочёл твоё письмо, и оно сняло с меня по крайней мере половину тяжести настоящего моего положения. Если ты хочешь продлить моё спокойствие, то оставайся в деревне где бы то ни было, куда тебя требуют твои и сестрины интересы¹⁰, а обо мне не горюй, считай меня как бы в дальнем плаваньи. Верь, что сознание моей правоты меня поддержит в каком бы я ни был положении, не даст упасть духом и свихнуться с прямого пути...

Теперь производится над моими действиями следствие. Характер вопросов и степень известности моих действий подтверждает меня в том, что не член тайной полиции отправил

* Имеется в виду книга Н.А. Серно-Соловьёвича «Окончательное решение крестьянского вопроса», изданная в Берлине в 1861 году. Н.А. Серно-Соловьёвич (1834–1866) — видный участник революционного движения 1860-х годов, был близок к «Современнику», сотрудничал в герценовских изданиях. Являлся одним из организаторов и руководителей тайного общества «Земля и воля».

⁸ Журнал «Исторический архив». № 5. АН СССР. 1955 г. С. 12.

⁹ У Трувеллера было три сестры: Надежда, Анна и Софья.

на меня донос, а попросту — священник. Меня уже допрашивали три раза. В ответах я не искал себе оправдания, хотя была в этом возможность. На многие вопросы я мог бы ответить отрицательно и этим уменьшить степень признаваемой за мною законной вины, но мне нет надобности объяснять тебе, почему я бы перестал тогда себя уважать...

Возвращаясь из комиссии, я потом начинал припоминать свои ответы и понимать, насколько они ухудшили моё положение, и тогда начинается самое мучительное положение. Голос совести мне говорит «я прав, я не взывал ни к пуле, ни к топору; хотел, напротив, уничтожить возможность злоупотреблений пусть и топором; призывал одну власть разума и убеждения — значит, я прав», а соображение всех фактов подтверждает меня в том, что комиссия смотрит на дело совершенно иначе, она не определяет степень моей действительной виновности, а степень моей вредности правительству; осуждение моё мне тогда представляется неизбежным... И не то, чтобы мне страшно или не слышал о крепости против каких бы то ни было казней, но ужасно подумать о совершенной потере моих сил и спокойствия. Я чувствую много любви к родным и к близким моим, чувствую много сил и способностей употребить их для пользы общества...

Добрая матушка, отец и ты уже слишком много для меня мучились и хлопотали. Я тебя уверяю, что всякие дальнейшие старания и жертвы прибавят горести к моей участи. Думай о себе и о сестрах, рассчитывая своё состояние на себя и на них, а меня оставь идти по той тропе, которую себе проложу. Будь уверена, что я иду по принципам верным и благородным, и что я им не изменю.

Со мной под следствием и Дьяконов, бедного очень жаль, он поддерживает брата и сестру своими средствами; он хороший, может быть, лучший служака из наших гардемарин, и вследствие этой неприятности ему может быть грозит отставка...

Поцелуй Аню и Соню и не слишком думай обо мне, и ради бога не хлопочи, а то я с ума сойду. Целую твои руки...

Володя».

Здесь же в деле, рядом с письмом, хранится небольшая записка на немецком языке. Перевод её содержит следующее:

«Не могу ли я получить из Браушвейга или в других местах русских печатных букв 1) 3 комплекта больших — 108, 2) 50 комплектов малых — 1800 букв, 3) 9–10 комплектов цифр — 90 букв, 4) запятых, точек и т. д. — 90. Они должны быть доставлены завтра на фрегат «Олег»; будьте так добры поставить цену, сколько за фунт. Когда г. Дьяконов будет заказывать их, дайте знать, можно ли их доставить завтра или когда? Напишите это, пожалуйста, мне на бумаге, потому что мы отправляемся скоро в Кронштадт. В случае, если нельзя так скоро исполнить, я попрошу кого-нибудь на фрегате «Громобой» взять их.

В. Трувеллер».

Печатные станки Владимир предполагал приобрести в России — слишком рискованно было бы везти их из-за границы на военных кораблях. По просьбе Трувеллера, приведённую выше записку гардемарин Дьяконов свёз в Киле на берег, в словолитню, не зная её содержания. Вместо письменного ответа на фрегат приехал агент словолитни. Однако цена за шрифты была запрошена высокая, и от затеи пришлось отказаться. В следственной комиссии юнкер заявил, что задачей

подпольной типографии являлось бы разоблачение действий царского правительства и призыв к борьбе против господствующего произвола.

«Горе тому правительству, которого опора — материальная сила! Войско — поддержка правительства! Поддержка установленного порядка и спокойствия! Вот мысль, не раз высказываемая членами нашего правительства; вот грязное рубище, высовывающееся из уж очень поношенных швов государственной мантии. Сколько в этом цинизма! Как мало ручательства на преобладание правды! Как много нравственного бессилия! Одно из двух должно исчезнуть: или тронные речи благонамеренного государя, или это подлое, унижительное для государства доверие одной материальной силе...».

Несколько листов большого формата заполнены уже знакомым и дорогим мне почерком. Нет возможности переписать все ответы Трувеллера. Они характеризуют его как сторонника взглядов Герцена и Огарёва. И в то же время он ещё не достиг политической зрелости. Критикуя реформу 1861 года, проведённую в интересах помещиков-крепостников, Трувеллер осуждал кровавые злодеяния Апраксина, Дренякина и других усмирителей крестьянских волнений*. Он выступал против репрессий правительства, направленных на подавление революционных выступлений крестьянства, студенчества, передовой интеллигенции, но вместе с тем отрицал необходимость свержения самодержавия насильственным путём. Он рассчитывал лишь на ограничение власти царского правительства, установление контроля над его деятельностью, полагая, что добиться этого можно путём «пассивной революции» — мерами пассивного сопротивления и убеждения, устранением от власти наиболее скомпрометировавших себя государственных деятелей.

Пусть на наш современный взгляд многие убеждения юнкера Трувеллера кажутся наивными, но это был смелый шаг по тем временам, порыв благородной души, не желающей мириться с жестокостями существующего порядка.

«Безумству храбрых поём мы песню!»

Бедное материнское сердце! Сколько бед уже перенесло оно, а судьба по-прежнему посылает испытания. Известие об аресте сына, о грозящей ему судебной расправе потрясло Марию Владимировну, и она ринулась его спасать. В отчаянии пишет письмо императору, в котором ссылается на больной рассудок сына.

Помните больницу Штейна? Она снова появляется в деле Трувеллера.

«Первого попавшегося на глаза произведения... лондонской прессы было достаточно, чтобы снова омрачить рассудок сына моего, ещё не пришедшего в себя от прошлых наших несчастий, и бросить его на тот скользкий путь, который его привёл пред судом, а он себя обвиняет...».

Простим матери её порыв во имя спасения сына. В канцелярию Морского министерства поступило свидетельство доктора Штейна о прежней болезни Трувеллера вместе с завере-

* С.Ф. Апраксин, А.М. Дренякин — генералы царской армии, под чьим руководством произошли жестокие подавления крестьянских волнений в Казанской и Пензенской губерниях в апреле 1861 года.

ниями матери, что «сын её, Трувеллер, впал в настоящее преступление не иначе, как вследствие проявившегося в нём вновь умственного расстройства».

Последовало распоряжение властей — обследовать арестованного в доме умалишённых. Так в сентябре 1862 года Владимир Трувеллер оказался в больнице «Всех скорбящих». Врачи строго следили за здоровьем подопечного: если прежний диагноз доктора Штейна подтвердится, то юноша может избежать суровой судебной расправы. На это уповала и отчаявшаяся мать, почти не выезжающая из Петербурга и проводящая дни в приёмных Морского министерства или генерал-губернатора. Однако главный врач больницы Лоренц подал рапорт со своим решительным заключением, что «все поступки юнкера Трувеллера совершены им не вследствие какой-либо болезни, а вследствие молодости, неопытности и пылкого воображения»¹⁰.

Медицинский совет больницы попытался не согласиться с мнением Лоренца и подал своё определение, склоняющееся к наличию расстройства ума. На этом документе стоит собственноручная резолюция императора от 4 марта 1863 года: «...с заключением Медицинского совета я согласиться не могу, а потому Трувеллера предать суду»¹¹. Можно понять и испуг императора: хватит России Чаадаева, а если объявится ещё один сумасшедший со своими философскими учениями? Рискованно объявлять безумцами умных людей. Себе дороже обойдётся!..

В тот же мартовский день поступило распоряжение: «Высочайше повелено Трувеллера перевести из Кронштадтской гауптвахты в крепость здесь, в Петербурге», а следственная комиссия заново принялась изучать дело подсудимого. Владимир Трувеллер обвинялся в «распространении между нижними чинами воззваний лондонской пропаганды и толковании им оных, в намерении приобрести за границей словолитню для печатания подобных сочинений в России и в выписке из Лондона напечатанных там возмутительных листов»¹².

Суд приговорил его к лишению дворянского достоинства, состояния и к ссылке на каторжные работы сроком на десять лет. Желая выглядеть либералом, император смягчает решение суда: его рукой на приговоре помечено: «чтобы срок каторжной работы Трувеллеру был ограничен 3 годами»¹³. Решение суда было объявлено 27 января 1864 года, а 31 числа Владимир Трувеллер переводится в Санкт-Петербургское губернское правление для дальнейшей отправки в Сибирь. Уже в пути его догнала ещё одна царская милость: освободить от каторги и сослать на поселение в Курган Тобольской губернии с учреждением там за ним строгого полицейского надзора. Владимир Дьяконов был разжалован в рядовые ранее — при первом слушании дела.

Как сложилась жизнь ссыльного в далёком Кургане?

На запросы в Тобольский и Курганский архивы пришли лаконичные ответы: сведения о Трувеллере оказались весьма краткими — сообщение о причине высылки юнкера. Несколько подробнее рассказано о Трувеллере в книге «Участники польского восстания 1863–1864 гг. В тобольской ссылке»¹⁴.

Духовную жизнь города определяли политические ссыльные, которые в то время составляли значительную часть городского населения. Ко времени прибытия Трувеллера здесь

находилось много поляков — участников восстания 1863–1864 года. Неудивительно, что Владимир вскоре сближается с повстанцами и становится частым гостем Казимира Малиновского, на квартире которого собирались ссыльные. Встречались они и у Трувеллера. Разговоры непременно сводились к обсуждению вопросов политической жизни России, планов совместной борьбы с царизмом.

О тайных сходках донесли курганскому городничему, и он в июне 1864 года распорядился запретить политическим ссыльным выходить из дому после 10 часов вечера. По существовавшим правилам ссыльные должны были дать расписку, что они ознакомлены с распоряжением и обязуются его выполнять. В. Трувеллер и К. Малиновский провели среди товарищей агитацию, и большинство из них подписываться отказалось. Разгневанный городничий обратился с рапортом в Тобольск. Однако губернатор отменил распоряжение усердного чиновника...

Тем временем далеко в России продолжала бороться за освобождение сына его мать. 7 июня 1865 года она снова подала императору прошение о помиловании, ссылаясь на болезненное состояние Владимира и на то, что он — единственный сын...

Трудно сказать, что повлияло на самодержца: настойчивость матери или сознание, что здоровье юноши уже подорвано и он не сможет продолжать политическую борьбу, — но было велено — возвратить его в своё имение, в село Петрово Боровичского уезда, и учредить за ним строгий полицейский надзор. Так в 1865 году в бумагах боровичской полиции появилось имя ссыльного Владимира Васильевича Трувеллера.

О его жизни в последующие годы пришлось собирать сведения по случайным отрывочным сообщениям, просмотреть не одну сотню листов дел различных архивов, т. к. значительная часть дореволюционного архива Боровичского уезда погибла во время Отечественной войны.

Донесения боровичской полиции немногословны, составлены по заданной форме, но и в этих сухих отчётах иногда мелькали интересные сведения. В ноябре 1865 года Владимир Трувеллер с разрешения министра внутренних дел выбыл в Петербург «для излечения». Несомненно, это Мария Владимировна выхлопотала поездку, чтобы показать врачам сына после годичного пребывания в Сибири.

На следующий год Трувеллеру возвращают все права состояния, но полицейский надзор за ним остаётся по-прежнему. В очередном донесении за 1868 год сообщалось, что он занимается сельских хозяйством, и вдруг новое известие: «имеет жену, которая находится при нём».

А хозяйственные дела Марии Владимировны всё ещё продолжали тревожить семью. В марте 1869 года боровичская дворянская опека слушала отношение Санкт-Петербургской сохранный казны по займу помещика Василия Ивановича Трувеллера. Имение за долги было отдано в опеку соседскому помещику, племяннику Марии Владимировны — Антону Токарскому. Долг оказался посильным, вскоре имение возвращается по принадлежности. Во всех заседаниях и разбирательствах участвует «доверенный г-жи Трувеллер Владимир Васильевич Трувеллер». Мать передаёт сыну всё управление хозяйством, желая занять его земными делами. Имя Трувел-

лера встречается и в списках землевладельцев уезда, имеющих право участвовать в земских съездах¹⁵.

В эти годы в Боровичах находилась группа ссыльных поляков — друзей и родственников тех, с кем Владимир познакомился в Сибири. Документальных свидетельств о его встречах с ними обнаружить не удалось, но разве это благородное сердце могло не поддержать добрым участием, а то и материальной помощью оторванных от родины людей, лишённых всяких прав и пребывающих порой на краю нужды?

Не сразу удалось определить церковь, в чьём приходе находилось имение Петрово. Для чего? Церковные метрические книги являются своеобразной энциклопедией жизни прихожан и могут иногда представить самую неожиданную и важную информацию. Помогла также книга И.В. Аничкова «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии», изданная в Новгороде в 1911 году. Выяснилось, что Петрово относилось к приходу Городищенской церкви. В первой же метрической книге за 1862 год на страницах замелькала знакомая фамилия. Основная масса записей относилась к «временно обязанным крестьянам» помещицы М.В. Трувеллер.

Обратите внимание на выражение — «временно обязанный». Год назад отменили крепостное право, но реформа приживалась долго и трудно. Откупиться разом могли не все. Годы через два «временно обязанные» исчезнут, и в записях будут проходить просто крестьяне такой-то деревни.

Читаю записи за 1868 год.

Землевладелец Владимир Трувеллер крестит дочь вдовы священника, потом — свою племянницу, Евгению Токарскую. Не отказал он и отставному рядовому солдату деревни Морозово Даниилу Григорьеву крестить сына Михаила.

Вероятно, было в нём что-то располагающее, внушающее доверие, если сельчане не стеснялись обращаться к нему с просьбой быть крёстным отцом.

Первые разделы книги за 1876 год — о родившихся, бракосочетавшихся — не принесли новых сведений о Трувеллерах. Уже ничего не ожидая, просматриваю последнюю часть — об умерших. И вдруг, в первой же записи за апрель читаю: «Боровичского земледельца, живущего в селе Петрово Владимира Трувеллера дочь Мария, 7 лет». Причиной смерти значилось воспаление лёгких... стало неожиданно грустно и даже печально, словно всё это случилось не сотню лет назад, а всего лишь на днях, и мне предстоит пережить потерю близкого человека... Значит, у него росла дочь. И звали её Машенькой. Иначе не могло и быть, ведь это имя носила его мать.

Последнее известие, которое предоставил о Трувеллере герценовский «Колокол», повергло меня в смятение: «...в авгу-

сте 1877 года Трувеллер выехал навсегда в Швейцарию, чем встревожил губернатора, министра внутренних дел и III отделение: паспорт ему выдан не был...»¹⁶.

Говоря откровенно, я просто растерялась. Шутка ли — в Швейцарию. Возможно ли найти там следы русского эмигранта прошлого века? И вот в этот-то, казалось бы, безнадежный момент, поиск мой вдруг круто изменил всё направление — вместо Швейцарии он переметнулся... в Омск.

В документах покойного ныне боровичского краеведа Г.И. Ивановского, хранящихся в Новгородском музее-заповеднике, имеется переписка с омским искусствоведам Ириной Григорьевной Девятьяровой. Вот и пришёл час заговорить портретам из имения Петрово. Долгое время Ирина занималась их определением (атрибуцией) — чьей кисти работа? Кто они — супруги Козляниновы? Как портреты новгородских помещиков оказались в Сибири? Через Ивановского она списалась с А.Б. Трувеллером. Рассказ об этом искусствоведческом поиске — самостоятельная тема. Над ней увлечённо работает И.Г. Девятьярова. Самое же ценное для меня, чем она любезно поделилась со мной — адрес Алексея Борисовича Трувеллера, который оказался внуком опального юнкера и праправнуком Козляниновых по женской линии. Он сообщил мне, что Владимир Васильевич после смерти матери в 1877 году продал своё наследственное имение Петрово и уехал за границу не навсегда, как ошибочно сообщил тогда «Колокол», а лишь для про-

Фото примерно 1860-х годов (68-69).
Владимир Васильевич Трувеллер с женой
Амалией Карловной

должения образования. Закончив его, он вернулся в Россию и, вероятно, по предписанию правительства (семья уже жила в Москве) поехал в Сочи — тогда захолустный городок с населением около четырёх тысяч, служивший местом ссылки политически неблагонадежных лиц. Здесь верный светлым идеалам молодости, он продолжил свою просветительскую и революционную деятельность.

Позже Алексей Борисович передал мне выписку из рукописи воспоминаний 1975 года почётного члена Сочинского отделения географического общества СССР К.А. Гордона: «Старый Сочи (воспоминания старожила). 1902–1914 гг.»

Из неё узнаём, что отчим автора, доктор А.Л. Гордон сидел в тюрьме за участие в революционном восстании вместе с В.В. Трувеллером и ещё некоторыми членами Сочинского революционного комитета, что «Сочинская республика» просуществовала с 28 декабря 1905 года по 3 января 1906 года, когда её ликвидировал высадившийся с моря казачий десант; что задолго до восстания на квартире А.Л. Гордона собирались его друзья-единомышленники (в том числе дед ныне здравствующего художника Д. Жилинского) и... «они под ру-

ководством В.В. Трувеллера изучали историю Французской революции*, участником которой он был, и нередко засиживались до глубокой ночи...»¹⁷.

Запрос в Сочи, к сожалению, подтвердил скудость имеющихся в Музее материалов об этом незаурядном человеке. Его сотрудники сообщили, что, по архивным данным, в конце XIX века в Сочи прибыл из-за границы новгородский дворянин, бывший политический преступник — Владимир Васильевич Трувеллер...

Здесь он был организатором одной из первых на Кавказе сельскохозяйственных коммун, казначеем Сочинского сельскохозяйственного общества, активным организатором местных сельскохозяйственных выставок, служил в Кавказском отделении Переселенческого управления...

По политическим убеждениям его считали левым либералом.

В фонде «Сочи в период первой русской революции» сохранился «Обвинительный акт» от 23 июня 1907 года, в котором, в частности, говорится: «...Дворянин Новгородской губернии Владимир Васильевич Трувеллер по показаниям свидетелей... после суда над городовым Шинкарёвым, в качестве депутата от революционной организации приходил к начальнику округа для переговоров и выдачи Шинкарёва; во время восстания два раза был замечен на улице с ружьём; говорил речь о необходимости введения нового городского управления»¹⁸.

В памяти его внука сохранилось семейное предание о том, как дед распорядился деньгами, полученными от продажи имения. По его словам, часть их он передал перед отъездом в Швейцарию одной из народовольческих организаций, часть истратил на получение образования за границей, а по возвращении в Россию, на оставшиеся деньги построил в Сочи больницу, школу и организовал библиотеку.

В 1909 году, после тяжёлой болезни Владимир Васильевич скончался на руках своей дочери Лидии Владимировны и был похоронен в Москве.

А как же тогда Сибирь? С нею связана судьба уже следующего Трувеллера — Бориса Владимировича. По окончании Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, он прибыл лесоводом в омские края. Пути людей иногда пересекаются самым удивительным и непонятным образом. Так случилось и здесь — романтический образ юношей Трувеллеров, сыновей Бориса Владимировича, поразил юного гимназиста, будущего известного советского поэта Леонида Мартынова, и он, спустя годы, опишет их в своей книге «Воздушные фрегаты».

«...это были трое, как мне показалось, очень задумчивых,

даже печальных юношей, медленно идущих по обрыву, неся на плечах вёсла, багры, а может быть, даже и съёмные мачты со связанными парусами.

Это были очень красивые юноши. Я смотрел на них, по крайней мере, минуту, стараясь, чтоб эта минута продлилась подольше, чтобы они подольше бы не исчезали из виду. Это были необыкновенные юноши, как бы прямо противоположные красавчикам-гимназистам братьям Любимовым...

Но тут послышалось шуршание гальки, и передо мной предстал знакомый мальчишка, береговой житель, компаньон по купанию.

— Ты не знаешь, кто это такие? — спросил я у него, указывая на удаляющихся юношей.

— Знаю! — ответил он. — Это Травелеры! Травелеры! — повторил он, подпрыгнув и как бы дразнясь. И затем крикнул уже громче, так, чтобы те услышали: — Травелеры-кавалеры!

...Вернувшись домой, я спросил у отца, не знает ли он, что за Травелеры живут за кирпичной оградой над углом Перевозной на обрыве.

— Травелеры? — переспросил он. — Я думаю, ты имеешь в виду некоего Трувеллера, который действительно обитает, кажется, там. Видимо, это его дети. Не скажу тебе точно, кто он такой...

Много позже... я прочёл, что один из связанных Герцена, а именно — юнкер Трувеллер, был взят с нелегальной литературой и сослан в Курган, хотя впоследствии возвратился в Европейскую Россию.

Не потомков ли этого Трувеллера я видел на иртышском берегу с вёслами на плечах? Кто был отец этих юношей? Кем стали они сами? Хорошими или плохими людьми стали они, эти однофамильцы или потомки? Живы ли, наконец, их потомки? Ничего этого я не знал»¹⁹.

А это были они — прямые потомки юнкера — его внуки Андрей, Василий и Владимир, старшие братья Алексея Борисовича.

Отец юношей, так поразивших в своё время в Омске Л.Н. Мартынова, — Борис Владимирович Трувеллер (1872–1925) был не только известным в Сибири учёным-лесоводом и крупным организатором лесопромышленного дела, но и широко образованным человеком, художником-любителем, принимавшим активное участие в культурной жизни города. Поэтому, ценя портреты Агриппины Николаевны и Владимира Петровича Козляниновых как произведения искусства, он в тревожном военном 1919 году сдал их на хранение в музей.

В последующие годы Борис Владимирович работал сначала во Владивостоке, а потом в Новосибирске, где и скончался 27 июля 1925 года. А портреты так и остались в Омске. Здесь уже в наше время на них обратила внимание молодая сотрудница музея, искусствовед И.Г. Девятьярова, чьи изыскания в конце концов пересеклись с моими...

В.В. Трувеллер. Фото Н. Полити, Новороссийск. 1902 год.
Из архива А.Л. Гордона

* Парижской коммуны.

В дореволюционные годы Борис Владимирович был в длительной заграничной научной командировке, изучал постановку лесного дела в странах Западной Европы, Канаде и США. Выехав из Омска на восток и вернувшись с запада, он совершил тогда кругосветное путешествие. В 1911 году был организатором (председателем) известной Западно-Сибирской сельскохозяйственной и промышленной выставки. В 1918 году учреждена стипендия его имени для обучения двух малоимущих студентов в Омском сельскохозяйственном институте... Словом, личность Бориса Владимировича оказалась тоже настолько интересной, что заслуживает самостоятельного изучения...

Его вдова, Екатерина Дмитриевна, в 1930 году переехала с детьми в подмосковный город Загорск. В дороге у неё был похищен чемодан с самыми дорожными для семьи реликвиями. Так безвозвратно пропали почти все фамильные фотографии, документы, рисунки и стихи её покойного мужа.

Письмо от Алексея Борисовича Трувеллера было для души моей праздником и трудно было поверить, что не порвалась связь времён, что не исчезли Трувеллеры в России.

А вскоре и сам Алексей Борисович (бывший геолог, уже пенсионер, инвалид Отечественной войны) приехал в Новгород и привёз свой семейный альбом и различные документы из семейного архива. Самым ценным для меня была, конечно, фотография Владимира Васильевича, которую я так долго искала в архивах и музеях. На снимке рядом с ним стоит молодая женщина со строгим лицом. По словам Алексея Борисовича, это его бабушка, — жена Владимира Васильевича. О ней ему известно только, что по национальности она была финкой, звали её Амалией Карловной, до замужества жила в семье Трувеллеров в качестве гувернантки. У них было пятеро детей: Мария, Ольга, Борис, Лидия и Юрий. Род Трувеллеров продолжил Борис Владимирович.

Б.В. Трувеллер 1911 год. Из альбома «Сельскохозяйственной и промышленной выставки»

Говорили мы с Алексеем Борисовичем обо всём вперемежку: о судьбе мятежного юнкера, о его детях, о нашей жизни, перескакивая из одной эпохи в другую. Но всё это было невидимо связано единой темой — служения своему народу, своему Отечеству.

— Может быть, это покажется красиво, высокопарно, — сказал как-то в беседе Алексей Борисович, — но светлое имя деда, память о нём меня не раз хранили от малодушного поступка, несерьёзного шага. Нельзя быть «Иваном, не помнящим родства своего». Честь рода обязывает к порядочности в любом случае.

У этого поиска есть ещё одна ветвь. Помните, в рассказе встречалось имя двоюродного брата Владимира Тувеллера — Антона Токарского? Просматривая одно архивное дело за 1919 год, встретила я имя инженера по телефонной связи Боровичского уезда — Бориса Антоновича Токарского. Сомнения не возникло — это непременно сын племянника Марии Владимировны Трувеллер. Какова судьба этого рода?

Из паспортного стола городского отдела Боровичской милиции мне сообщили адрес Людмилы Вячеславовны Токарской. Она оказалась племянницей Борису Антоновичу, и через неё удалось разыскать в Швейцарии ещё одну родственницу, которая любезно выслала мне фотокопию с гравюры художника К.Я. Рейхеля — вид усадьбы Петрово.

Владимир Васильевич Трувеллер через всю жизнь пронёс юношеские мечты о России с гуманным и просвещённым правительством, которое обеспечило бы культурный рост всего населения и справедливое распределение материальных благ, а вся его практическая деятельность — высокий образец гражданственности и бескорыстного служения народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАНО. Ф-138. Оп.1. Д. 2356. Л. 78об.

² ГАНО. Ф-327. Оп. 1. Д. 41. Л. 78.

³ Черейский Л.А. Современники Пушкина. Л., 1981. С. 185.

⁴ ЦГА ВМФ РФ. Ф-33. Оп. 2. Д. 591. Л. 257об.

⁵ Там же. Л. 98.

⁶ Герцен А.И. СС. М., 1956–1966. Т. XI. Ч. 7. С. 305.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА ВМФ РФ. Ф-33. Оп. 2. Д. 593. Л. 41.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 591. Л. 240.

¹¹ Там же. Л. 281.

¹² Там же. Л. 284.

¹³ Там же. Л. 353.

¹⁴ Тюмень. 1963. С. 58–59.

¹⁵ ГАНО. Ф-326. Оп. 1. Д. 117. Л.226.

¹⁶ Герцен А.И. СС. Т. XV. С. 223–235.

¹⁷ Гордон К.А. Старый Сочи (воспоминания старожила) 1902–1914 гг. Рукопись. Музей г. Сочи. С. 73.

¹⁸ Архив г. Сочи. Ф-3. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.

¹⁹ Мартынов Л.Н. Воздушные фрегаты. М., 1974. С. 54–55.

СЛОВА — НАРОДНЫЕ

Краеведческие стёжки-дорожки долгие годы водили нас по заповедным местам, знакомили с людьми русской деревни, чья непростая жизнь не лишила их исторической памяти. Они читают стихи, поют старинные песни, частушки, дают объяснения географическим названиям, многим обиходным словам и понятиям. А это значит, что земли Новгородской преданья и были в народе помнят, не позабыли.

ЧАВНИЦЫ, НАВОЛОК И ВОЙЦЫ

Начало 80-х годов. Жарким июльским деньком наша фольклорная экспедиция, нагруженная палатками и рюкзаками, плелась по дороге к Ильмену от деревни Бронница. Машины пылили мимо, очень хотелось пить. Сделали привал. Идти дальше с таким грузом было уже просто невмogu. И вдруг подкатил мотоцикл. Улыбчивый мужчина в шлеме предложил помощь. Мы сложили в коляску палатки, усадили двух самых малых, и сразу же стало легче добираться до назначенного места.

В Чавницах нас уже ждали мотоциклист и наши палатки, познакомились. Николай Павлович Александров был тогда бригадиром в совхозе. А сейчас — староста трёх деревень, пенсионер, участник наволоцкого фольклорного ансамбля. Вот он и рассказал нам тогда о легендах происхождения названий деревень Чавницы, Наволок и Войцы. Свой рассказ повторил и для сегодняшних краеведов.

— Дорога от деревни Бронница до нас, до деревни Чавницы — глинистая была. Осенью не пройти. Песком засыпали, ветки клали, лесом обходили грязь. Идёшь в резиновых сапогах и «чав-чав» по глине, по грязи, чавкаешь всю дорогу. Вот и Чавницы. Ещё километр пройдёшь и *приволочишься* в деревню Наволок. А из Наволока выходи на берег и *вой*, ори, зови кого-нибудь, чтобы лодку подогнали на остров переехать — там деревня *Войцы*...

НАЧАЛО НОВОСЕЛИЦ

Рассказывает Николай Алексеевич Куценин, 1926 года рождения, участник Великой Отечественной войны, ветеран войны и труда.

— Сегодня много улиц в нашей деревне: Речная, Центральная, Клубная, Полевая, Молодежная, Лесная.

А вот ещё дед мой говорил, да и другие старые люди, что улица, идущая к реке, — это и есть Старая деревня: «живёт в Старой деревне, идёт в Старую деревню...».

Всмотревшись в рельеф местности, понимаешь, что так оно и было: удобное расположение деревни вдоль холма, спуск к реке, водопой, выпасы для скота, а деревня — на высоте. Так что нынешняя Речная улица — это и есть Старая деревня, начало Новоселиц в давние времена. Надо бы вернуть это название улице.

ЧАСТОВА, ДЕВКИНО И ПАРНУ

Рассказывает Татьяна Николаевна Пирожкова, учитель математики Новоселицкой средней школы.

— И бабушка, и мама говорят, что название *Частова* произошло от слова *часто*, так как в деревне дома очень близко стоят друг к другу. Кажется, таких частых построек нигде больше нет. А ещё, видимо, от частого леса, чащобы, так как леса здесь были густые, плотные. Бабушка говорит: «А теперь и лес-то исчезает, везут днем и ночью, незнамо кто и неведомо куда...».

Наша Частова граничит с Маловишерским районом. Рядом есть деревни Девкино и Парну. Из поколения в поколение передают люди рассказ о том, откуда пошло название этих деревень. Говорят, будто бы плыла императрица Екатерина II по Мсте, а народ её повсюду встречал. В одном месте на берегу стояли девки, а на другом берегу — парни. И повелела царица назвать деревни так: Девкино и Парну. Живут здесь люди от века и названия не меняют.

НАШЕСТВИЕ МОРДВЫ

Рассказывает Александра Ивановна Кузьмина, 1927 года рождения, рукодельница, песенница. Родом из деревни Полосы, что находится по Мсте, выше Новоселиц.

— Слышала я это ещё в детстве, стародавние люди

сказывали. Никто не помнит, когда это было, но пришла в наши края мордва. Дошла до реки и остановилась — на другой берег не перебраться. И стала мордва носить камни в реку и делать переправу, переход. Много камней наносила и ринулась на переход, а камни-то рассыпались, и мордва потонула.

Это место у нас называется Пороги, камни-то до сих пор видать, когда река обмелеет. Народ-то считает, что помогла Царица небесная избавиться от мордвы, позднее на берегу Мсты была поставлена церковь Покрова Пресвятой Богородицы. А мы ещё ребятами ходили на Порожский ручей и там камушки видали со следочками. Играли в эти камушки...

Александре Ивановне восьмой десяток. Ясный ум, образная речь, глубинное понимание жизни и проблем. Замечательная собеседница. В её доме всегда и свежий чайёк, и румяный пирожок, да присказка к слову. Песня у неё является продолжением беседы:

— Как на масляной неделе
Со стола блины летели,
Чашки — ложки брякали,
Стары девки плакали.
Как не плакать — никто замуж не берет!
Интересно рассказывает о Барыгине поле.
— В деревне Манкошево жили бары в своих барских

домах. Во время покоса бары нанимали работников, которых в народе называли барыгами, а место где они косили — Барыгино поле. Об этом поле разные разговоры шли: будто бы клады там зарыты, а кем и когда — никто не знает. Слухи о кладах долго ходили...

АЛЕКСАНДР И ПЕЛАГЕЯ

Рассказывает Евдокия Степановна Маркелова из Новоселиц. Уроженка деревни Полосы.

— Жили в Полосах муж и жена Фёдоровы — Александр и Пелагея. Двух сыновей да четырёх дочек родили. Своими руками да трудами поставили мельницу на ручье, кузню, маслобойку соорудили. Вот уж был мастер — золотые руки Александр Фёдорович. Всем в ок-

руге молот зерно: рожь — на хлеб, пшеницу — на праздничные пироги. С бедных денег не брал. Лошадь подковать — ради бога! Масло сбить, когда колхоз выделит льносемян — безотказно сделает мастер. А масло-то свежее, теплое, духмяное! Пелагея помогала бедным и многодетным, кто не имел коровы. Придёт день светлого праздника, а она утром раненько поставит на окошко или высокое крылечко кому — молока, кому — творогу, кому — сметаны. Хотели эту семью раскулачить, а народ упротил их не трогать, вся деревня отстояла Фёдоровых... Вот правда-быль какая.

Ирина ПАВЛОВА

ЗДРАВСТВУЙ, ГРУША

аба Груша появилась в моей жизни довольно рано. Было мне три или четыре года, когда моя родная бабушка Наталья Николаевна, читая мне сказки по детским книжкам, говорила:

— Эти сказки хороши, а вот если Груша начнет их рассказывать, так куда интересней да занятней будет.

— Что это за груша? — спрашивала я. — Та, что на дереве растёт?

— Нет, смеялась бабушка, — эта Груша по земле ходит, да еще как быстро бегаёт. А для тебя бабой Грушей будет называться. Родственница она нам, брата моего покойного Вани жена, мне, стало быть, невестка.

— А где она живет?

— На Курине. В деревне нашей родной.

— А как же я ее увижу?

— Вот приедет к нам в гости на Новый год, тогда и увидишь.

До Нового года было еще далеко. И про этот разговор я вскоре забыла. Но наступила зима. Кончался декабрь. И вот однажды настал густо-черный ленинградский декабрьский вечер, подсвеченный желтыми уличными фонарями и острым поблескиванием снега на тротуарах и мостовых. В нашей квартире уже стояли две еще не украшенные игрушки елочки, одна — побольше — в большой комнате,

другая — маленькая — в малой, где спали мы с бабушкой. Елочки уже расправили в тепле свои лапы и издавали чудный смолистый запах, напоминающий о дремучем лесе, где спят в берлогах медведи, и живет волшебство. Наш старый питерский дом построен из сурового камня, комнаты с высокими лепными потолками, — все это тоже настраивало на старинный лад и заставляло ждать чего-то необычного в преддверии новогодней ночи. И вдруг раздался звонок у входной двери. Бабушка пошла открывать. Я, как обычно, выбежала в переднюю. Дверь распахнулась, и за ней я увидела... живого медведя. Он стоял на задних лапах, обутых в валенки, слегка нагнувшись вперед. Шкура у него была коричневая, блестящая. Голова вроде серенькая с торчащими по бокам ушами, блестели черные круглые глазки, на передних лапах были рукавицы, и держал он перед собой банку с малиновым вареньем.

— Мям, мям, — сказал медведь, — не здесь ли живет девочка, что любит малинку? Я вот привез из своих запа-сов.

— Мишенька, ты разве зимой не спишь?

— Да вот слез с печки-то, чтобы с вами повидаться.

Когда медведь зашел в переднюю, оказалось, что за спиной у него дорожный мешок, а в лапе еще и кошелка с картошкой и трехлитровой банкой деревенского крошева. Затем мишка скинул валенки и свою блестящую шкурку, превратившуюся в плюшевый жакет, а тут и голову свою серенькую скинул, и показалась из под всего этого маленькая старушка с морщинистым, но очень живым лицом и с великолепным, журчащим как речка, новгородским говором. «Здравствуйте, родные, Куринские!» — сказала она. А я все никак не могла понять, как же голова у ней была медвежья, а стала человеческая. Оказалось, медвежья голова ловко скручена из шерстяного платка, а глазки черненькие — две пришитые к нему пугови.

— И как это ты, баба Груша, так ухитрилась нарядиться? — спрашивала я после.

— Да ведь смолоду еще помнятся такие оказии, — отвечала она, — на святки-то ведь мы в деревне всяко выкручивались, и медведем, и волком, а то и чертом могли.

— А сказки ты правда умеешь рассказывать?

— Правда. Вот хочешь сказку про гуся?

— Хочу.

— Коротенька и вся.

— Ну как же это вся? — тянула я обиженно.

— Погоди. Погоди. Это только присказка, сказка чередом пойдет. Вот жил на Ущиме Ваня-дураня...

И начиналась сказка. Сказок баба Груша знала много. И хоть сюжеты их общеизвестны, рассказывала она их по особенному. Во-первых, конечно, звучала, как я уже говорила выше, великолепная новгородская речь: плавная, мелодичная, с упором на «о», со множеством всяческих местных словечек и выражений, «диалектизмов» как принято называть в филологии. Я очень благодарна судьбе за то, что мне довелось еще в детстве слышать сказку в натуральном виде, из уст настоящей деревенской бабушки-рассказчицы. Теперь таких бабушек уж редко когда и сыщешь,

а у меня своя была. И еще имелась одна особенность в ее рассказе. Все сказочные события применительно к родной округе излагала. Уж ежели герой мужик такой умный да ловкий, что и самого черта вокруг пальца обведет, то это уж непременно Куринский. А ежели дурачок какой или жадный, или лентяй, то, значит, Корповской, иль Лобозовский, а то из Гнильника иль Ущима. А уж если колдун или ворожея, то, конечно, Светицкие. Баба Груша сама родом из Светиц была и, хотя с пятнадцати лет в Курине жила, толк в Светицком колдовстве знала. Некоторые сказки я кроме как от бабы Груши ни от кого не слыхала. Вероятно, они действительно местного происхождения. Она даже утверждала, что это было. «Я тебе верно говорю. Правда, правда», — приговаривала она обычно.

«Вот жил в селе Белом (теперешнее Любытино) один мужик. Мужичонка, надо сказать, худой прехудой, хуже некуда. Что ни день вино пил. Полосу не пахал, хлеба не сеял. Что было и то пропивал. В избе одни лавки вдоль стен остались. Ходил он в лохмотьях, есть ему нечего, да и пить не на что стало. Хоть по миру иди. Вот, бывало, проходит он под вечер мимо Успенской церкви, что в Бору возле перевоза, вздыхает тяжелехонько и говорит: «Господи, возьми меня живым на небо!» И всякий раз как идет мимо церкви, так это говорит. Услыхал его церковный сторож. А он старичок чудаковатый был. Всякие шуточки над людьми-то любил подшучивать. Вот он и решил проучить этого пьяницу. Взял большую корзину, в которой бабы белье на реку полоскать носят. Взял толстую веревку, привязал ее к корзине, залез на колокольню и там за колонной спрятался. Вот идет под вечер тот пьяница, вздыхает, поднимает голову к колокольне и говорит: «Господи, возьми меня живым на небо!» А сторож сверху кричит ему этаким громовым басом: «Садись, сади-и-сь!» — спускает корзину на веревке. Мужичонка испугался, побежал даже прочь. А сторож-то сверху кричит: «Куда же ты, раб мой, сади-и-сь!» Остановился пьяница, закрестился, а сам дрожит весь и лепечет: «Господи, не достоин я, грешен я, Господи. Вино я кажин день пью. Работать не работаю, добро все спустил, в кабак переносил. Грешник я окаянный, Господи». А сторож ему: «Говорят тебе сади-и-и-сь! Сам, чай, напросился!» Мужик деваться некуда. Сел он в корзину. Сторож приподнял ее над землей сажени на три, да и отпустил веревку. Полетел тот мужичонка вверх тормашками. Шмякнулся изрядно. Поднялся и говорит, почесываясь: «Эво Тебя, Господи! Говорил ведь, что я недостоин, а Ты не послушал!» И пошел домой мужик с рычкам.

— Как это «с рычкам?»

— Ну, поревливая, значит. С тех пор тот пьянчужка мимо церкви не ходил и уж взять его живым на небо у Господа не просил. Правда, правда».

С того года стала приезжать к нам баба Груша каждую зиму. Очень я любила январские долгие вечера, когда мы втроем: я и две бабушки, сидели в нашей маленькой комнате возле елочки, стоящей на старинном круглом столике. Люстру мы обычно гасили и зажигали небольшую настольную лампочку. Баба Груша и бабушка всегда что-нибудь делали. Бабушка шила, а баба Груша сучила шерсть или

вязала носки. Она всегда, приезжая, навязывала нам носков на всю семью. В такое время воспоминания текли рекой. Я слушала, затаив дыхание, и запоминала.

— А помнишь, Наташа, как я в Курино-то к вам в первый раз пришла?

— Как же? Как сейчас все это вижу. Зимой дело было. У нас до того Поля жила. Маме по хозяйству помогала. А тут исполнилось ей уж девятнадцать лет, и жених какой-то ей сыскался. От нас она ушла. Надо было маме новую помощницу.

— Да, да. Это я помню. Мой отец в ту пору мне сказал: «Большая ты девка, Груша, выросла. Надо бы тебя куда в люди определить. Все полегче нам будет». Детей-то в семье много было, а все девчонки, что с них толку? А мне пятнадцать годков стукнуло. Отдать-то в работницы в богатую семью и в Светицах у нас можно было, да тятя не хотел, чтоб меня обижали. Хотел хорошую семью найти, добрую. Вот однажды в праздник ходил он в Белое. Там в трактире одного мужика, Курина знакомого, встретил. Разговорился с ним про то, про се и о том деле помянул, что дочку, мол, Грушу хотел бы к какому ни есть делу приставить, в хорошую семью бы в помощницы отдать. Тот мужик-то ему и скажи: «Вон у нас в Курине от Погодиных недавно девчонка Польша ушла. Возьми да отдай туда свою Грушу. Погодина-то, чай, знаешь Николай Семеныча?» «Как не знать, — отец отвечает, — справный хозяин и мужик вполне положительный. Вина не пьет, работает, детей своих в земской школе учит. Скажи, сделай милость». А через несколько дней тятя с Николай Семенычем встретились случайно на дороге. Тятя из Белого шел, а Погодин, видать, в Белое ехал. Остановил он лошадь и говорит: «Здорово, Иван Абрамыч! А что, правда, что ты свою дочку в помощницы отдать хочешь?» «Правда. Коли возьмешь, буду рад». «Отчего ж не взять, коли она проворная. Привози». На том и порешили. Как объявил мне тятя, что повезет меня на Курино к Погодиным в помощницы определяться, у меня и сердце захолонуло. Погодиных я, слышь-ко, знавала. А лучше всех Ваню, среднего из их сыновей. На гулянии мы с ним видались, то в Белом, то в Бору. Годом всего он был меня старше, а уж заправским гармонистом считался. Не раз под его гармонику мы с подружками плясывали.

— Да, да, — кивала головой моя бабушка. — Талант у него был музыкальный. Любую мелодию, какую ни услышит, придет домой, сядет и играет по слуху. Всё что угодно сыграть мог, хоть вальс, хоть марш, хоть арию из оперы, а уж деревенскую-то плясовую и подавно.

— Чернявый он был, черноглазый. Приметный парень. В то время он в Бельском ремесленном училище учился на кузнеца. Кузнецы, они гордые. Он на меня еще и не глядел. А мне-то он оченьглянулся, хоть сама я к нему никогда не подходила. А тут, на тебе, тятя говорит: «Пойдешь жить к Погодиным. Тетеньке Наталье Ивановне по дому помогать». Видно судьба моя такая была.

— Помню, приехали вы на дровнях. Вошла ты в избу. В платке по самые глаза, в валенках, с узелком в руках. Стала в уголок. А тут мама вышла. Ты ей: «Здравствуйте, тетенька». А она тебе: «Здравствуй, Грушенька. Раздевайся-ка да сидишь

к самовару. С дороги-то чайку».

— Так оно и пошло. Сразу мне как-то тепло да весело в вашем доме стало. Наталья Ивановна разницы между мной и своими детьми не делала. Со всеми за стол сажала, если надо ругала, если надо хвалила. В праздники вместе веселились, а в будни уйдут все, кто куда, кто по делам, кто в школу, а мы с нею по хозяйству: тесто месим, печку топим, за скотиной ходим, избу прибираем. И все у нас ладно да дружно. А на Ваню я только искоса поглядывала.

— А мама это замечала. Как прожила ты у нас полгода, она однажды сказала: «Вы смотрите, Грушку мне не обижайте. Девка хорошая, работающая. И нравом мы с нею сошлись. Ей наш Ванька нравится. Замуж за него хочет. Оно и хорошо бы. В старости мне с ней легче будет. Вы все выучитесь, разъедетесь, а она у нас останется». А ты тогда такая ладненькая была, росту небольшого, а стройная, глаза бойкие и коса рыжая большая.

— И с тобой, Наташенька, мы скоро сошлись. Мне очень занятно было, что ты в книжках читала. Я сама-то едва по слогам разбирать умела. В школу всего полтора года ходила. А ты всегда книжки читала толстые. Мне страсть как хотелось узнать, про что в них написано? Я тебя как-то спросила, а ты говоришь: «Хочешь, почитаю тебе?» С тех пор часто по вечерам мы с тобой уйдем в уголок, лампочку керосиновую зажжем, ты мне и читаешь Тургенева, Гоголя, Пушкина...

— Ты памятливая была. А белыми-то ночами, помнишь? Мы с тобой пальтушку какую-нибудь на себя накинem и ходим вдоль Курина от одной изгороды до другой, а я тебе читаю, читаю.

Надо сказать, что баба Груша знала много стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова наизусть. Однажды она меня просто поразила. Мы с моей бабушкой тоже любили дома читать вслух, особенно стихи. И вот как-то в присутствии бабы Груши я декламировала пушкинское стихотворение, посвященное Тригорской барышне Алине, «Я вас люблю, хоть и бешусь». Баба Груша продолжала вязать носок и вдруг подняла голову и прочитала наизусть с того места, на котором я остановилась, чтобы перевести дух.

*Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум...
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..*

И так далее до самого конца.

— Откуда ты это знаешь? — удивилась я. — Ведь это стихотворение не такое известное, как «Я вас любил» или «Я помню чудное мгновенье».

— Знаю. Мне Наташенька читала еще на Курине. Мне оно очень нравится.

«А с Ваней, — рассказывала баба Груша, — так вышло.

Помнится года два аль поболее я уж у Погодиных прожила. Ваня все ко мне относился как к своим сестрам. Когда чего поможет, когда и за косу дернет, когда и подшутит, но не злобливо. А тут был второй или третий день после Пасхи. Весна. Стали мы все вместе в пятнашки играть. Молодых-то тогда на Курине много было. Бегаем, смеемся. Ваня за мной и погнался. Забежала я за избу на бережок пруда. У Погодиных в огороде прудок был выкопан, утки там плавали. Тут он меня и догнал. Охватил да и поцеловал в щеку. Я взвизгнула, вырвалась и побежала дальше в сад. У Николай Семеныча в саду яблоньки росли и вишни. В цвету уж все стояло. Там он опять меня настиг. Взял за руку, так сильно сжал и говорит: «А что, Груша, выйдешь ты за меня замуж?» Я смутилась, покраснела, голову опустила и ответила: «Выйду». Однако свадьбу еще нескоро сыграли. Тут вскоре война началась, потом революция. Жизнь сделалась тяжелая. Ваня в Колпино уехал на Ижорский завод кузнецом работать. Я так у Погодиных и жила. Только в начале двадцатых годов мы поженились».

До сих пор звучит в моих ушах сочный, истинно народный новгородский говорок бабы Груши. Хоть уж восемнадцатый год пошел как ее нет в живых. Образ маленькой бойкой старушки, проворно работающей спицами, и голос её — тотчас же возникают в воображении при одном только упоминании о ней. Когда я стала постарше, любила слушать рассказы бабы Груши про старую деревенскую жизнь да про всякие интересные случаи.

— Вот, — начинала она в очередной раз, — как росла я в Светицах, была у меня там подружка. Панькой Ломтевой ее звали. И такая это девчонка удалая да находчивая оказывалась, что страсть, одно слово — проходимка. Всеми ребятишками командовала, мальчишки, и те ее слушались. Чего только она ни выдумывала! Однако и ей иногда попадало. Мы с нею обе своих младших сестренек нянчили. Вот, бывало, закрутим их в тряпки, выйдем на улицу, на лавочке сядем и разговариваем. Тут к нам и другие девчонки притянутся. Кто со своими братишками и сестренками, а кто и из тех, что в няньках у чужих людей жили и тоже, значит, с ребятишками на руках-то. Сидим так, рассказываем всякие побасенки, кто что слышал. Эта Панька раз и говорит: «А знаете вы, бабыньки (это мы нарочно друг дружку так называли, как большие, а самим тогда лет по одиннадцати было), что тот глухонемой мужик, который в Сухаревском конце живет и который шкапы и комоды делает — колдун? И жена у него ведьма.

— Это тот, которого «мамой»-то все зовут?

— Тот самый.

— А почему его «мамой» называют?

— Да потому, что он кроме «мама» ничего сказать не может. Говорят же вам — глухонемой.

— А почему ты знаешь, что он колдун?

— А вот почему. Мамки моей брата жена, тетка Агафья, на той неделе к нему ходила отворотный наговор на рыбу делать. И такие страсти про него говорила, что ох!

— Ну-ка, расскажи.

— Ну слушайте, да не перебивайте. У тетки Агафьи сын есть. Уже большой, двадцать годов, а может и поболее. Гриш-

кой звать. Вот этот Гришка в девку одну влюбился с Пого-релки али с Боровщины. А девка та из семьи-то побогаче, чем Гришкина. Ее за него и не отдали. За другого кого-то вышла. А он всё по ней сохнет и сохнет. С лица спавши стал. Тетка уж не знала, чего и придумать. Вот ей и посоветовали к колдуну «маме» сходить. Она пошла. А он-то глухой. Так вместо него с женой говорить пришлось. Эта жена сама видать ведьма. На тетку как взглянула исподлобья, у нее и душа в пятки ушла. Однако, чего ей надобно тетка сказала.

— Принеси рыбу, пойманную в сети, — буркнула ведьма. — На нее я тебе наговор сделаю, а муж своих дружков через нее попрыгать заставит. Дашь этой рыбы поесть твоему сыну и он забудет ту девку. Присуха отмочится.

Пошла тетка домой. Купила у рыбаков пойманного в сети леща и принесла его «маме». Женка «мамина» на него пошептала, пошептала, а потом сам «мама» вышел, взял этого леща, положил его на пол посреди избы, открыл лаз в подполье и стал туда чего-то мычать. А женка его тетке говорит: «Ты, чего увидишь, не пугайся и не крестись, и не говори ничего, не то всё понапрасну пройдет. А ежели спужаешься, глаза закрой и сиди тихо». Тетка спрашивает: «А что это он делает-то?» «А это он дружков своих подзывает». «Каких дружков?» «Известно каких. Рогатых». Тетка тут и язык проглотила. Сидит трясется, а сама молчит. Помнит, что велено не креститься и ничего не говорить. Тут заглянула «мамина» женка в подполье и знаком мужу показывает, что подполье, мол, уже полно, хватит. А сама громким голосом спрашивает: «Все ли вы здесь: озерные, речные, болотные, лесные, полевые, запечные, баенные, подпольные, хмельные, табашные?». А ей из подполья-то как сто человек враз отвечают: «Здесь, здесь, здесь!» Тетка со страху глаза закрыла и слышит: по избе уж скачут, копытцами стучат. Тук, тук, тук. Тук, тук, тук. Ей хоть и жутко, а взглянуть охота. Она один глаз-то и приоткрыла. Батюшки! Полна изба чертей! Иные с человека ростом, иные со сви-нью, иные и вовсе маленькие, как кошки. А цветом-то все разные: зеленые, красные, желтые, полосатые даже и в крапинку. И все они вокруг того леща, что на полу-то лежит, пляшут и через него прыгают. Тут тетку такой страх взял, что память потеряла. Ничего дальше не помнит. Помнит только будто она уже на улице за воротами «мамино-го» двора стоит, и жёнка его леща ей в руки сует и приговаривает: «Ну, бери же, бери. Да помни: пока до дому идешь, не крестись, молитв никаких не вспоминай. Рыбу в тесте запеки и сыну дай». Вот так-то, бабыньки. Страшно.

— Ну и что? Забыл Гришка ту девку?

— Еще не знаю. Тетки Агафьи с тех пор не видала. А еще она рассказывала, будто в избе у «мамы» и на печке, и на лавках, и по полу все время маленькие человечки бегают, прыгают, через головку кувыркаются. Ростом они в человеческий палец. И все черненькие. И руки, и ноги, и волосики, и лицо — всё у них черненькое, только зубки беленькие. А глазки блестят, как у мышат. Много, много их там бегают.

— Что же это за чудо такое?

— Да это верно колдуновы слуги, — вступила другая девчонка, Глашка. — Мне бабушка рассказывала, что у кол-

дунов есть такие слуги. Десяток, а у иного и больше. Чем больше этих слуг, тем сильнее колдун. Только он их всегда чем-то занимать должен. А то они ему самому покоя не дадут. Щекотать да ципать его будут.

— Как же он их занимает?

— По-разному бывает. Когда веник распустил по пруту, раскидает по всей деревне и велит им собирать, когда мешок пшена по огороду рассыплет, когда песок по избе, а когда и пух из перины по реке распустил.

— А они нечто и по воде бегать могут?

— Могут. Они по воде как посуху.

— Какая ж это сила? Чистая или нечистая?

— Знамо нечистая. Как, не дай Бог, колдун на кого рассердится, напустит на того своих слуг. Они и давай над человеком измываться. У него от них жар, лихорадка, бред всякий. Пока Святое Писание над ним читать не начнут да святой водой не опрыскают, все и мучается. А то и помереть может.

— Эх, интересно бы все-таки поглядеть на человечков-то, — вздохнула Панька. — Я бы хоть сейчас пошла да поглядела.

— Страшно поди-ка.

— А чего там страшного? К «маме» все время народ приходит шкапы заказывать или стулья, или комоды да скамьи всякие. Можно с кем-нибудь невзначай зайти, взглянуть только и убежать быстрехонько. У него и ворота всегда днем открыты, потому что народ ходит.

— Оно бы, конечно, можно. А все-таки боязно.

Тут Паньку ее всегдашняя удаль подхватила.

— А я вот не боюсь. Пойду да погляжу. Хоть сейчас пойду. Кто со мной?

— А ребятишек куда денем?

— Кто-нибудь один с ними останется.

— А кто?

— А вот хоть Федоска.

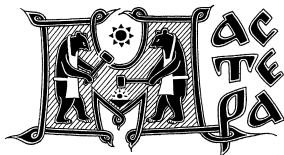
Федоска одна из наших подружек была. Этакая немножко простоватая. Бывает рот откроет да и сидит, молчит. Так, если кому из нянек куда сбежать надо, так всех ребятишек ей оставляли. Так и теперь. Поклали их сердешных на траву вокруг Федоски и побежали, человек пять или шесть.

Прибегаем к дому «мамы». Ворота и впрямь отворены. Постояли мы за углом, подождали, подождали, чтобы кто

вошел. Никто не идет. Вдруг видим, «мамина» женка из ворот вышла и по улице побрела. «Ну вот. Ведьма ушла, — Панька шепчет. — Давайте на минуточку заглянем и убежим. «Мама» глухой. Он не услышит». «Ладно, — отвечаем, — только ты, чур, первая иди». Она и пошла. Заходим во двор. Никого. Дверь открыта. Вошли в первую половину избы, где у «мамы» мастерская была. Там шкапы стоят, столы, скамьи. Мы на них глядим. Нету нигде никаких чело-вечков. Панька даже на четвереньки опустилась. Никого не увидела. Вдруг дверь из второй половины открывается и на пороге стоит «мама». Смотрит на нас вопросительно и жестом показывает, что, мол, вам надо? Мы все обалдели. Молчим. А Панька за словом в карман не лезет. «Меня, — говорит, — дяденька, мамынька к вам прислала шкаф заказывать». Он опять жестом спрашивает, какой, мол? Она и показала на первый попавшийся. «Вот, вокурат такой, дяденька». Он головой кивнул, мы бежать скорее.

Прошло недели две аль три. Мы про «маму» и про его черненьких человечков уж и думать забыли. Однажды вечером я у Пани Ломтевой в избе сидела. Из каких-то лоскутков мы с ней кукле сарафанчик шить старались. И кукла-то была самодельная из старого чулка, куделей набита. Вдруг слышим, под окно на лошади кто-то подъехал. Панька выглянула и ахнула: «Ой, Грушка! «Мама»-то шкаф привез!» А «мама» шкаф с телеги сгрузил и заходит в избу. Мать Панькина на него во все глаза глядит, а он руками показывает — деньги давай. Та ничего понять не может. Отмахивается: «Не надо нам! Не просили мы!» А он на Паньку пальцем кажет. Вот, мол, дочка заказывала. Мать к Паньке приступила: «Что все это значит? Ты шкаф заказывала?» Ну, той деваться некуда, глаза опустила и говорит: «Это я тятеньке на именины». Пришлось матери платочек с деньгами из потайного местечка достать и «маме» за шкаф заплатить. Тут я сразу домой убежала. А Панькина мать взяла старые вожжи, Паньке подол задрала да и нахлестала. Полезла Панька с рычагом на печку.

А шкаф тот у них опосле долго стоял. Я помню уж лет сорок спустя к Пани в гости заходила, когда в родную деревню потянет, так тот шкаф так у нее и был. Затеяливый узор на нем вырезан. Будто по краю дверец да по верху все цветочки, листочки, а между ними вроде как маленькие человечки пляшут. Я такого узора больше нигде не видала.

ДИВО ДА КРАСА —

ТИСНЁНЫ ТУЕСА

туес или бурак, как его иногда называют, — одно из самых удивительных берестяных изделий. Интересен он тем, что встречается у многих народов, наиболее ярко отражает представление о единстве красоты и практической целесообразности и имеет достаточно долгую историю. Так что же такое туесок? Обратимся к толковым и этимологическим словарям. В словаре Н.М. Шанского поясняется, что слово *туес* — это коробка из бересты, впервые оно фиксируется в одном из словарей 1847 года в виде *туез*¹. А словарь М. Фасмера уточняет, что оно обозначает коробку из бересты с деревянной крышкой, которая предназначена для хранения яиц, молока, муки, сливок, соли, грибов, ягод и происходит из языка народности коми². В дальнейшем под словом *туес* мы будем иметь в виду берестяную коробку, сделанную из цельных листов бересты. К ним мы не станем относить короба и лукошки, отличающиеся, прежде всего, размерами и своим предназначением.

Как мы уже говорили, синонимом слову *туес* является — *бурак*. По сведениям из словаря А.Е. Аникина, *бурак* — это «берестяная кубышка с тугой крышкой и со скобкой или дужкой в ней»³. По Фасмеру, *бурак* — цилиндрическое лукошко из бересты⁴.

Остановимся на этимологии этих слов. Слово *туес*, например, встречается в языках народностей Сибири: хантов, якут, эвенков, бурят⁵. По мнению Н.М. Шанского, корни его находятся в финноугорских языках⁶. Слово *бурак*, как считают исследователи, имеет ненадёжную этимологию. Например, М. Фасмер усматривает источник этого слова в шведском *burk* — горшок, коробка, банка⁷. Непосредственно русское слово *бурак* могло произойти также и от чувашского *Purak* — бурдюк, кузовок. Интересно, что похожие слова есть и в финском, и датском, и немецком, и итальянском языках⁸.

Почему же туес (бурак) был так популярен у разных народов? Отгадка проста. Тому причиной природные свойства берёзовой коры, её доступность, лёгкость в обработке, водонепроницаемость, пластичность. А к тому же, незамысловатость конструкций этих берестяных изделий и их универсальность в применении. В туеске еда остаётся тёплой, а вода прохладной очень долго. И продукты в берестяной посуде менее подвержены порче. Поэтому туесок применялся очень широко: от обычного использования в качестве ведра, кружки или черпака до сбивания в нём масла

из сливок. Как сообщила одна жительница деревни Бизино Тобольского района Тюменской области, в 40–50-х годах жители её деревни наливали в туес сливки и трясли его часа два — три, прохаживаясь по избе, пока не образовывалось масло. Известно также, что в туесках хранили мёд, квас, рыбью икру, солили огурцы и т.д. Известен факт, что в XVI–XVII веках на рынках Москвы продавалось масло белое и «красное» (топлёное) в «берестенечках»⁹. Скорее всего, это были тоже туеса. Благодаря особенной конструкции крышки-ручки, которая закрывалась очень плотно, в туесках переносили жидкие продукты, например, на покос. В зависимости от своего назначения и места бытования, туеса имели различную форму и конструктивные особенности.

Несмотря на их разнообразие, почти любой туес состоял из корпуса — полого берестяного цилиндра, снятого целиком с дерева или сделанного из отдельного листа коры, и «рубашки» из дополнительного листа бересты, сшитого корнем деревьев хвойных пород или скрепленного в «замок», часто «рубашка» оформлялась способом прямого, косого плетения или иным (некоторые будут рассмотрены ниже); верхнего и нижнего берестяных ободков, которые одевались поверх «рубашки» — в верхнюю и нижнюю части туеска, иногда ободки прошивались корнем хвойных пород деревьев; деревянного дна из ели, сосны или кедра; деревянной крышки из тех же пород дерева; ручки, гнутой из ивового прутка.

Малочисленные народности Сибири: ханты, манси, якуты, нанайцы, ульчи делали водонепроницаемые сшивные берестяные сосуды для хранения жидких продуктов. Донья и крышки у них также были из бересты. Сшивным материалом служил корень хвойных деревьев, конский волос или оленьи жилы. У одних народностей (хантов, манси) туеса состояли из отдельных берестяных частей: сшивался вначале внутренний цилиндр, затем внешний, и после этого пришивалось дно. У других (нанайцев, ульчей) туесковые изделия кроились из одного большого куска бересты, который разрезался со стороны углов, сгибался по контуру туеса и сшивался корнем. Таким же образом из одного куска коры делали коробки и североамериканские индейцы (слово «туес» не найдено в английском языке). Похожие формы изделий можно найти у разных народов. Например, изготовление простых квадратных или прямоугольных берестяных чашек (коробок) из одного листа коры

с согнутыми (без прорезки) краями, прослеживается как у индейцев, шведов, ульчей в Приамурье, так и у древних новгородцев. Возможно, из-за лёгкости изготовления и исключительной полезности в домашнем хозяйстве, они могли быть когда-то почти одновременно «изобретены» в различных частях света. Интересно, что этнографические (найденные в деревнях и сохраняемые в музеях) экспонаты, самые старые из которых датируются началом XVIII века (более древние, видимо, не смогли сохраниться из-за многочисленных пожаров и других разрушений), были сделаны с использованием сколотней, полых берестяных цилиндров, снятых чехлом со стволов деревьев. В России такие туеса с использованием сколотня изготавливали на северо-западе, в средней полосе, в Поволжье, на Урале и в Сибири, а также в республике Беларусь. В их числе русские, карелы, коми, удмурты, мари и т.д.

Мы не имеем надёжных источников о способах заготовки и использования сколотней для изготовления туесов в каких-либо странах до XVIII века. Нет и в российских музеях таких туесков, изготовленных в период с XV по XVIII века. Поэтому мы не в состоянии ответить на вопрос: когда, кем и в какой стране был впервые применен сколотень, позволяющий делать прочные, долговечные и такие изящные изделия для хранения жидких продуктов? Но стоит обратить внимание на археологическое берестяное изделие, датированное 490-м годом до нашей эры

и сделанное, как повествует источник, с применением берестяного цилиндра, хранящегося в норвежском городе Тронхейме¹⁰. В книге даётся описание заготовки такого цилиндра, когда внутренняя древесная часть берёзы просто выковыривалась ножом, а оставшийся цилиндр использовался для изготовления сосуда. В чём-то сходный способ изготовления изделий из сколотня можно найти и у старообрядцев Сибири. «Сколатинь з гнилой бирёски. Из иё гниль выкавыриваиш и палуцаицца сасут пад ягаду, а патом выбрасываш иё, ана патом не нужна. А ишо, штоп яада ни вываливалась, нада дно прутиками уложить, а на их траву, штоп яада ни намялась»¹¹. И это действительно правильно, ведь береста поддаётся гниению в несколько раз медленнее, чем древесина. Возможно, и в норвежском приме-

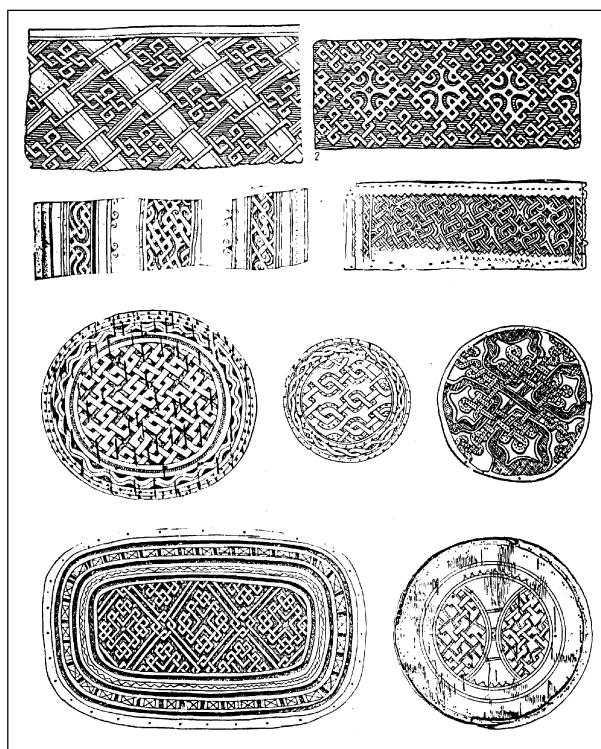
ре для заготовки сколотня использовалось подгнившее дерево, ведь свежую древесину выковырять ножом очень трудно. Эти примеры говорят о том, что мы пока имеем ограниченное представление о реальной истории этого удивительного берестяного изделия.

Наряду с существованием простейших форм изготовления туесов можно привести примеры таких же способов оформления изделий. Так, можно отметить необычную особенность у некоторых племён индейцев в Новой Англии (Северо-Восток США) украшать свои берестяные коробки (туеса) орнаментом, выполненным покусыванием коры зубами. Уже в конце XVII века европейцы отметили этот оригинальный приём украшения берестяных изделий. Неко-

торые исследователи отмечали такой примитивный вид искусства как возможный источник происхождения дизайна у индейцев алгонкинов. «Мягкие внутренние слои бересты, податливые и пригодные для покусывания, индейцы делали ещё податливее при помощи нагревания. Группы индейцев, особенно женщины и дети, сидя весной вокруг костра, сгибали куски мягкой коры вдвое и, используя свои боковые зубы, лёгкими покачивающими движениями покусывали тонкие слои коры, чтобы украсить бересту в такой очаровательной манере»¹².

На этом оригинальные приёмы декорирования туесков при помощи природных возможностей человеческого тела не оканчиваются. Мастера небольшой приамурской народности ульчи про-

изводили тиснение на бересте при помощи ногтя большого пальца правой руки¹³. У многих народов существовали и другие способы украшения: орнаменты, выполненные в технике прочерчивания шилом, тиснения различными твёрдыми инструментами, прорезывания или выскабливания рисунка ножом, а так же расписывания натуральными красками. Иногда отдельные элементы внешнего оформления делались с использованием деревянных, металлических штампов или при помощи аппликации. Индейцы Северной Америки великолепно расшивали свои берестяные коробки, отдаленно напоминающие туеса, иглами дикобраза или волосом американского лоса. Современные мастера придумывают и новые технологии, например, выжигание по бересте, используя при этом невысокую температуру нагревания.

Образцы внешнего оформления древнерусских туесов при помощи прочерченного и расписанного орнаментов.
Из книги: Б.А. Колчин. Новгородские древности.
Резное дерево. М., 1971.

На территории России сведения о древнейших туюсах мы можем найти среди новгородских археологических находок, так как это, несомненно, самая масштабная в мире коллекция археологических берестяных изделий. Особые свойства болотистой новгородской почвы, хорошо сохраняющей деревянные изделия, позволили археологам найти в раскопках Новгорода Великого сотни и сотни уникальных свидетельств берестяного творчества X–XV веков (временной период определён наличием культурных слоев в почве новгородской земле). В других странах встречаются только единичные находки аналогичных предметов. Новгородский археолог Б.А. Колчин систематизировал деревянные фрагменты, в том числе и берестяные, добытые на Неревском раскопе Древнего Новгорода. Фрагменты этих берестяных изделий, не считая грамот, составили на раскопе более 1000 единиц¹⁴. Данная коллекция, а также образцы, найденные на других раскопках, позволяют изучить способы изготовления отдельных конструкций, манеру внешнего оформления изделий, прежде всего, туюсов.

Чтобы представить туюсок, каким он был в Древнем Новгороде, нам необходимо собрать множество разрозненных деталей, распределив их по разделам: корпус туюска, дно, крышка, оформление изделия.

Что касается корпуса, сразу бросается в глаза, после беглого просмотра имеющихся в Новгородском государственном музее археологических фрагментов, то, что мастера в те далёкие времена не использовали сколотней (берестяных цилиндров) для изготовления внутренних частей туюсов. Все они делались из отдельных листов бересты. Края наружного пласта, «рубашки», скреплялись при помощи специального замка или лыковым швом. Внутренний пласт соединялся краями внахлест без какой-либо фиксации. Он не имел специального замка или шва, как наружный пласт — «рубашка». До XV века мастера в Древнем Новгороде не использовали сколотней во внутренней части туюска, а в XIX веке все они делались уже со сколотнями. Поэтому невозможно точно указать период, когда и кем на новгородской земле впервые был применен сколотень для изготовления туюсов. Трудно ответить на вопрос, куда девались хитроумные способы пришивания берестяных доньев к корпусам туюсов, которые применялись в Древнем Новгороде. Возможно, они исчезли за ненадобностью в тот период, когда был «изобретён» сколотень и оправданным стало применение деревянного дна, которое вколачивалось в хорошо распаренную нижнюю часть изделия. Это позволяло гораздо быстрее изготовить туюс. Пришивные донья сохранились у якут и некоторых других народов России, но швы подобно новгородским уже утрачены. Означает ли это, что древненовгородские туюса без использования сколотня не способны были «держат» воду? На этот вопрос, скорее всего, можно ответить отрицательно. Древние новгородцы имели возможность сделать туюс водонепроницаемым, прошив внутреннюю и внешнюю стенки туюска лыковыми бечёвками, что довольно часто делалось. При помощи определённой конструкции берестяного до-

нышка, такой туюс вполне мог применяться для хранения молока или сметаны. Наиболее типичная прошивка двойного корпуса туюсов тремя — четырьмя вертикальными рядами позволяла делать корпуса прочными и герметичными. Поверх корпуса туюска с внешней стороны надевались берестяные ободки, которые дополнительно укрепляли корпус. Верх изделия часто обшивался лыковой бечёвкой.

По размеру самые ходовые туюски были небольшими: 8–14 см в диаметре и 10–12 см в высоту. Корпус чаще круглый, но бывал овальный и даже прямоугольный с округлёнными краями. Наподобие туюсов часто изготавливались и более крупные изделия — лукошки и короба, корпуса которых варьировались в пределах от 15 до 60 см в диаметре и 40–50 см в высоту. По мнению Б.А. Колчина, основа у крупных лукошек и коробов делалась из луба и затем обтягивалась декоративным берестяным слоем, который пришивался или приклеивался поверх луба¹⁵.

Донья в археологических туюсах были двух типов: состоящие из нескольких слоев пластовой бересты, пришиваемых к корпусу лыковыми бечёвками различными системами швов, и деревянные, которые крепились к корпусу деревянными гвоздями-шпильками. Надо заметить, что если первый способ крепления дна к корпусу со временем сильно видоизменился и перекочевал в другие типы изделий, например, в северные лукошки и набирушки, то второй сохранился без изменения и в поздних крестьянских работах. Так в Новгородском музее хранится берестяной туюс (из деревни Теребутицы), дно которого сделано также, как и в некоторых археологических образцах. Его возраст — около ста лет. Можно сказать, что это изделие почти точно повторяет одну из форм древненовгородского туюска XII–XIV века.

Относительно крышек скажем, что мы пока не имеем возможности хорошо изучить конструкцию археологических крышек из-за их неполной сохранности. Можно только предположить, что если в «столетней» коробке из деревни Теребутицы, о которой шла речь выше, корпус полностью повторяет археологический и имеется хорошо сохранившаяся крышка, то многие из археологических изделий, вероятно, были такими же. Крышка этого туюска по конструкции повторяет корпус. Двойные внешние стенки её по ширине приблизительно в два раза уже, а диаметр несколько шире, чтобы она могла одеваться на корпус. Крышка состоит из четырёх компонентов: внутренней полоски, которая идёт лицевой стороной внутрь с концами внахлест; внешней (лицевой стороной наружу), которая крепится в «замок»; плоской деревянной (ель, сосна) окружности — дна — толщиной около десяти миллиметров и деревянных (берёзовых?) гвоздей диаметром около двух и длиной четыре–шесть миллиметров, заострённых на конус к одному краю. Безусловно, у древненовгородских туюсов были и целые берестяные крышки, выкроенные из нескольких берестяных частей и скрепленные лыковыми бечёвками.

Мягкая и поддающаяся всевозможной обработке береста, а так же плоскости на боках туюсов давали большие

возможности автору украсить изделие в соответствии с эстетическими запросами своего времени. Интересно, что к XII веку в Древнем Новгороде уже были известны основные техники украшения берестяных изделий, которые используются мастерами и по сей день. Это прочерчивание рисунка шилом, оттиск от штампов (деревянных и, возможно, металлических), сквозная прорезная техника и роспись натуральными красками по плоскости коры с использованием черного, красного, коричневого, синего и светло-жёлтого цветов. В основе украшений этого периода лежит геометрический орнамент с элементами полос, волнистых и ломаных линий, плетёнок, состоящих из квадратов, ромбов. Все эти элементы образуют замысловатое бес-

конечное развитие. Один из основных в XII–XIII веках линейно-волнистый орнамент исследователя прикладного творчества Г.Н. Бочаров связывает с подражанием узорам гончарных изделий, где прямые и волнистые линии были основой рисунка у славян того периода. На берестяных туесах такой орнамент получил дальнейшее развитие¹⁶. Как нельзя лучше иллюстрируют этот тип оформления фрагменты расписных стенок коробов XII века. Гамма красок, как мы уже сказали, состояла из чёрного, красного, коричневого, синего и светло-жёлтого цветов. Полутона отсутствовали. Надо заметить, что все, находящиеся в распоряжении Новгородского музея, расписные фрагменты выполнены на очищенной (белой) стороне коры «чечевичками» (характерные пористые чёрточки на берёзовой коре) вертикально. Композиция по вертикали делилась на три части и чаще всего была несимметричной и разной по рисунку. Верхний, средний и нижний пояса не повторяли мотивов орнамента, были асимметричны и непохожи друг на друга¹⁷. Применялся и такой простой вид оформления, как начертание текстов. Так по венчику крышек туесков часто писали назидательные и другие надписи. К примеру, на ободке крышки туеса конца XIV века написана загадка: «Есть град между нобом и землею, а к ному еде посол без пути сам ним везе грамоту непсану»¹⁸.

Орнаменты XI–XIV веков, выполненные в технике прочерчивания, делались острым шилом. Это плетёнки, квадраты, волнистые и циркульные линии.

Средневековый Новгород оказал огромное влияние на обширные территории русского Севера. Тем не менее, в новгородской сельской местности за последние три столетия берестяное творчество так и не смогло оформиться в

самостоятельный промысел, который бы обеспечил преемственность художественных идей блистательных предшественников, вследствие чего это творчество в Новгородском крае сильно видоизменилось за последние века. Исчезли многие конструкции туесков, лукошек, коробей, исчезли неповторимые орнаменты, шивные конструкции с использованием лыковых шнуров. Берестяным творчеством стали заниматься отдельные крестьяне, изготавливая повседневную домашнюю утварь. Применимость в хозяйстве, упрощённость конструкций, скупое оформление — вот основные идеалы мастеров последних столетий. Если в Новгородском крае ничего не вышло с берестяным промыслом, то в соседнем Вологодском, наоборот, с конца XVII

века в районе Великого Устюга оформился самобытный промысел по изготовлению коробочек, шкатулок и туесков с обильной декорацией из прорезного орнамента. Преемственность новгородских идей в этих краях очевидна. Но вот исследователи задаются вопросом, как могло получиться, что именно в этих небольших селениях, в том числе в деревне Курово-Наволоки, по берегам реки Шемоксы, и нигде больше из тысяч деревень прежних новгородских владений, появился известнейший на весь мир центр художественной обработки бересты¹⁹.

Скорее всего, новгородские берестяные технические находки X–XV веков, повлияли на изготовление подобных предметов в соседних территориях. В Вологодской, Архангельской областях, на Урале, в Сибири можно найти некоторые образцы изделий, которые делались новгородскими мастерами с древ-

нейших времён вплоть до начала XX века.

В печатной литературе, которая доступна современному мастеру или педагогу, трудно найти подробный материал об изготовлении туесков. Большинство авторов ограничиваются описанием внешнего оформления изделий в соответствии с локальными школами бытования того или иного стиля народного орнамента и мало дают сведений об их устройстве. Россия — берестяная страна, и в каждом её регионе, где произрастает берёза, найдены свои оригинальные способы изготовления и внешнего украшения изделий. Кажется, нет возможности изучить всё это и изложить в одной статье. Мы предлагаем вашему вниманию пять интересных, с точки зрения их конструкции и внешнего вида, туесков, чтобы показать разнообразие творческих поисков народных умельцев в изготовлении туеска в различных регионах России.

Туесок из Окуловского района.
Конец XIX в. Фото автора

ТУЕСА НОВГОРОДСКОГО КРАЯ

К XIV веку Новгородская республика достигла своего расцвета. В прикладном искусстве наметилось расслоение: одни мастера, став профессионалами, делали высокохудожественные изделия по заказам состоятельных граждан, а другие изготавливали не особо притязательные вещи в массовом порядке на продажу. В начале XIV века бытовое народное искусство перемещается в деревню с её малоподвижным укладом жизни и сохраняется там вплоть до XX века²⁰. Можно предположить, что с этого периода крестьяне активно овладевают берестяным творчеством, в том числе изготовлением туесов. Возможно, городские идеи и жизненная извечная потребность в наличии добротной надёжной посуды для хранения жидких продуктов подтолкнули их на эксперименты с берёзовой корой. Глиняная посуда была достаточно дорогой и не везде производилась. И вскоре они нашли оригинальный способ изготовления водонепроницаемой посуды с использованием берестяного цилиндра, снятого «чехлом»

с дерева. Это могло произойти в период с начала XVI до конца XVII века. Но возможно, техника использования сколотней была завезена в наш край из скандинавских стран. В любом случае, новгородские крестьяне начали осваивать изготовление туесов со сколотнем где-то в начале шестнадцатого столетия.

Новгородские крестьяне на протяжении этого большого периода научились делать различные типы туесов. Мы рассмотрим самый распространённый за последние два века туес, характерный преимущественно для нашего региона. Корпус состоял из сколотня (полого цилиндра), «рубашки», края которой не скреплялись в замок, а заходили друг на друга внахлёст; двух (верхнего и нижнего) ободков, трёх широких берестяных полосок, которые крепились вертикально вдоль корпуса. Верхняя часть туеска обвязывалась корнем ели, сосны, можжевельника. Донья и крышки делали сосновые или еловые. В распаренную нижнюю часть туеска, которая в этом типе изделия не обвязывалась корнем, вколачивалось накрепко дно на некотором отступе от нижнего края. Ручка для крышки гнулась из черёмухового, рябинового или ивового прутка, фиксировалась с обратной стороны крышки палочкой, не проходила сквозь отверстия в дужках ручки, а вставлялась сбоку в прорезанные пазы этих дужек. Крышка закрывалась сверху и не служила ручкой для переноски продуктов в туеске, как в других конструкциях. Внешняя часть изделия чаще всего никак не украшалась или украшалась очень скупо: чаще

прорезкой зубчиков по краям продольных, верхней и нижней, полос «рубашки».

Этот тип туеска — достаточно упрощённая и функциональная конструкция. Здесь всё подчинено экономии времени при изготовлении. Нижняя часть не обшивалась корнем вовсе, а концы «рубашки» не сцеплялись замысловатым замком и не прошивались корнем, а заходили один на другой внахлёст. На это место, где край «рубашки» заканчивался, на корпус туеска накладывалась широкая продольная полоска бересты, длина которой равнялась высоте изделия. Для равновесия конструкции по окружности туеска на равноудалённом расстоянии друг от друга прокладывались ещё две такие же полоски. Внизу они крепились нижним ободком, а сверху — верхним, который прошивался по краю корнем. Донце, диаметром немного большим внутренней части сколотня, туго вбивалось в распаренную нижнюю часть корпуса приблизительно посередине нижнего ободка.

Тиснёные и расписные туеса последних двух столетий в Новгородском регионе

большая редкость. И, кажется, невозможно встретить туеса с прорезной или украшенной каким-нибудь плетёным орнаментом «рубашкой». Но есть и неожиданные исключения. В Новгородском музее хранится удивительный расписной туесок. Его оформление никак не связано с народной традицией и, скорее всего, демонстрирует некий эксперимент необычного разового единения городской и крестьянской культур. Туес сделан, вероятно, в конце прошлого века и в его конструкции нет ничего необычного для новгородской местности. Вся неожиданность в его росписи. Туес покрыт меловой грунтовкой, поверх которой выкрашен в красный цвет. С двух сторон в прямоугольных зеленоватых рамках портреты приятных молодых особ в европейских костюмах XVII–XVIII веков, предположительно английских. Исполненные в классической академической манере, они словно наводят нас на мысль о невозможности такого стиля в крестьянском искусстве. Скорее всего, какой-нибудь заезжий на летний отдых питерский художник, смог такое сотворить. Возможно, туес был сделан в скандинавских странах и привезён в один из районов Новгородской губернии. В имеющейся в нашем распоряжении литературе по берестяному творчеству скандинавских стран и России мы не нашли подобных экспонатов. Поэтому интерес к данному изделию особый. Этот туес сделан в конце XIX века и привезён в Новгородский музей из Окуловского района.

К разряду исключений можно отнести туеса конца про-

Туесок новгородский, из Боровичского района. XIX в.
Фото автора

шлого века, сделанные с использованием двух и даже трёх сколотней, снятых с одного дерева и одетых один на другой. Такие тессы не имеют внешней «рубашки». Их в Новгородской области было найдено только два.

ТУЕСА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Архангельские тессы, яркие и разнообразные по внешнему оформлению, имеют также несколько разновидностей. На Севере многие тессы богато расписывали растительным орнаментом и сюжетными композициями, украшали тиснением, оплетали косым и прямым плетением. Живописное оформление тессов, в основном, связано с тремя центрами народной росписи деревянных изделий на Северной Двине в Архангельской области. Это пермогорский, борецкий и ракульский стили. Названия происходят от топографии региона²¹. Возникновение центров относится к концу XVIII — началу XIX веков. Основа Пермогорской росписи — растительный узор. На гибких побегах трёхлопастные листья и тюльпановидные цветы. Среди кустиков нарядные сказочные птицы. Очень часто среди этого растительного изобилия вписаны разнообразные жанровые сцены из крестьянской жизни²². На одном теске середины XIX века «дан рассказ о знакомстве молодых, о сватовстве и обычной трудовой жизни крестьянской семьи после свадьбы»²³. Верхний и нижний ободки окрашены в красный цвет. Над нижним ободком идет синяя полоса с надписью красным: «Сей бурачек очень крепок и угод для содержания кваску с перышком». Полосу обрамляют орнаменты из полукружий. Похожий орнамент идет и на верхнем ободке. Жанровые сценки обрамлены характерным пермогорским растительным узором. Общий фон светлый. «Узор росписи и изображения сказочных птиц всюду заполняют фон между фигурами. Вся роспись воспринимается как пёстрый орнаментальный ковёр»²⁴.

Если на пермогорскую роспись оказала большое влияние книжная миниатюра, то борецкая складывалась под впечатлением северной иконописной школы²⁵. Это крупный по рисунку орнамент. Напряжённый глубокий цвет с преобладанием киновари и тёмной изумрудной зелени. Основные элементы — длинные изогнутые листья и тюльпановидные цветы²⁶. На бураке XVIII века, из собрания Русского этнографического музея, по верхнему и нижнему ободку нанесена чуть изгибающаяся ветвь с крупными двоянными листьями. Основа центральной части состоит из традиционных борецких тюльпанов на прямых толстых

стеблях-стволиках. Чёткому ритму тюльпанов вторят статичные фигуры лесоруба и собирателей ягод²⁷. Декоративная раскраска в два цвета — красным и зелёным.

В ракульской росписи главную роль играют золотисто-охристый и чёрный цвета. Колорит строг, спокоен. Орнамент из декоративных листьев очень крупный²⁸. Этот тип росписи мы проиллюстрируем набирушкой середины XIX века из музея Сергиева Посада, расписанной мастером Дмитрием Федоровичем Витязевым. Узор, окаймленный черным контуром, состоит из крупных фантастических цветов и птиц. Его подвижность достигается за счет большого количества черных прожилок, усиков и спиралевидных завитков. Простой волнообразный орнамент, охватывающий основание набирухи, подчёркивает сюжет росписи. Красный, зелёный и белый цвета на золотисто-жёлтом фоне похожи на мозаичные вставки²⁹.

Истоки северодвинских росписей находятся в монументальной древнерусской живописи, иконописи, миниатюре и орнаментике древних книг³⁰. Временные границы простираются от зарождения в XVII веке до угасания в начале XX века³¹. Часто на Севере тессы украшали жанровыми сценками при помощи деревянного штампа, на котором предварительно вырезался узор или сюжет. Домики, ёлки, звери, охотник — обычные рисунки на таких штампах³². Был и другой достаточно распространённый способ украшения, когда поверх сколотня выплеталась

«рубашка» из отдельных лент прямым или диагональным плетением и затем иногда декорировалась «глазками» при помощи дополнительно вплетённых лент. Сопоставив один из таких северных тесков с новгородским того же «этнографического» периода, мы увидим региональные особенности в конструкции и оформлении изделий.

Мы уже знаем, что любой русский тесок имеет сколотень, «рубашку», верхний и нижний ободки, дно и крышку. В архангельском теске с плетёной «рубашкой», верхняя и нижняя части прошиваются корнем. Под прошивку с изнаночной стороны подкладывается ивовый прутик или берестяная полоска, на которую в нижней части «ложится» донышко, а в верхней этот элемент служит упором, за который цепляется крышка. Благодаря этому, крышка служит одновременно и ручкой, которую можно использовать для переноски теска без сумки. Чтобы поставить крышку на место в таком теске, её необходимо просунуть боком в корпус теска и, разворачивая её горизонтально, подтянуть кверху под этот внутренний обод. Точно также она и вынимается. Не зная этого, тесок не сразу откроешь. Гну-

Тес с использованием трех сколотней. Конец XIX века. Батецкий район, деревня Воронино. Фото автора

тая дужка крепится к крышке при помощи дополнительной палочки, которая проходит сквозь просверленные отверстия дужки с внутренней стороны крышки.

В Новгороде почти никогда не встречаются плетёная «рубашка», обвязка корнем нижней части туеска и такая конструкция крышки³³.

УРАЛЬСКИЕ ТУЕСА

На Урале, в Нижнем Тагиле, к концу прошлого века оформился самобытный бурачный промысел. В окрестностях Нижнего Тагила к этому времени изготавливали до 100 тысяч туесов в год. Появление и распространение народных промыслов в этих местах связано с миграцией населения. Исследователи полагают, что бурачный промысел был занесён в эти места в XVII веке старообрядцами³⁴. Так или иначе, в начале XVII века за Уралом стали появляться русские поселения — слободы. Это были выходцы из Вологды, Тотьмы, Устюга, Вятки. Позднее здесь появились переселенцы из Поволжья, центральной части и севера России. Пик миграции пришёлся на XVIII–XIX века. Бурачные промыслы процветали в Нижней и Верхней Салде, Нижнем Тагиле³⁵. Во многом конструктивные и художественные особенности этих изделий унаследовали достижения мастеров на северо-западе России³⁶.

Устройство туеска было очень простым: сколотень, «рубашка», донце и крышка. При изготовлении сколотень выступал в верхней и нижней частях на три-пять сантиметров. Распаренный, он загнулся поверх «рубашки» через ивовый или черёмуховый, расщепленный надвое прут или берестяную полоску. Дно вколачивалось в распаренную нижнюю часть, а крышка одевалась сверху. И то и другое делалось из сосны или кедра. Ручка крышки гнулась из ивового прутка и фиксировалась с обратной стороны при помощи продольной палочки, идущей сквозь отверстия, выступающие с обратной стороны кончиков ручки, как у архангельского типа туесков. К слову, такая же конструкция туесков широко бытовала и на северо-западе России. В XVII–XVIII веках «белые» (не расписанные краской) бураки украшали тиснением с использованием костяных и металлических чеканов. На поверхность бересты набивался геометрический или растительный орнамент, профили сказочных птиц, розетки в виде стилизованного солнца³⁷. В начале XIX века по тиснёной поверхности стали расписывать. А в конце XIX и начале XX веков туески только расписывали³⁸.

Нижнетагильские городские росписи отличались от деревенских нижнесалдинских. По технике исполнения и сюжетам эти росписи максимально приближались к лаковой росписи тагильских подносов. Был единый метод приготовления олифы, красок на основе льняного или конопляного масла, наполнителей из ягодного сока, отваров кореньев и трав, минерального порошка. Грунтовкой служил сурик. В Нижней Салде фон бураков красный, светло-зеленый, оранжевый, красно-вишнёвый, сиреневый. Композиция несложная, состоящая из веток, цветков, букетов или

травяных орнаментов. В Нижнем Тагиле роспись профессиональная, симметричная, хорошо уравновешенная. Сюжетные композиции сложные «...на одном из бураков (начала XIX века) на темно-зеленом фоне изображены два букета цветов с виноградной лозой, головкой сахара и свечой. В верхней части два кольца тиснения: «горошек» и «бегунец»³⁹. Для тагильских туесов характерен пышный многоцветный букет из разных по величине цветков веерной формы. Эта особенность тагильской росписи делает её не похожей на архангельскую и вятско-вологодскую⁴⁰.

ПОВОЛЖСКИЕ ТУЕСА. ТУЕСА ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ

С древних времён в Среднем и Верхнем Поволжье проживали различные народности. В этих районах, богатых липовыми и берёзовыми лесами, издавна люди занимались изготовлением домашней утвари из подручных материалов. Интересные по конструкции туеса делали горные марицы. Таких не встретишь на Русском Севере, Урале или в Сибири.

Туесок состоял из сколотня, «рубашки», которая обворачивала сколотень «чечевичками» вертикально и не скреплялась в замок, а шла внахлёст, и двух-трёх ободов, скрепленных в замок. Средний шёл по центру туеска. В верхней части липовый обруч, сшитый корнем сосны, диаметром немного меньше диаметра сколотня, который пришивался изнутри к верхней части туеса в четырёх местах корнем сосны или ели. Дно вколачивалось, как и в новгородском туеске, в распаренный низ туеска. А крышка выглядела, как у архангельских образцов.

Туеса переносились как сумка, через плечо, при помощи грубой конопляной или льняной верёвки. Верёвка крепилась в верхней боковой части изделия за специальные ушки, приделанные к деревянной части сосуда, и внизу проходила сквозь отверстия, просверленные ниже доньшка в берестяном корпусе. Ушки в верхней части могли быть верёвочными или металлическими. Туеса никак не орнаментировались⁴¹.

ТУЕСА НАРОДНОСТЕЙ СИБИРИ

На просторах Сибири многие народы занимались берестяным творчеством: ханты, манси, якуты, хакасы, народности Приамурья. Все они оставили достойный след в художественной обработке бересты. Наиболее близкими к туеску, то есть, к сосуду для жидких продуктов, можно рассматривать якутские подойники и аналогичные им берестяные коробки. Эти изделия изготавливались без использования сколотня, но были достаточно прочными и не пропускали молока. Основными материалами для изготовления таких туесков служили береста, конский волос и прутья тальника (кустарниковой ивы). Вначале выкраивали два листа бересты одинакового размера для корпуса подойника. Внутренний цилиндр должен идти «чечевичками» вертикально, а внешний — горизонтально. Вначале сшивали внешний цилиндр нитками из конского волоса, которые ссучивались вручную. Причём на корпус шёл волос из гри-

вы лошади, а на обод — из хвоста. Внешний цилиндр сшивался краями внахлест, способом «змейка». Шаг прошивки — пять–шесть миллиметров. Диаметр мог быть 18–20 см. Высота — 16–18 см. На внешний цилиндр, в верхнюю часть, на расстоянии пять–шесть сантиметров надевался обод из расколотого надвое тальникового прута и пришивался волосом к корпусу косым параллельным швом. Край прута соединялись на косой срез. Внутренний цилиндр лицевой (прилегающей к дереву) стороной изгибался вовнутрь, подгонялся по размеру внешнего. Край его скреплялись внахлест и прошивались ломаной линией. После чего он вставлялся во внешний цилиндр. Далее поверх первого прутка крепился второй, широкий тальниковый прут и пришивался к обоим цилиндрам «перекрестным швом». Третий, верхний обод, по самому краю туюска пришивался, как и первый, параллельным швом через край изделия. Для дна вырезали два круга и узкую полосу бересты. Всё это пришивали к нижней части туюска «винтовым» швом. Чтобы дно прилегало к корпусу плотнее, по ходу шва кромку обычно

прикусывали зубами⁴². Крышка делалась аналогично дну и могла одеваться на корпус, входя вовнутрь туюска. Отверстия проделывались шилом. Верёвка для переноса подойника крепилась за широкий средний обод тальника с внешней стороны. Такие туюсы якуты любили украшать подвесками из бисера, металла, бус, лоскутами цветного сукна, тканей или кусочками меха⁴³.

По прямому своему назначению берестяные туюсы, по крайней мере, русскими в России, ещё иногда использовались до середины XX века. Выверенная временем, подчас богато украшенная орнаментом, высокохудожественная берестяная вещь находит своё место и в современном мире. Искусство изготовления туюсов повсеместно трансформируется в среду городского ремесленного творчества и вызывает интерес у многочисленных коллекционеров и знатоков народного творчества. Работа по изучению и восстановлению самых интересных и малодоступных конструкций туюсков успешно продолжается и в наши дни. Новые и новые поколения умельцев точат своё мастерство, постигая это непростое ремесло.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.М. Шанский. Краткий этимологический словарь русского языка. Под ред. (и с пред.) чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. Изд. 3-е испр. и доп., М., 1975. С. 454.

² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачова. Изд. 2, стереотипное. М., 1986. Т. 4. С. 115.

³ А.Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. РАН, Сибирское отделение института филологии. Ред. Б.В. Болдырев и др. Новосибирск, 1997. С. 583.

⁴ М. Фасмер. Указ. соч. Т. 1. С. 243.

⁵ А.Е. Аникин. Указ. соч. С. 583.

⁶ Н. М. Шанский. Указ. соч. С. 454.

⁷ М. Фасмер. Указ. соч. Т. 1. С. 243.

⁸ Там же. Т. 1. С. 243.

⁹ С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 60.

¹⁰ Johann Hopstad. Never. Sveipte bokser og fat. Landbruksforlaget, 1990. Р. 9.

¹¹ Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья/Под ред. Т.Б. Юмахановой. Научно-исследовательский центр ОИ ГГМ СО РАН. Новосибирск, 1999. С. 431, 229.

¹² Eva L. Butler, Wendell S. Hadlock. Uses Of Birch Bark In The Northeast. The Robert Abbe Museum. Bar Harbor, Main. 1957. Р. 48.

¹³ Н.В. Кочешков. Народное декоративное искусство // История и культура

ульчей в XVII–XX вв. СПб., 1994. С. 97.

¹⁴ Б.А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С. 56.

¹⁵ Б.А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1969. С. 50.

¹⁶ Г.Н. Бочаров. Прикладное искусство Древнего Новгорода. М., 1969. С. 68.

¹⁷ Б.А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С. 58.

¹⁸ Б.А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. С. 49.

¹⁹ Russian Folk Arts, by Alexander and Barbara Pronin. London. Thomas Yoseloff Ltd, 1975. Р. 84–86.

²⁰ Б.А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. С.61.

²¹ Народная роспись Северной Двины. Альбом. Автор-составитель О.В. Круглова. М., 1987. С. 5.

²² Там же. С. 7.

²³ Там же. С. 11.

²⁴ Там же. Комментарий 44–46.

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Там же. С. 19.

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Там же. С. 23.

²⁹ Там же. С. 23.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же. С. 25.

³² А.С. Миловский. Скачи, добрый единок. Очерки. Туюсы деда Мартына. М., 1986. С. 54.

³³ Познакомиться с архангельскими туюсками можно в следующих изданиях:

В.А. Барадулин. Сельскому учителю о народных промыслах. М., 1979;

Народная роспись Северной Двины. Автор-составитель О.В. Круглова, М., 1987; Народное искусство России. Автор-составитель М.А. Некрасова. М., 1983;

В.Н. Полунина. Эстетическое воспитание детей и подростков в общении с народным искусством. М., 1989;

А.С. Миловский. Скачи, добрый единок. М., 1986.

³⁴ А. Дмитриев. Тагильские бураки //Лес и человек. Научно-популярный ежегодник. М., 1992. С. 61.

³⁵ Каталог уральской народной росписи крестьянских домов и предметов быта в собрании Нижнесибирского музея-заповедника. Автор-составитель И.Д. Самойлов. Уральский рабочий. 1988. С. 34, 53.

³⁶ В.А. Барадулин. Народные росписи Урала и Приуралья. Л., 1988. С. 18.

³⁷ А. Дмитриев. Указ. соч. С. 62.

³⁸ И.Д. Самойлов. Указ. соч. С. 53.

³⁹ И.Д. Самойлов. Указ. соч. С. 53, 54.

⁴⁰ А. Дмитриев. Указ. соч. С. 63.

⁴¹ Э.Д. Меджирова. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.

⁴² З. Иванова-Унарова. ...Из бересты //«Северные просторы». 1988–1989. С. 32–33.

⁴³ Н.И. Каплан. Художественная обработка дерева и бересты // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. Сост. Т.Б. Митлянская, М., 1983. С. 150.

ДМИТРИЙ ЖУРАВЛЁВ: «ДЛЯ МЕНЯ ГЛАВНОЕ — ДОБРОТА В ЖИВОПИСИ»

— Пробежали, промчались годы, месяцы, дни, и вот, спустя 40 лет после моего приезда в Новгород, я стою на выставке молодых художников в «Десятинке» и думаю с радостью о том, что они, молодые, наверное, талантливее нас...

— *Дмитрий Власович, что для Вас Новгород? Почему Вы приехали именно сюда?*

— И я, и многие другие художники приехали в Новгород за творчеством. Новгород манил стариной, вековечностью, уникальностью архитектуры, своей спокойной жизнью, необходимой для сосредоточения мысли художника. Ещё раньше меня приехали в Новгород Семён Иванович Пустовойтов и Григорий Михайлович Штендер. Семён Иванович — одессит — влюбился в новгородские храмы; он всю жизнь рисовал эти храмы, увековечивая их. Григорий Михайлович увлекался всерьёз архитектурой и живописью. И вот эти два даровитых человека очень хорошо меня тогда приняли, они поверили, что я смогу начать что-то серьёзное. А я ходил по возрождающемуся чудесному городу, писал огромные холсты, писал новгородскую архитектуру, был поражен величием древности.

Я тогда начал работать в Доме народного творчества, ездить по районным центрам, где проходили выставки художников. Собирал лучшие работы для нашей областной выставки. Это дало возможность познакомиться с настоящими народными мастерами, художниками. Замечательно интересными были вышивки, изумительная крестецкая строчка, гончарное производство, ткачество. Всё это находило своё место на выставках.

— *Как складывалась Ваша жизнь до приезда в Новгород?*

— Родился я в Ленинграде. Перед войной, в пять лет, попал на год в больницу (автомобильная катастрофа). Здесь, в больнице, я начал рисовать. Потом была блокада, в блокаду я постоянно рисовал. После окончания войны, в 1947 году, поступил в художественную среднюю школу при Академии художеств, в 1953 году окончил её с золотой медалью. Президиум Академии художеств, который курировал тогда это школу, рекомендовал принять меня без экзаменов на живописный факультет. В 1959 году закончил с красным дипломом институт имени Репина Академии Художеств СССР, мастерскую художника Иосифа Александровича Серебряного. Он очень любил меня, и потом многие годы вспоминал как самого своего интересного студента. И сразу же, после окончания Академии, я уехал в Новгород.

— *Начало шестидесятых годов. Оттепель. Я помню то прекрасное время, когда мы дурили от свежего ветра перемен. Надеялись на лучшие времена, творили, писали, создавали фильмы, спектакли. Чем были замечательны для Вас эти годы, уже связанные с Новгородом?*

— У нас, новгородских художников, была мечта — создать в Новгороде Союз художников. Все мы были очень раз-

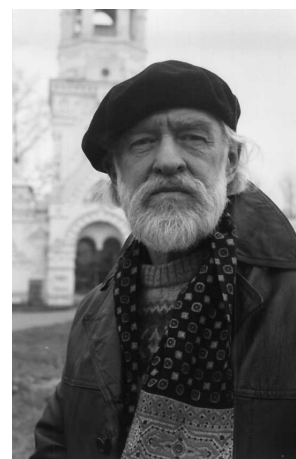
ные: Пустовойтов, Чехонадский, Штендер, другие художники. Но у нас была одна идея — объединиться, чтобы создать свой Союз. Мы понимали, что иначе нам просто не выжить. В 1962 году было создано псковско-новгородское оргбюро (во Пскове также не было своего Союза). Владимир Степанович Рябов, Григорий Михайлович Штендер и я выезжали во Псков, встречались с псковскими художниками, чем могли — помогали, добивались у руководства строительства мастерских. Мы понимали, что без помещений, без мастерских, серьёзно говорить о какой-то творческой работе невозможно. Прошло пять-шесть лет, и нам удалось осуществить мечту о строительстве мастерских. Нас поддерживало тогдашнее руководство, были официальные документы о том, чтобы в городах творческие союзы обеспечивались помещениями под мастерские. Наши друзья-архитекторы разрабатывали типовые проекты, вкомпановывали в новостройки помещения творческих мастерских. И вот — счастье! В 1967 году мы получили первые шесть мастерских на улице Кооперативной, а в 1968 году был создан новгородский Союз художников, я был избран первым председателем правления. До этого мы с Владимиром Степановичем Рябовым работали пять лет в Златоустовской башне Кремля. Удивительно хорошее это было время! Очень много писали, к нам приезжали известные в то время художники, много было разговоров об искусстве.

Первая областная художественная выставка прошла в 1962 году. Это время поездок в Вышний Волочок в Дом творчества Союза художников, ему тогда уже было лет 80. Там в своё время работали передвижники, Репин работал. Это святое место для всех российских художников и до сих пор. Но, к сожалению, художники сейчас туда не ездят...

— *Как складывалась творческая жизнь художников молодого Союза?*

— Иногда мы выполняли заказы, которых было очень мало, работали за гонорар. Но основная творческая работа уходила «в стол». Так было и у меня, и у Рябова, Чехонадского, Штендера. Больше всех повезло Тамаре Александровне Гавриловой, которая с 1967 года, вместе с В.В. Смоляром, перешла работать по росписи фарфора на завод в Бронницу и была принята в Союз как художник по фарфору. Тамара Александровна стала ведущим российским мастером по росписи фарфора. Но мало кто знает, что она была замечательным скульптором, хотя как скульптор выставлялась редко.

— *Основная часть художников молодого Союза в это время очень нуждалась материально. Как выходили из этого положения?*

Сотворение храма. 1996 г.

Весенние заботы. 2000 г.

Новгородский Кремль, 1991 г. Ростись в гостинице «Береста»

Умиление. 2000 г.

Битва Георгия со Змием. 1999 г.

— Была у нас попытка создать новгородский художественный фонд, и мы его создали. Он просуществовал с 1968 года по 1992 год. Этот фонд помогал многим художникам в трудное время, многие просто там работали, выполняя разные заказы. Но я должен сказать, что, несмотря на значительные материальные затруднения, часто собираясь вместе, мы говорили о творчестве, показывали друг другу новые работы. О деньгах старались не очень вспоминать. Это правда.

— *Конечная цель каждого художника — выставка, где присутствуют его работы. И уж, конечно, персональная. Расскажите, пожалуйста, о выставках, которые организовывал Союз.*

— Начиная с 1962 года, мы один раз в два года, с 1980 года практически каждый год, делали художественные областные выставки. В выставках принимали участие все члены Союза художников и творческая молодёжь. Работало жюри из наиболее опытных художников. Были и обиды, и недоразумения. Не всё, конечно, складывалось безоблачно. Хотя, по большому счёту, все те, кто хотел участвовать в выставках, хотел творчески работать — все выставлялись.

В 1962 году секретариат российского Союза художников принял решение об организации художественных зональных выставок. Вся Россия была разделена на десять регионов, мы входили в зону Советский север (сейчас она называется — Русский север). Этот регион — Карелия, Коми и шесть областей: Архангельская, Кировская, Новгородская, Псковская, Мурманская, Вологодская. В 1964 году прошла первая художественная зональная выставка в Архангельске. Это — первый выход новгородских художников на просторы российского искусства. В выставке принимали участие Г.М. Штендер, В.С. Рябов, В.М. Чехонадский, Л.П. Новикова и я. Тогда же я впервые был приглашен с совещательным голосом на выставку и участвовал в организации этой выставки. С тех пор и до настоящего времени являюсь участником и организатором абсолютно всех проводимых выставок «Российский Север». С этих выставок наши работы отбирались республиканским выставочным на художественные республиканские выставки в Москве.

В 1967 году в Кирове прошла следующая зональная выставка, где о новгородцах заговорили как о целой живописной школе. Московские газеты тогда писали об этом. Журналистка Ольга Воронова вышла с идеей владимирской и новгородской школ живописи. Она приезжала в Новгород, смотрела мои работы, Рябова, Новиковой, Штендера, Пустовойтова.

В 1969 году прошла художественная выставка в Петрозаводске, мы выставили очень много работ, хотя за это нам тогда здорово попало. В 1974 году в Вологде состоялась четвертая художественная региональная. Вологодский Союз стал как бы центральным в то время, там работали замечательные художники, которых сейчас уж нет. Они как-то притягивали к себе художников из других городов, и мы вместе ездили по Северу, прежде всего по вологодской земле. Объездили практически все легендарные места Вологодской области; где-то месяца два мы без конца писали и рисовали. С Ивановым, Кондратьевым, Новиковой ездили в Череповец к металлургам. Потом делали выставки тех рисунков и акварелей, которые нам удались. Конечно, всякая подобная экспозиция — это показ сырых материалов, но то что было, то что тогда мне

удалось собрать, я до сих пор использую в своей работе.

А в 1979 году — выставка в Сыктывкаре, республике Коми, и мы к ней также очень серьёзно готовились, много ездили — в Мурманск, Архангельск, на Новгородчину. Да, конечно, самый большой плюс всех зональных выставок, что все мы очень подружились за эти десятилетия! До сего времени я знаю всех художников, которые жили или живут на севере, за исключением молодых. Молодёжь сейчас работает как-то особняком, они не хотят состоять в организации Союза художников, за границу уезжают — кто куда...

В 1984 году в Новгороде состоялась шестая зональная выставка. Сейчас уже немногие, наверное, помнят. Это был ноябрь-декабрь. Огромные очереди по субботам — воскресеньям в наш новгородский музей. Для нас всех это было ново и неожиданно, чтобы такие очереди стояли на художественную выставку. Конечно, была проведена серьёзная работа в Новгороде. Очень помогло тогдашнее руководство города, областная партийная организация, управление культуры, они приняли достаточно близко к сердцу эту выставку. Состоялась, как мне кажется, одна из самых представительных в то время выставок. Можно понять — она была уже шестой. Те, кто начинали в 1960-х годах, «выросли», стали мастерами российского искусства. Новгородская выставка стала большим творческим успехом всего северного региона. Она проходила тогда в четырех местах, кроме новгородского музея, в здании только что построенной школы № 1, в филармонии и ещё в каком-то здании, сейчас я не помню, где точно. Основные, конечно, были музей — оба этажа, кроме икон, и все четыре этажа школы. Тогда к нам приехало очень много гостей. Я познакомился в то время с Александром Овчинниковым, нашим замечательным фотографом. Все последующие годы мы были очень дружны. Вот такой эпизод: я после открытия этой выставки заболел, и он вдруг врывается ко мне домой, закутывает меня в шубу и волочет к себе домой — показать, что он отснял на нашей выставке. Он сделал тогда множество прекрасных снимков, многие из которых получили потом награды в Москве. Замечательная была выставка, очень хорошие воспоминания...

Потом начались годы перестройки, перестали с нами заключать договора (видимо кончились деньги у государства), и в 1989 году, в Мурманске, — седьмая выставка. В декабре, в самое тёмное время. Великолепная выставка, не такая, конечно, как в Новгороде, там свои традиции, но работала она не месяц, а два. Проходила тоже в трёх зданиях: краеведческом музее, торговом центре и ещё одном помещении, небольшом выставочном зале. Мурманские художники показали себя очень хорошо.

После девятилетнего затишья и неразберихи администрация Кирова и секретариат Союза художников России решают провести следующую восьмую региональную выставку в Кирове. Ни копейки никто не получил, но это была очень сильная выставка: представлено 800 работ живописи, а ещё две тысячи работ отклонили. Представьте, каково стремление участвовать, показать свои работы, чтобы видели наши друзья (мы ведь все были очень дружны). И как обычно, во все предыдущие годы, наша организация выступила блестяще. Там был интересно организован отбор работ: от каждой организации выбирали по два человека и им доверили участво-

вать в работе выставкома. Не Москва назначала, а сами художники. Собрался выставком из 20 человек, я был председателем этого выставкома, и мы буквально за пять дней, с утра до ночи, просмотрели огромное количество работ. Те работы, которые не прошли, составили фонд «отверженных», но и их мы выставили, не в основном выставочном зале (там было четыре выставочных зала, совершенно равноценных), а в четвертом, который мы оставляли про запас, вывесили практически всё, что привезли наши Союзы. Это был действительно праздник! Отличительная черта этой выставки — впервые, скажем, за историю кировского музея, выставка длилась три месяца, а планировали один.

Хотел бы коснуться, в связи с историей нашего Союза художников, наших взаимоотношений с руководством области и города. Стало расхожей мыслью, что нам, творческим людям, мешало советское руководство, партийные органы, якобы, что-то не разрешали. По большому счёту, этого не было. Предпринимались попытки, достаточно редкие, снять какие-то работы, но мы этого не делали. Когда я был председателем, а после меня и Борис Непомнящий, мы всегда шли на контакт с руководством, приводили их на выставки, беседовали перед открытием, разясняли, если были какие-то сомнительные работы, с их точки зрения, доказывали, что тут никакой крамолы нет, и что это вполне нормальная картина или графический лист. Такая вот «воспитательная» работа с нашей стороны давала хорошие результаты. Какого-то пресса идеологического у нас, пожалуй, никогда не было.

Хорошо, что наши нынешние руководители, в частности, Михаил Михайлович Прусак и Александр Владимирович Корсунов, приходят на наши выставки. У нас самые добрые отношения с руководством города и области. Те мастерские, которые были построены ещё при советской власти, а у нас их 20, нам передали в безвозмездную аренду. Мы оплачиваем только коммунальные расходы.

— Дмитрий Власович, особый разговор о молодых художниках. Промчались годы, мы постарели, и вот уже молодая талантливая поросль таранит выставкомы. Что Вы можете сказать о молодых, о преемниках, о новых именах и талантах?

— Молодые художники — это просто чудо. У них сейчас единственная проблема — за кем идти, с кем быть, кому подражать. Это нормально начинать с подражания. И для меня, как учителя молодых, нет большего счастья, чем когда твой ученик начинает работать лучше, чем ты.

Дело ведь не в выборе стиля, мне абсолютно всё равно, какой стиль стал судьбой художника. Главное — чтобы осталось ощущение добра и счастья от его произведения. Сам я поклонник реализма, хорошего вкуса. Я никогда не писал и не буду писать ужасы. Для русских мастеров характерна доброта в живописи. Зла и так много на земле. И своих учеников я всегда прошу ужасы не писать, а противостоять им светом, любовью, музыкой красок, зовущих жить, творить, любить.

Интервью подготовила Тамара Сигалова

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАДОСТИ

(Интервью с редактором и ведущей «Экспресс-радио» НГТРК «Славия» Татьяной ЗОЗУЛЕНКО)

— Всё помню, помню, помню... Прошло очень много лет. А может немного — не знаю. Эти годы были настолько насыщены, полны творческого подъёма: это время организации новой городской газеты, где мы с тобой, Таня, познакомились. Здравствуй, Танечка!

— Да, мыслями улетаю в начало 90-х, настроение было абсолютно свободное, рабочее, хотелось перевернуть горы и сказать людям то, что накопилось за долгие годы.

— Ещё раз — здравствуй, Танечка. Здравствуй, друг мой дорогой. Я хочу тебя от души поздравить с юбилеем твоей передачи, которой десять лет. Так случилось, что в городской газете мы задержались ненадолго. Я организовала свой журнал, а ты ушла работать на областное радио в новую передачу. Но мы благодарны этой газете за то, что она нас подружила, за то, что именно здесь мы почувствовали свежий ветер перемен. И уйдя из этой газеты, каждая из нас осуществила свою мечту: я создала журнал «Чело», в этом мне очень помог Владимир Васильевич Сорока, первый ректор НовГУ, а ты — вошла в передачу, которая стала самой популярной в области. Расскажи, как ты осуществила свою мечту, к которой много лет стремилась?

— Я очень благодарна Виктору Григорьевичу Смирнову за то, что он пригласил меня работать на радио, хоть всю жизнь я была

журналистом-газетчиком. Разговаривать с людьми напрямую было, конечно, очень привлекательно. Казалось, что ты самая-самая первая можешь рассказать им о том, что происходит вокруг, что чувствуешь сама. И здорово, когда огромная аудитория разделяет с тобой эти чувства. Прямой эфир объявляет. Сказал — и всё, птичка улетела, уже правку не сделаешь, как в газете. Это — непростая ответственность. Если учесть, что времени на размышление очень мало, говорить надо быстро, то напрягаешься, конечно, вдвойне. Поэтому поначалу было жутко трудно. Но быстро вошла в курс

Т. Сигалова и Т. Зозуленко

дела и поняла, какое огромное удовлетворение испытываешь от того, что можно сполна реализовать свои возможности, и как ведущего, и как репортёра.

— Знаешь, когда пошли первые передачи «Экспресса», я почувствовала новый подход к теме, высочайшую раскованность, если ты позволишь сказать мне это слово — авангард. Было очень приятно, что в дни становления передачи ты считалась с мнением коллег, спрашивала и меня — нравится ли мне передача. Мне сразу же понравилось, что ты взяла очень верный тон в организации материала — диалог со слушателем. Скажи, этот подход оправдал себя? Ты ведь открыла эфир для всех, не для избранных: пожалуйста, говорите, спорьте, спрашивайте. Вы все, без исключения, будете услышаны.

— *Хитрости тут никакой нет. Просто я всегда любила людей, это искренно. Мне интересны все: и спорщики, и вольнодумцы, и философы, и любители категоричных выводов, и те, у кого необычная судьба, и люди-счастливчики и неудачники. Я довольно долго работала в газете, затем ушла в Союз художников, только потому, что не смогла работать по штампу, приказу свыше. А здесь, на радио, в новое время обрела именно ту журналистскую свободу, о которой мечтала всегда: работа без цензуры, опора полностью на твою профессиональную ответственность.*

— Новгородский Союз художников — это значительная часть твоей жизни, ведь ты и журналист, и искусствовед. Но, всё-таки, журналистика победила, а тема искусствоведческая навсегда осталась с тобой. Честно говоря, я вначале даже опасалась, что в передаче зададут тон художники.

— *Нет, этого не случилось, хотя все художники, конечно же, остались моими друзьями, но на равных правах со всеми остальными. Почти ни одного вернисажа программа не пропустила. Можно сказать, в «Экспресс-радио» своя художественная галерея в эфире. Судя по откликам, это интересно всем.*

— Знаешь, что ещё меня поначалу испугало? Когда в твоих передачах начали появляться самые разные люди, полярно разные, я начала опасаться эдакого творческого винегрета...

— *Нет, конечно. Я отчётливо сознавала, на что иду. Люди, орущие на площади, всех перебивающие, меня никогда не привлекали. Но те, кто может аргументировано высказать свою точку зрения по разным вопросам, по возможности отстоять её, мне постоянно интересны. Я очень часто даже не комментирую некоторые выступления. Винегрета я не боялась, и теперь не боюсь, потому что каждая передача мысленно планируется, выстраивается сценарно, тематически. Просто к теме привлекаются самые разные люди. Надо сказать, что Сергей Гормин, идея создания «Экспресс-радио» его, задал сразу же отличный энергетический ритм передаче, ещё до моего прихода в неё. Но пришлось и поспорить с Сергеем. Я настаивала на большем объёме информации, на расширении круга выступающих, на предоставлении большего времени для новостей, репортажей, а не двух-трёх минут, как раньше. Что человек, да ещё привыкший говорить медленно, может сказать за две-три минуты? Ведь когда он говорит горячо, о наболевшем, ему необходимо определённое временное пространство. Сергей же хотел, чтобы больше звучало музыки, ведь тогда ещё не было ни «Радио-нова» (которое он организовал поз-*

же), ни «Европы-плюс», ни «Русского радио». В Новгородской области «Экспресс-радио» было первой информационно-музыкальной передачей, звучавшей в прямом эфире. Правда, на первых порах наша передача длилась час, теперь нам дают 45 минут. И это очень осложняет работу. Ведь сюжетов, новостей хватило бы и на двухчасовую ежедневную программу.

— Несмотря на это, ты в свою маленькую передачу сумела вложить столько много: у тебя всем хватает места: юристу, акушерке, политику, журналисту. Кстати, ты и нашего брата не обижаешь, за что тебе большое спасибо. Рамки эфирного времени и обилие насыщенной информации у тебя сложились в одно целое. Вот это — удача, продиктованная и профессиональным мастерством и, конечно же, трудом самозабвенным. Ни одного пустого выхлопа я в передачах не заметила, хотя, насколько я знаю, специально ты ни с кем не работаешь перед эфиром. Везёт тебе, что ли, или какие-то особые силы помогают?

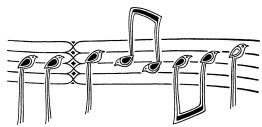
— *Хотелось бы верить в это. Мы иногда между собой рассуждаем: «А что такое, собственно, эфир?» Воздух? Пространство? Бесконечность? Космос? Или мгновенная энергетическая отдача от сказанного? До сих пор поражает. А потом, за десять лет люди научились укладывать свои мысли в короткий промежуток времени. То есть, передача даже многих политиков научила не растекаться мыслью по древу. Отрадно, что люди, наши радиослушатели, тоже научились и говорят в нашем темпе, в нашем ритме. Ведь жизнь стремительна. Рамки передачи позволяют чувствовать это особенно.*

— Очень подкупают в твоей мастерской последние минуты перед эфиром. «Микрофонный страх» исчезает, все раскованы, хотя думают, конечно, что будут говорить. И все на тебя поглядывают. Ты в это время ведёшь очередную беседу с кем-нибудь, ведёшь её в форме задушевного разговора, помогаешь вопросом, репликой. И сидящий в очереди к микрофону начинает понимать, что ты и ему pomoжешь в затруднительный момент. Это очень здорово, что ты разрешаешь входить в студию прямо в момент передачи. Это просто замечательно. Я не помню случая, чтобы кто-то замкнулся во время твоего эфира.

— *Главное — доброжелательность.*

— Я думаю, что стиль передачи, её организация должна стать учёбой для молодых журналистов. Кстати, ты их уже вырастила немало. Жаль только, что они уходят из передачи, то в «Приаду», то на «Европу-плюс», то на TV, из-за очень низких заработков. Да и радиослушатели тебе очень доверяют и, привыкнув к тому, что ты не оставишь все ни один вопрос, любят тебя. Я слышала, как врывались в эфир телефонные звонки, как тебя ласково называли Танечкой. Это же здорово, это просто признание. Недаром «Экспресс-радио» — единственная программа на радио «Славия», сохранившая и название, и стиль в течение 10 лет. Поздравляю тебя с этим. А пожелание? Ну, и, конечно же, желаю тебе сохранить в передаче всё то, что мы все ценим. Чтобы передача жила долго-долго и по-прежнему радовала людей.

**Интервью вела коллега и друг
Тамара Сигалова**

Ирина ПОКРОВСКАЯ

«СРЕДИ ИЗМЕН, СРЕДИ МОГИЛ ОН УЛЫБАЯСЬ СЫПАЛ РОЗЫ...»

Отмечая 140-летие А. С. Аренского

Великий Новгород. Старинный русский город с богатейшей историей, древнейшими образцами русской архитектуры, иконописи, литературы. Город-легенда, город-дух, город-крепость, город-сказание.

Здесь 30 июня 1861 года (по старому стилю) в семье врача губернской больницы Степана Матвеевича Аренского родился талантливый русский композитор, Антоний Степанович Аренский.

Творчество Аренского — явление необычное. Глубоко выросшее корнями в жизнь своей эпохи, оно, казалось бы, и исчерпало себя в ее границах. Но приходит новое время, совершенно несхожее с прошлым по своим запросам и проблемам, и наследие композитора с его неординарным колоритом, вновь, как дикий цветок, расцветает на концертной эстраде, пробуждая горячий интерес слушателей. В чем же причина этого?

В сущности, роль Аренского в русской музыкальной культуре была осознана уже давно. Современники восхищались его композиторской и исполнительской деятельностью; получила заслуженное признание его дирижерская и педагогическая работа.

Популярность Аренского при его жизни была поистине необыкновенной. Его музыку исполняли Танеев, Пабст, Зилоти, Есипова и другие видные артисты. Эмоциональная открытость, чистота и особая мелодичность сочинений Аренского находили отклик у самой различной аудитории — от профессионалов до любителей. Аренский принадлежал к тем редким композиторам, которые пленяют и глубоко трогают слушателя буквально с первых тактов сочинения. Все это поставило Аренского в ту пору в ряд виднейших деятелей отечественного искусства. Так, Г. Ларош писал, что между композиторами тех лет Аренский занимал одно из первых мест¹. Музыка Аренского всегда находила отклик в душе Л.Н. Толстого: «Из молодых русских композиторов выдается один Аренский», — считал он². Аренского признавали крупнейшие музыкальные авторитеты. «Огромный талант», — отзывался однажды об Аренском П.И. Чайковский³. Ученики Аренского по классу теории музыки, среди которых были С. Рахманинов, Г. Конюс, Р. Глиэр, А. Корещенко, Н. Игумнов, А. Гольденвейзер, не только восторгались его творчеством; их привлекала широта художественных интересов, разносторонняя эрудиция, глубокая начитанность и подлинная интеллигентность Аренского.

Со страниц воспоминаний Аренский предстает как натура непосредственная, страстная и вместе с тем сложная и противоречивая. Вот каков словесный портрет композитора, данный С. Василенко: «Красивый, с бледным, слегка помятым лицом, Аренский производил впечатление симпатичного человека и вдохновенного художника»⁴. А. Гондольвейзер также отмечал блестящую природную одаренность и огромное личное обаяние Аренского, которого, «несмотря на его недостат-

ки, все любили»⁵. Аренским восхищались многие, но при этом о нем иногда писали как о человеке несколько странном, болезненно нервном (такую характеристику дал ему П.И. Чайковский)⁶. Штрихи к портрету Аренского можно найти в воспоминаниях С. Василенко: «Необычайно деликатный, Антон Степанович соблюдал в присутствии дам строгий этикет, но в то же время он любил повеселиться и покутить»⁷. Аренский был человеком мягкосердечным и незлобивым. Однако, он становился тверд и непримирим, если дело касалось его творческих и моральных убеждений, вопросов совести и чести. Яркий пример тому — принципиальная позиция, занятая Аренским, в известной истории с увольнением Н.А. Римского-Корсакова из числа профессоров Петербургской консерватории. В заявлении в Дирекцию Петербургского РМО Аренский написал: «До глубины души возмущаюсь действиями Дирекции С.-Петербургского отделения. Прошу вычеркнуть меня из списка действительных членов Петербургского отделения (диплом будет возвращен мною, когда вернусь в Россию), так как я считаю для себя позорным, как для музыкального деятеля, считаться членом такого общества, которое решает уволнять Римского-Корсакова из консерватории».

Творчество Аренского соприкасалось с русским искусством конца XIX и начала XX века во всей его многогранности. Оно по сути глубоко связано с современной ему русской музыкой, литературой, живописью, театром. Здесь напрашиваются интересные художественные параллели. Так, на наш взгляд, романтика чувств, благородство и проникновенный лиризм, выраженные в творчестве Аренского, созвучны интонациям произведений Тургенева, Куприна, Гончарова, Бунина. Это и поэтизация быта уходящего времени, и свойственная им щемящая ностальгическая нота.

В поэзии образному миру Аренского созвучно было творчество Фета, Тютчева, Майкова. Общее для них — необычайно чуткое ощущение природы и мастерство ее изображения. Это же сближает Аренского и с линией «лирической пейзажности» в русской живописи, отраженной в одухотворенных полотнах Левитана, Борисова-Мусатова, Васильева.

Аренский — глубокий и проникновенный лирик. Он не принадлежал к композиторам крупного масштаба, выдвигающим новые творческие принципы. Ранее в критике высказывалось мнение, что «третьему поколению» русских композиторов XIX века (к ним относят, помимо Аренского, таких разных творцов как С. Танеев, К. Лядов, А. Глазунов) суждена роль не первооткрывателей, а продолжателей начатого дела, уже сделанных творческих открытий. Такая оценка во многом спорна. Однако, относительно Аренского она справедлива. Нельзя не согласиться, что он действительно не принад-

лежал к числу крупных художников-реформаторов. Но это ни в коей мере не умаляет его заслуг: Аренский обладал неповторимой художественной индивидуальностью и потому занял особое, только ему принадлежащее место в русской музыкальной культуре. Композиторский почерк Аренского определялся не столько новизной отдельных элементов, сколько оригинальной манерой использования уже известных средств.

Творчество Аренского разнообразно по своему жанровому составу. Наряду с множеством вокальных и фортепианных сочинений камерного плана, его перу принадлежат два концертных произведения для фортепиано с оркестром — Концерт фа-минор и Фантазия на темы Рябинина; три оперы — «Сон на Волге», «Рафаэль», «Наль и Дамянти», две симфонии, балет, ряд оркестровых произведений. Но именно в камерном жанре наиболее ярко выявились такие привлекательные стороны его композиторского дарования как благородство, красота и пластичность мелодики при ясности и прозрачности фактуры. Любимым жанром композитора стала утонченная и изысканная миниатюра. С годами интерес этот усилился: «Лирический талант Аренского удивительно глубок в своей искренности. Тонкость его вкуса — исключительная. Музыка Аренского всегда изящна...», — писал Г. Конюс и подчеркивал также, что поэзия сверхинтимного — область, в которой Аренский не знает соперников, область, в которой он поистине «неувядаемо пленителен»⁸.

Как известно, Аренский не был пианистом-профессионалом. Но, тем не менее, его концертам неизменно сопутствовал фантастический успех. Критика писала о «воодушевлении и уверенности», «мягком, певучем туши», «выразительной и изящной фразировке», «сердечности и прочувствованности», пленявших в исполнении Аренского. Аренский-пианист играл на эстраде только свои сочинения. По словам многих, слышавших Аренского, он не имел себе равных в исполнении собственной музыки.

Огромная популярность Аренского — композитора и пианиста — при жизни постепенно сменилась забвением. Возможно, это отчасти было связано с прекращением его концертной деятельности, которая заметно подогревала интерес к его творчеству. Уже к 10–20-м годам пианисты, еще совсем недавно чуть ли не поголовно увлекающиеся музыкой Аренского, перестают играть его сочинения. Ноты Аренского лежат невостребованными на полках магазинов, в библиотеке консерватории...

Почему это произошло?

В те годы рождалась новая эстетика, новое мироощущение. В свете происходящих жизненных перемен пересматривались многие критерии художественной оценки. На сцену возмнили новые творческие течения, во многом противопоставляющие себя изысканному и интимному искусству миниатюрности. Вагнер поражал пышным блеском своих партитур, богатством и роскошью красок; большой интерес вызвали смелые оркестровые открытия Штрауса; завоевывал сер-

дца слушателей импрессионизм; захватывали и интриговали первые опыты в области додекофонии. «Властителями музыкальных дум» в России девятисотых годов становятся С. Рахманинов, А. Скрябин. Аренский оказался не единственным композитором, причисленным тогда к «отжившему прошлому»: обвинения в «банальности» и «несовременности» получали даже такие авторитеты, как Н.А. Римский-Корсаков и П.И. Чайковский.

Кроме того, в конце двадцатых годов в России начали доминировать вульгарно-социологические концепции. Провозглашалась жесткая зависимость искусства от социально-экономических факторов. Изменился уровень концертной аудитории, «эстетическое ухо эпохи» (выражение Б.В. Асафьева). Музыка Аренского утратила своего слушателя — утонченного интеллигента, подлинного ценителя камерной музыки. Естественно, что наследие Аренского — «искусство традиционных форм и уравновешенных мыслей»⁹ — не могло выжить в этих условиях, оказалось сметено волной новых веяний. Однако, по справедливому замечанию В. Лебла, «резкое охлаждение к творчеству великих романтиков... не может быть постоянным явлением. В истории музыки... все постепенно становится на свои места, ни одно из больших творческих достижений не утрачивается навсегда...»¹⁰. Хочется верить, что музыка Аренского — ее светлый мир, пластичность и красота стройных пропорций, — вновь вернется к слушателю, доставляя ему подлинную эстетическую радость.

Уже сейчас в этом направлении намечаются обнадеживающие тенденции. В последние годы сочинения Аренского все чаще звучат на концертной эстраде. Так, представленные в 1999 году в Москве «Музыкальные выставки» были целиком посвящены творчеству композитора. В Великом Новгороде ежегодно проводятся фестивали и фортепианные конкурсы имени Аренского. Участники их говорят о невероятном обаянии творчества композитора: «Роскошь мастерства. Торжество вкуса. Все у него овеяно легкой неуловимой странностью, пленяет грациозностью. При всей композиторской уверенности — удивительная скромность: Аренский ничего не навязывает...» — отзывается Т. Сергеева, композитор и пианистка.

На родине Аренского, в Великом Новгороде, уже много лет существует музей композиторов-земляков: А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова, в котором представлены интереснейшие экспозиции, рассказывающие об их жизни и творчестве. Основатели музея, Валерий Васильевич и Идея Гавриловна Демидовы, проделали огромную работу по созданию музея и популяризации имени Аренского. Одна из музыкальных школ города носит почётное имя композитора.

Произведения Аренского необходимы фортепианной педагогике и исполнительству. Привлекает также и отсутствие штампов в их интерпретации, что дает свободу творческой фантазии пианиста. Ведь в наследии Аренского могут быть выявлены как особая, светлая эмоциональность, так и сильнейшая ностальгическая нота...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларош Г.А. Избранные статьи. Вып. 4. Л., 1977.

² Яснополянские записки (дневник Д.П. Маковецкого. ГМТ).

³ Цыпин Г.М. А.С. Аренский. М., 1966.

⁴ Василенко С.Н. Воспоминания. М., 1979.

⁵ Воспоминания профессора Гольденвейзера. ГЦММК.

⁶ Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон Ликк. Т. III. «Academia». М.–Л., 1936.

⁷ Василенко С.Н. Указ. соч.

⁸ Конюс Г.Э. Материалы, воспоминания, письма. М., 1988.

⁹ Цыпин Г.М. А.С. Аренский. М., 1966.

¹⁰ Лебл В. Витезслав Новак. Editio supraphon. Praha, 1969.

Наталья СЫРНИКОВА

ОДЕССА — ТЫ ВСЮДУ СО МНОЙ...

(Лирические зарисовки)

В родном городе Оси Бендера бывала я не раз. Семидесятые. Глубокий застой. Днём город лениво дремлет под ярким южным солнцем. Грязно-сине-зелёное море шумит где-то вдаль, обозначая своё дыхание маленькими белыми бурунчиками. По-зеленевший Дюк на набережной взирает откуда-то сверху на суету этого мира. Полупустынная Дерибасовская. Одесский оперный, похожий на большой торт, в котором перебор с кремом. Старые трамваи, грохочущие в тишине улиц. Дворики с двухэтажными домами, где перила лестниц, ведущих на второй этаж, отполированы тысячами рук. Бани Одессы: простор, камень, старина. Не покидает мысль, что здесь когда-то, может быть, мылись Олеша, Утёсов, Соня Золотая Ручка или жуткий комиссар Гуревич.

Летним днём в Одессе активно живёт только Привоз (одесский центральный рынок, для тех, кто не знает). Здесь, в его бесчисленных рядах есть почти всё, что можно пожелать. Это «всё» доставляется из-за границы морями — своими и иностранными. Или сработано где-нибудь неподалёку. На каждом углу массивные одесситки продают кулёчки с рачками, которые здесь едят вместо семечек.

Вечером город оживает. В многочисленных кабачках интернациональные музыканты играют разное. Но обязательно — «Семь сорок». В это благодатное время на улицы Одессы выходят одесские джентльмены. Надо заметить, что таковые появились здесь не со времени создания знаменитой команды КВН. Джентльмены были в Одессе всегда, просто часть их популяризировалась. Те из них, кому нет 30, на мой вкус, совершенно обворожительны. Главным образом не внешне, а своей небанальностью.

Вас могут спросить, например:

— Как пройти на Шолом Алейхема, 9?

На что вы, натурально, ответите:

— Молодой человек, меня уже шестой раз сегодня спрашивают, как куда пройти. Обратите внимание: у меня нет загара. Следовательно, я — не одесситка и, следовательно, маловероятно, что я знаю, где Шолом Алейхема, 9. Что, собственно, так и есть.

Ну, вам и ответят:

— Боже ж мой! Так разве ж в этом дело?!

Впрочем, в Одессе вечером ищут приключений не только молодые джентльмены. В этом чудном городе мужчина —

кавалер до преклонных лет. Человек, лет 65:

— Вче́га п'тивёз из-за г'раницы чемодан с ба'тахлом. Стоит у меня под к'говатью...

В Одессе вообще разговаривают по-особенному.

— Скажите, а это правда, что здесь где-то неподалёку был дом знаменитого бандита Мишки Япончика?

— Миша жил на соседней улице...

Старый одессит во время прогулки на теплоходе:

— Детка, эти теперешние, которых они называют красавицами... Ви их видели? Боже мой! Слушайте, это же не красота! Это что-то другое. Ви меня понимаете, *что?* Ларьёнова! Ви помните Ларьёнову? Аллочку Ларьёнову? Вот это была красота! Помните, как она появилась на балу в «Анне на шее»? Когда ви смотрите на такую красоту, это же хочется жить!

Женская половина Одессы не менее колоритна, чем мужская. Дамы этого города крупны и ярки. Кажется, что у них не бывает неврозов. Весь невроз выходит в крик. Их лица не бывают напряжены. Отвечают вам сразу и очень по существу. Одесситки чудно готовят, особенно рыбу.

В Одессе я обычно останавливалась у вдовы одного известного человека, имеющего отношение к театральной жизни (он работал в театре музыкальной комедии). Это была уже стареющая, но всё ещё очень красивая дама. Она торговала косметикой и воспитывала двух одарённых детей, одна из которых в четвёртом классе решала задачи по математике за девятый. Причём система воспитания заключалась в непрерывном интеллектуальном общении. В этом доме я поняла, почему одесситы мыслят и выражаются парадоксально. Эта парадоксальность культивируется с детства. Конечно, детей иногда ругают, но никогда — злобно, с ненавистью. Детей вообще любят в Одессе. И гостей тоже. В доме часто царит хаос, но в этом хаосе вы — гость — чувствуете себя свободно: никто не даёт вам понять, что вы поставили что-то не так или не туда. Вы сидите, лежите, ходите, где хотите и хозяев это, похоже, вообще не занимает. Спать летом здесь ложатся поздно. Приходит и уходит масса каких-то людей. Словом, одесский дом — это чаще всего дом, который с грустью вспоминаешь долгими зимними северными вечерами.

Одесские анекдоты. О них много сказано. По остроумию, парадоксальности им нет равных. В центре культур-

ного поля одесского анекдота есть анекдоты на тему «Как пройти на Дерибасовскую?» Мне они особенно нравятся. Вот два, которые приходят на память. В ответ на вопрос «Как пройти на Дерибасовскую?» одессит отвечает: «Та ты её топчешь!» Или:

«Пойдѣте прямо, там наши работают; затем свернѣте направо, там ваши работают; снова пойдѣте прямо, там наши сидят, свернѣте налево, там ваши лежат». Искатель Дерибасовской по указанному пути обнаружит: ювелирную мастерскую, завод, тюрьму и кладбище.

Одесские легенды... Одна из самых старых: утверждают, что есть прямые свидетельства того, что кто-то из русских царей брал взятки апельсинами у одесских негоциантов.

Безусловно, легендарная личность — король одесских налѣтчиков времѣн гражданской Мишка Япончик. Свою кличку он получил за внешнее сходство с японцем: узкие глаза, широкие скулы, кошачья пластика. Настоящая его фамилия была Винницкий. Когда его расстреляли (между прочим, не за бандитизм, а за дезертирство из Красной Армии), было ему всего около тридцати. При белых в его отряде насчитывалось десять тысяч человек. Это были в основном бывшие беспризорники. Устное одесское творчество хранит рассказы о налѣтах и кутежах банды до сих пор. Судя по всему, было на что посмотреть, когда Миша гулял с подельниками: лучшие рестораны, потрясающие женщины, роскошные наряды и автомобили.

В Одессе вам расскажут ещё про одну легендарную личность: Бобо. Бобо — знаменитый одесский вор-изобретатель. Это он изобрѣл чемодан без дна. Механизм его прост: поскольку он не имеет дна, то надевается сверху на умыкаемый чемодан. Специальное устройство намертво прижимает чемодан, находящийся внутри, к верхнему чемодану. Благодаря этому устройству, вор не только относительно безопасно получает имущество, но и чувствует себя как джентльмен, а не как какой-нибудь босяк, убегающий от преследователей!

Ещё одна легенда Одессы — Михаил Григорьевич Водяной или Миша Водяной, как его до сих пор зовут здесь. Читатель, очевидно, помнит его в ролях Попандопуло в комедии «Свадьба в Малиновке» и Стена в фильме-оперетте «Вольный ветер». О нём пишу с особым волнением. Я обожала Мишу. Впрочем, я не одинока в своих чувствах. Мишу любила и любит вся Одесса. Во всяком случае, она в полном составе вышла с ним проститься.

Водяной воплощал в себе дух Одессы. Ум, артистизм, энергия и что-то ещё, что приблизительно можно назвать философским взглядом на жизнь — эти одесские качества были присущи ему в высшей степени. Миша очень любил свой город. Рассказывали, что он с большим удовольствием показывал гостям Одессу, водил их по её узким улочкам и дворикам. Любопытно, что он не был одесситом по рождению,

а появился на свет в Харькове.

Я уже упоминала, что останавливалась у вдовы одного из известных в Одесском театре музыкальной комедии людей. Она всегда с удовольствием рассказывала о Мише. В этом театре Водяной проработал много лет, был ведущим артистом. Народ ходил «на Водяного». На спектакли с его участием билеты достать было практически невозможно. Однако никакие рассказы не могли передать редчайшего сценического обаяния Водяного. Его надо было видеть! Он был настолько потрясающ, что через пару минут после начала спектакля зрительный зал следил только за ним. Миша был артистом музкомедии по призванию. Его пластика — это музыка. Реплики, интонационная окраска речи — всё высшего класса. Причѣм видно было, что, как у всякого очень талантливого человека, за этим не стоял каторжный труд. Говорят, что на репетициях Водяной фонтанировал идеями, и режиссѣру оставалось отобрать лучшее. В последние годы он был невероятно популярен. Играл по две роли в одном спектакле!

«Черное море мое...»

После исполнения Водяным роли Мишки Япончика в спектакле «На рассвете» все стали думать, что Япончик именно такой и был. Критика писала, что он играет философа анархии. На мой взгляд, это характер, в котором есть Некто и Бандит. Этот Некто знает всё про Бандита.

Он мечтал сыграть Остапа Бендера. Я думаю, что это был бы лучший из Остапов. Очень жаль, что такое не случилось. Когда уходят такие люди, из жизни уходит радость.

Я равных ему среди современных молодых актѣров не вижу. Почему они не появляются? Мне кажется, что утрачена среда, в которой формируются актѣры такого класса. Его среда — это Райкин, Утѣсов, вся старая Одесса.

Ещё одна легендарная личность — Михаил Жванецкий. В Одессе его тоже зовут Мишей. Миша — это вообще одесское имя. Одесса любит Жванецкого, но, по-моему, немного обижается на то, что он теперь москвич, а не одессит. Любой здесь покажет вам дом, где жил Жванецкий и его не менее колоритная мама. Когда вы увидите этот дом, то сразу поймѣте: Михаил Жванецкий не мог родиться нигде, кроме Одессы. Это одесские гены, одесское воспитание, одесская душа.

Этот город регулярно поставлял стране выдающихся творцов. Вот далеко не полный список одесситов по рождению и воспитанию: писатели Ю. Олеша, Э. Багрицкий, В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров, И. Бабель, К. Паустовский, артисты Л. Утѣсов, Р. Карцев, В. Ильченко, знаменитый режиссѣр С. Говорухин. Между прочим, известный сейчас политехнолог Глеб Павловский закончил когда-то исторический факультет Одесского университета.

В восьмидесятые Одесса начала разъезжаться по миру. Серьѣзные люди собирались на Дерибасовской и многозначительно молчали, изредка перебрасываясь фразами.

«Пикейные жилеты» вновь появились в центральном сквере у фонтана:

- Горбачёв — это голова!
- О чём вы говорите? Рейган — это голова!
- Слушайте сюда, я вам скажу: Голда — это голова!

Открылось много контор типа «Сделай сам»: небольшая помещеница, в котором стоит пишущая, швейная машинка или какой-нибудь станочек. У дверей сидит одесит килограмм на сто и улыбается. Солнцу, морю и вам, пришедшему, чтобы всё сделать самому.

Торгует уже не пол-Одессы, а вся Одесса. Соответственно, и есть уже не почти всё, а всё, включая колготки из змеиной кожи.

Впрочем, несмотря на все изменения, море всё такое же. На пляжах — всё такие же трёхслойные дамы, окружённые юными одеситами, которые необыкновенно энергичны уже с пелёнок. В порту стало больше судов с иностранными флагами. Много, очень много моряков. Особенно хороши итальянские.

— Итальянские моряки — это что-то! — так говорят в Одессе.

Этот вечный город живёт, процветает, меняется. Так что слухи о его закате преувеличены. Ну, да, здесь вас иногда могут обвести вокруг пальца. Но красиво и легко.

ПОТОМУ ЧТО ОДЕССА — ЭТО НЕ СКУЧНЫЙ ГОРОД, ГОСПОДА!

Владимир ПОПОВ

ВЕРЮ

Из инея, из ветра, из глуши
Опять вернусь
Твоим костром согреться.
Его тепло,
Мне верится,
От сердца,
И слово,
Несомненно,
От души.
Я верую,
Как странник верит в путь,
Я верую,
Как верят, может, Богу,
Что Ты судьбой ниспослана
в дорогу,

С которой
Не сойти
И не свернуть.
Я верую
В отпущенные дни,
В Твоем дому
Незапертые двери,
Как в истины,
Которым надо верить,
Чтоб оставались
Истинны они.
Я верую
В спасительный покой
Молчания,
Речей красноречивей,
В терпение,
Что все же справедливей

Случайной благосклонности
людской,
В гармонию,
Связавшую в тиши
Глаза с глазами,
Сердце —
Прямо с сердцем,
Когда вернусь
Костром твоим согреться
Из инея, из ветра, из глуши...
1984

Меж веками и веснами,
Городами и весьями,
Между ликами пестрыми
Да слезами и песнями —
Расстоянья не меряны,
Расстоянья не прошены,
В расстоянья потерями
Расставания брошены.
Расставания невольные,
Расставания пыльные,
Рассеченные болями,
Разведенные былями
В небылицы, за памяти,
За ресницы, под юдоли,
За метельные заметы,
Наметенные грудями.
Нареченные верстами —
Лишайями-наростами,
Кровяными коростами —
Расстоянья да росстани.

Анатолий ОБЪЕДКОВ

Снег и дым в краю привольном.
Вспыхнет зыбко небосвод,
Где над рощей белоствольной
Солнце робкое встает.

Померещится мне тройка
С криком зычным ямщика
И кабацкая попойка,
И смертельная тоска.

Все во мне вдруг отзовется:
Вехи, версты, связь времен,
Грустный лепет колокольцев,
Их далекий перезвон.

Что они расскажут ныне,
Что за смысл в былой тоске?
Не понять... лишь куст полыни
Вздрыгнет в гиблом сквозняке.

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Я слышу Флейту,
Жалобную Флейту,
Играет мальчик в узком переходе
За яблоко иль мелкую монету,
За добрый взгляд, оброненный в народе.

Играет мальчик.
В сиротливых звуках
Душа себя пред всеми изливает.
Он знает: надвигается разлука,
Которая у взрослых лишь бывает.

Все дороги давно пролегли
От деревни к незримому граду...
Не спешить мне в червленной пыли
На закате к идущему стаду.

И буренку теперь не встречать,
И не кликать ее нежно Зорькой.
Не протрутся до дыр на плечах
От кнута пастухов гимнастерки.

Но я слышу все бабушкин зов:
— Ты гони, Толь, ее хворостиной!
И сквозь сотни других голосов
Откликается мне животина...

Возле трухлявого пня
Выводок резвых опят,
Встретив с опаской меня,
Вдруг побежал назад.

В старом местечке глухом,
Где лишь глухарка живет,
Клюква с разросшимся мхом
Прячется в топиях болот.

Зыбко, опасно идти,
Кто-то здесь сгинул давно,
Где-то часов с шести
Станет совсем темно.

Можно совсем одичать
В этих глухих местах
И как медведь заворчать
В темных ольховых кустах...

Снег летит и ночь светла,
Что-то в ней такое есть,
Что святые купола
Шлют России милой весть.

Снег летит, не видно туч,
Все вокруг белым-бело.
Воздух нежен и певуч,
Словно лебедя крыло.

Снег летит. В нем эхо дней
Вдруг находит свой покой,
Словно нет его родней
Здесь, в сторонущке другой...

Ермацкая дума в ночи
У дикой воды Иртыша.
Не так ли от боли кричит
Пронзенная ветром душа?

Кто вдруг оступился, упал, —
Кольчуга утянет на дно.
А я тяжелей чем металл,
А я спотыкаюсь давно.

И все теперь стрелы ко мне,
И вижу свою я Сибирь,
И лодку мою на волне
Качает в восторге упырь...

Алексей КОРОТКОВ

Я ЖАЖДУ ПОКАЯНИЯ СЕЙЧАС...

Я пил непрозрачные воды Евфрата
И мой проводник говорил «вар-вар-вар».
Шесть тысячелетий в долине запряган
Храм Солнечной девы — богини Иштар.
За нами ходили шакалы ночами,
И тьякали из темноты на костер.
Шесть тысячелетий безмолвия в храме,
Его не нашли до сих пор.
Шатт-эль-Араб все зовет возвращаться,
И звезды и звуки — мол, все не к добру.
Мне тоже недавно стало казаться,
Что я непременно и скоро умру..
Шатт-эль-Араб лежит на ступенях,
Меня пожирает безудержный жар,
Но в храме я видел ее на мгновенье,
Мою на мгновенье богиню Иштар.
Текут непрозрачные воды Евфрата
И местные люди поют «вар-вар-вар».
Шесть тысячелетий в долине запряган
Храм Солнечной девы — богини Иштар.

Мурат и Карасу сливаются в Евфрат,
И с двуетидной силой река течет в долину,
В ней воины Элама недвижные лежат
Закованные временем и тиной.
Им не поднять уже свои мечи на бой,
В пустых глазницах их нет злобы и отваги,
И лишь река Евфрат с туманною водой
Колышет в глубине их стяги...

Кинжал. Рука. Удар под сердце.
Не больно — в душу не попал.
Три капли крови иноверца
Клинок сверкающий достал.
На латах солнце отражалось,
Крест на заляпанном щите,
За веру воинство сражалось,
За близость к истинной мечте.

Горели села и столицы,
Смешались кровь, вода, песок.
И даже маленькие птицы
Валялись мертвыми у ног.
От гари небо почернело,
Средь стонов дергалась земля.
Вперед вело святое дело
И ненасытность короля.

И пели птицы в мире зачарованном.
И на чем свет ругался старшина,

Мол, все ребята деморализованы,
И вообще — чужая сторона.
И мол совсем-совсем еще зеленые,
И подготовка вся — под хвост коту..
А генерал в ответ крутнул погонами
И приказал идти на высоту.

посв. Георгу Гейму

Бой барабанов, вой десятков труб,
И эшафот, покрытый черной тканью,
Палач сегодня беспредельно груб,
Сегодня он крушитель мироздания.
Машина взведена, и блещет острие,
Разомкнутые доски ждут обреченной шеи.
Машина для убийств на эшафот прольет
Кровь короля, она пролить посмеет.
Зеваки собрались и тысячами глаз,
Уставились туда — где будет представление,
Смерть по заказу, выполнит заказ
Машина для убийств за них в одно мгновенье.
Шум приближается. Толпа уже ревет,
С повозки сходит Капет, измученный и грязный.
Несмелыми шагами идет на эшафот,
А там палач уже надел колпак свой красный.
И просвистела сталь. Скатилась голова,
И шевелились губы, целуя дно корзины,
А шея из досок старалась оплывать
Всех кровью голубой и гордостью старинной.

Целую мутное стекло
в окне чужого рая,
а в венах счастье затекло,
от стужи умирая.
Всего лишь грань,
кусок стекла
меж стужей и теплом,
а по лицу слеза стекла
и обернулась льдом.

Бул шагов, чад машин, мир стекла и бетона,
Угловатые стены обжитых домов,
Пляшут странные тени в сиянье неона,
Пляшут тени под гомон отрывистых слов.
Серый плащ запахнув зашагаю куда-то
Сзади ночь, впереди электрический свет,
Свято место, воистину пусто и свято,
Свято место, где нас не бывало и нет...

Я боюсь открытых дверей,
Потолков синеватого цвета,

Загостившихся псевдо-друзей,
Раздающих хвалу и советы.
Я боюсь прошагать по прямой,
Не свернув ни в один переулок,
Я боюсь, что нахальной рукой
Бросят в спину горящий окурок.
Я боюсь и воды, и огня,
Смерти, жизни, движенья, смиренья,
Как боюсь я любого мгновенья!
Но мгновенья боятся меня...

Крик не достигнет высшей точки,
Застрянет в горле горький ком...
Мы все живем своим умом,
И все по жизни одиночки...
Безоблачность давно на горизонте
Сменилась непроглядной чернотой,
А я латаю свой дырявый зонтик
Последней в жизни ниткой золотой.

Добравшись до костного смысла,
В смятении отпрянуть назад...
Рассвет переходит в закат,
А дни — в календарные числа...

Я не могу писать на вырванных листках,
Не тянется рука к изранным страницам.
Блокнот раскрыт — в нем листья словно птицы,
Стремятся в небо к белым облакам.

Болен лодочник вновь — переправа закрыта,
Тридцать два человека ждут прямого пути.
Бригадир высших сил сурового вида
Ходит сам по воде, но другим не пройти.

Не явь, а снова сон,
В который раз,
Разбившись о барьер
Жестокого сознания,
Изранный,
Я жажду покаянья,
Я жажду покаяния
Сейчас.

Кукушка пророчила скорую смерть.
Я босыми ногами ходил по траве,
Я чувствовал близкую, строгую твердь,
И небо прикладывал к голове.

И вечер был так бесконечен и чист,
Прекрасный закат для меня догорал.
Шар огненный солнца недвижный повис,
И ждал...

Мой рай земной остался позади,
Холодный ветер бьется у порога.
Возьми меня за руку и веди
К воротам Бога.
Я сам пути уже не различу,
Мои глаза ослепли от сомнений.
Я днем стораю, ночью я кричу
От непонятных, страшных сновидений.
Возьми меня за руку — вот она,
Я жду тебя, мой ангел путеводный,
И не твоя, да и ни чья вина,
Что я свободный...

Кромешный страх раскрошить
последним усилием.
— Нет! — крик бьется в отвесные стены домов.
Я мучаюсь снова, я снова с отросшими крыльями
И снова летать не готов.
Осеннее утро, мокро и ветрено,
Но выше крыши моя голова.
Я поднялся наверх одиноко и медленно,
Чтобы небо холодное поцеловать.

Солнце, дорогое, пора вставать,
Завтракать уже подано.
Пора подниматься, обогревать
Своих наземных подданных.
Я жду давно и многие ждут
Вашего восхождения,
Нам надоело сидеть тут,
Без естественного освещения.

На этот вечер молится Луна,
До звезд рукой подать
И даже ближе,
Они спускались ниже,
Ниже,
Ниже,
Пока не встретили стекло окна...

Кто же он?
Где же я?
Как же ты?
Кто же знает простые ответы?
Объясняется тяжесть планеты
Невесомостью чьей-то мечты...

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Евгений АНИСИМОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института российской истории РАН, член Союза писателей России.

Елена БАРКАНОВА, ведущий редактор альманаха «Чело».

Татьяна ВАСИЛЬЕВА, ассистент кафедры иностранных языков ИЭиУ НовГУ.

Анатолий ГАВРИКОВ, президент НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Татьяна ДАНЬКО, заведующая отделом использования документов ГАНО.

Нинель ДОЙНИКОВА, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НРЦРО.

Дмитрий ЖУРАВЛЁВ, доцент кафедры ИЗИ и МП НовГУ, Народный художник России, член Союза художников России.

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО, редактор и ведущая «Экспресс-радио» НГТРК «Славия», член Союза художников России, член Союза журналистов России.

Алексей КОРОТКОВ, инженер ОКТБ «Омега».

Рената МАКЕЙКИНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения НовГУ.

Наталья МОРЫЛЁВА, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ.

Галия НАСУРДИНОВА, журналист.

Анатолий ОБЪЕДКОВ, инженер завода «Старт», член Союза писателей России.

Ирина ПАВЛОВА, учитель истории (г. Санкт-Петербург).

бург).

Людмила ПЕТРОВА, главный библиотекарь Новгородской областной научной библиотеки.

Ирина ПОКРОВСКАЯ, старший преподаватель кафедры МО и МП.

Владимир ПОПОВ, учитель истории (Белозерский район).

Татьяна РУБАХИНА, главный архивист отдела использования и публикации документов ГАНО.

Ирина САВИНОВА, литературный сотрудник газеты «Время новгородское», член Союза журналистов России.

Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник НГОМЗ.

Тамара СИГАЛОВА, главный редактор альманаха «Чело», член Союза журналистов России.

Наталья СЫРНИКОВА, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии НовГУ.

Сергей ТРОЯНОВСКИЙ, старший научный сотрудник НГОМЗ, кандидат исторических наук, заместитель председателя Новгородского общества любителей древности.

Павел ФОКИН, кандидат филологических наук, ученый секретарь Государственного литературного музея Москвы.

Юлий ЦИРКИН, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НовГУ.

Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.

Алевтина ЯКОВЛЕВА, учитель истории, краевед.

Владимир ЯРЫШ, преподаватель фольклорных дисциплин Музыкальной школы русского фольклора, член Союза художников России.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева ул.), д. 6/64
Телефон: (816-22) 11-55-60. E-mail: chelo@info.novsu.ac.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Рег. номер 013934.

Подписано в печать 22.11.2001. Заказ № 4890.

Бумага 80 г/м². Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-22) 27-883.

Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,

ссылка на «Чело» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Над номером работали:

Главный редактор – Тамара СИГАЛОВА

Инженер-программист – Ирина АЛЕКСАНДРОВА

Ведущий редактор – Елена БАРКАНОВА

Редактор отдела – Юлия СИЛКО